

Министерство народного образования РСФСР
СВЕРДЛОВСКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
НИЖНЕТАГИЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Структурные
и функциональные
особенности
предложения и текста

Сборник научных трудов

1131947

Рассматриваются актуальные проблемы функционального синтаксиса, в связи с которыми по-новому решаются вопросы грамматики, семантики и прагматики языка. Анализ направлен на оптимизацию практических и теоретических вопросов изучения иностранных языков.

Рассчитан на преподавателей вузов для использования в теоретических курсах и практической работе, а также на студентов факультетов иностранных языков.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Свердловского пединститута.

Редакционная коллегия: канд. филол. наук, доц. В. Л. Селянина (ответственный редактор), канд. филол. наук, доц. М. Н. Семенюк, канд. филол. наук, доц. В. И. Томашпольский

Рецензенты: д-р филол. наук, проф. В. Г. Гак (МГПИ имени В. И. Ленина), канд. филол. наук, доц. Г. Н. Бабич (Свердловский пединститут), кафедра иностранных языков Нижнетагильского пединститута

Б. А. АБРАМОВ
МГПИ им. В. И. Ленина

ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАК КОМПОНЕНТ МАКРОТЕКСТА

Объектом исследования является основная единица синтаксиса — предложение. Рассматриваются вопросы влияния текстового окружения на специфику предложения.

Вопрос о внутритекстовых функциях предложений в традиционном синтаксисе в полном объеме не ставился, поскольку в «дотекстовый» период для этого не было необходимых предпосылок, хотя отдельные суждения на этот счет высказывались, в частности, в связи с обсуждением места предложения в потоке речи [1].

До возникновения и интенсивного развития лингвистики и грамматики текста [2] в предложении видели «максимальную единицу синтаксического описания» [3], не входящую ни в какие более крупные синтаксические образования [4], и одновременно самостоятельную коммуникативную, или речевую, единицу.

Вполне понятно, что основное внимание синтаксистов было поэтому сосредоточено на изучении семантико-структурных, т. е. внутренних аспектов предложений, а также на их рубрикации по традиционно выделяемым коммуникативным типам. Следует однако подчеркнуть, что эти исследовательские задачи и сейчас остаются актуальными, ибо предложения как синтаксические единицы [5] с номинативно-коммуникативной функцией [6] организуются по своим собственным семантико-структурным и коммуникативным моделям, которые ни в коей мере не зависят от текста, благодаря чему предложения и в потоке речи сохраняют свой статус собственно синтаксических единиц [7]. Поскольку на их реализацию текст тем не менее может оказывать то или иное воздействие, характер и формы последнего, естественно, нуждаются в самостоятельном изучении.

Оценивая коммуникативный статус предложения, лингвотекстологи руководствуются суждением, что общаются люди друг с другом при помощи создаваемых ими текстов, и исходя из этого считается, что основной единицей, выражающей законченное высказывание, как пишет, например, О. И. Москальская, «является не предложение, а текст» [8]. Соответственно предложение трактуется уже как минимальная речевая единица [9], как важнейший структурный элемент текста [10]. На этой точке зрения базируется весьма распространенное определение текста как когерентной, т. е. семантически и структурно органи-

зованной последовательности предложений [11]. Это определение, правда, не универсально, поскольку, строго говоря, оно справедливо лишь для текстов незначительного объема, ибо только их удается расчленять прямо на предложения как непосредственные их конститuenty, тогда как в текстах значительного объема всегда существуют промежуточные образования типа сверхфразовых единств и их блоков [12]. Хотя приведенное определение текста в указанном смысле несовершенно, тем не менее из него следует возможность и, пожалуй, даже необходимость рассмотрения функций предложений в тексте.

Вместе с тем нельзя не заметить, что сама проблема соотношения предложения и текста не столь проста, как это может показаться на первый взгляд. Поэтому ее обсуждают как в текстологических работах общего характера, так и в ряде посвященных ей публикаций [13]. Ее сложность обусловлена рядом факторов. Основными можно считать известную неопределенность сопоставляемых объектов, причиной которой является отмечаемая практически всеми неоднозначность терминов «предложение» и «текст», и перенесение некоторых свойств, традиционно приписывавшихся предложению как синтаксической и коммуникативной единице, на текст, что не могло не затруднить необходимого для четкого разграничения этих объектов уточнения их сущностных характеристик. О некоторых других факторах см. также [14]. Бесспорно, пожалуй, лишь то, что соотношение между предложением и текстом не задано жестко и что его характер меняется по мере увеличения объема текста. Так, если текст состоит лишь из одного предложения, то они соотносятся друг с другом совсем по-иному, чем тогда, когда текст представляет собой ряд предложений, и тем более, когда текст первично расчленяется на какие-то более крупные единицы. В таких случаях единицами, в которые непосредственно объединяются предложения, являются сверхфразовые единства. Перечисленные обстоятельства существенным образом осложняют изучение внутритекстовых функций предложений. Поэтому речь может идти пока только о суждениях предварительного характера.

Целесообразно, видимо, разграничивать три вида внутритекстовых функций предложений — содержательную, служебную и индикаторную.

Содержательной, или информативной [15], является функция предложений, с помощью которых вводится тема текста, осуществляется ее развертывание и в которых есть указания на ее исчерпанность. В монологическом, графически зафиксированном тексте содержательную функцию выполняют все или почти все входящие в него предложения.

Служебной следует считать функцию предложений, которые непосредственно не участвуют в развертывании темы текста, а используются как средства обеспечения связи между отдель-

ными сегментами текста, как средства его организации. С помощью таких предложений делаются отсылки либо к предшествующим, либо к последующим частям текста, к имеющимся в тексте графикам, рисункам, таблицам, а иногда даже к другим самостоятельным текстам. Эту разновидность носителей служебной функции называют иногда предложениями-скрепами. Другая их разновидность может содержать оценку сообщаемого, указание на последовательность разворачивания темы и др. Содержание предложений со служебной функцией стереотипно, ср., например: «см. выше», «см. ниже», «см. табл., рис.», «ниже об этом будет сказано подробнее», «теперь обратимся к следующей проблеме» и т. п. Они встречаются в основном в некоторых текстах делового характера.

Индикаторной можно назвать функцию предложений, которые тем или иным образом участвуют в индикации коммуникативной функции текста.

Насколько можно судить, вид функции зависит в основном от грамматического статуса и от лексического наполнения предложения.

Рассмотрим теперь подробнее пока малонзученный вопрос о роли предложений в индикации коммуникативной функции текста. При этом будем исходить из следующего ее понимания: *коммуникативная функция* текста заключается в том, чтобы в условиях конкретной ситуации общения обеспечить реципиенту правильное понимание коммуникативного намерения автора данного текста. Она реализуется в опоре на внутритекстовые и на внешние по отношению к тексту индикаторы. В предлагаемом понимании коммуникативная функция текста (КФТ) сознательно отграничивается от коммуникативного намерения автора. Этим оно принципиально отличается от предложенного К. Бринкером определения, в котором КФТ и коммуникативное намерение автора, напротив, отождествляются [16]. Однако при рассмотрении индикаторной функции предложений целесообразно учитывать многие из высказываемых К. Бринкером соображений относительно КФТ. Так, ориентируясь на представленную в теории речевой деятельности концепцию иллокутивных индикаторов, он разграничивает три основных типа средств индикации КФТ:

1) языковые формы и структуры, с помощью которых КФТ выражается эксплицитно, т. е. осуществляется «прямая» ее индикация;

2) языковые формы и структуры, которые эксплицитно или имплицитно передают отношение автора (по терминологии К. Бринкера, эмиттента) к содержанию текста и лишь во взаимодействии с контекстуальными индикаторами, «косвенно» указывают на определенную КФТ;

3) контекстуальные индикаторы, к которым причисляются ситуативные, институциональные, социальные и некоторые дру-

гие, характеризуются как более сильные, чем индикаторы языковые, поскольку при их конкуренции в конечном счете контекстуальные индикаторы определяют КФТ [17].

В настоящее время известны несколько перечней КФТ, в той или иной степени отличающихся друг от друга по составу и принципам их выделения. К. Бринкер подчеркивает, что предлагаемая им классификация КФТ в отличие от классификаций, разработанных его предшественниками, покоится на едином критерии, в качестве которого избран «вид контакта, сигнализируемый эмиттентом реципиенту с помощью текста», и что его классификация представляет собой модифицированную типологию иллокуций, предложенную Сирлем [18].

Исходя из указанного критерия, К. Бринкер выделяет пять основных КФТ: информационную (Informationsfunktion), побудительную (Appellfunktion), «облигационную» (Obligationsfunktion), контактную (Kontaktfunktion) и декларационную (Deklarationsfunktion) [19]. Характеризуя каждую из них в отдельности, он указывает средства ее индикации и виды текста, для которых она типична.

Информационную функцию выполняют тексты, с помощью которых эмиттент сообщает реципиенту какие-либо сведения. «Прямыми» индикаторами этой функции служат перформативные формулы с глаголами: informieren — «информировать», mitteilen — «уведомлять», melden — «докладывать», eröffnen — «сообщать», berichten — «докладывать», benachrichtigen — «извещать», unterrichten — «ставить в известность» и др. «Прямым» индикаторам могут сопутствовать «косвенные». К последним относятся, во-первых, модальные слова и модальные глаголы, позволяющие эмиттенту в большом диапазоне варьировать степень своей уверенности в достоверности сообщаемых сведений (такое сочетание «прямых» и «косвенных» индикаторов типично для газетных, телевизионных и радиоизвестий, сообщений и описаний различного характера, для отчетов об исследованиях, книг делового назначения и т. п.); во-вторых, разнообразная лексика оценочной семантики (такое сочетание характерно для рецензий, актов экспертиз, откликов читателей и др.).

Побудительную функцию выполняют тексты, создаваемые для того, чтобы вызвать у реципиента мыслительно-речевую или деятельностную реакцию, отвечающую намерениям эмиттента. К наиболее часто встречающимся «прямым» индикаторам этой функции относятся предложения с глаголами в императиве, инфинитивные конструкции, вопросительные предложения, модальные глаголы sollen и müssen в сочетании с инфинитивом, предложения с тап и глаголом в презенс конъюнктив, конструкции с глаголами haben/sein + zu + инфинитив. Значительно реже используются предложения с перформативно употребленными глаголами с семантикой побуждения, например, такие, как

auffordern — «призывать», befehlen — «приказывать», bitten — «просить», raten — «советовать», empfehlen — «рекомендовать», verlangen — «требовать», beauftragen — «поручать», а также fragen — «спрашивать». Побудительная функция типична для таких видов текстов, как реклама, текст агитационного содержания, разного вида инструкции и наставления, проповедь, просьба и др.

Облигационную функцию выполняет текст, в котором эмитент берет на себя определенное обязательство по отношению к реципиенту. В текстах с облигационной функцией используются преимущественно «прямые» индикаторы — перформативные формулы с глаголами: versprechen — «обещать», sich verpflichten — «обязываться», schwören — «клясться», garantieren — «гарантировать», sich bereit erklären — «заявлять о своей готовности», sich verbürgen — «(по) ручаться», wetten — «заключать пари» и т. д. К сортам текстов с облигационной функцией относятся расписки, гарантийные свидетельства, тексты договоров, соглашений и др.

Контактной (ее не следует смешивать с *контактоустанавливающей*, или *фатической* [20]) К. Бринкер называет функцию текста, с помощью которого эмитент выражает личное отношение к реципиенту. В таких текстах используются «прямые» индикаторы — перформативные формулы с глаголом или глагольно-именным сочетанием соответствующей семантики: danken — «благодарить», um Entschuldigung bitten — «просить извинения», gratulieren — «поздравлять», beglückwünschen — «желать счастья», Beileid aussprechen — «выражать соболезнование», verfluchen — «проклинать» и т. п. К текстам, являющимся носителями контактной функции, относятся поздравительные, благодарственные, а также те, в которых выражается сочувствие или соболезнование.

Декларационной К. Бринкер предлагает называть функцию текста, с помощью которого эмитент делает официальное или торжественное заявление. Эту функцию сигнализируют в большинстве случаев «прямые» индикаторы — предложения перформативного характера с глаголами соответствующей семантики, например, такими, как einsetzen — «назначать», ernennen — «назначать», bevollmächtigen — «уполномочивать» и др. Типичными текстами с декларационной функцией можно считать завещания, доверенности, разного рода грамоты и свидетельства.

Коммуникативную функцию К. Бринкер считает основным критерием для классификации текстов и разграничивает соответственно пять их классов, каждый из которых подразделяется на виды текстов на основе присущих им контекстуальных и структурных признаков.

Подводя итог, следует сказать, что в центре внимания К. Бринкера находится коммуникативная функция текста, и ее индикаторы рассматриваются именно в этом контексте. Но в

принципе можно перенести акценты на языковые индикаторы КФТ.

Из сказанного выше о типах индикаторов КФТ и об их удельном весе в ее индикации следует, во-первых, что индикаторную функцию выполняют только отдельные предложения текста, соответствующим образом оформляемые; во-вторых, что она определяется их грамматическим статусом и лексическим наполнением; в-третьих, что контекстуальные индикаторы сильнее языковых; в-четвертых, что содержательная, служебная и индикаторная функции возникают у предложений в составе текста и являются внутритекстовыми; в-пятых, что соотношение между КФТ и ее индикаторами имеет, по-видимому, универсальный, надязыковый характер, а индеолингвальная специфика может обнаруживаться в составе языковых индикаторов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., например, **Admoni W. G.** *Der deutsche Sprachbau*. Leningrad, 1972. S. 276; **Erben I.** *Deutsche Grammatik. Ein Abriß*. München, 1972, S. 260—262 и др.

2. Термины «лингвистика текста» и «грамматика текста» нередко употребляются как синонимы. Однако, видимо, все же целесообразнее использовать их для обозначения разных исследовательских направлений, которые, хотя и тесно соприкасаются, но имеют тем не менее каждое свой предмет.

3. **Лайонз Дж.** Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978. С. 185.

4. **Sowinski B.** *Textlinguistik*. Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz, 1983. S. 52.

5. **Deutsche Sprache.** *Kleine Enzyklopädie*. Leipzig, 1983. S. 176; **Grundzüge einer deutschen Grammatik. Berlin, 1981. S. 154.**

6. **Абрамов Б. А.** Типология элементарного предложения в современном немецком языке. М., 1972. С. 93.

7. **Admoni W. G.** *Op. cit.* S. 276—277.

8. **Москальская О. И.** Грамматика текста. М., 1981. С. 9.

9. **Moskalkaja O. I.** *Grammatik der deutschen Gegenwartssprache*. М., 1983. S. 214—215; **Heringer H.-J.** *Deutsche Syntax*. Berlin; New York, 1972. S. 14; **Jung W.** *Grammatik der deutschen Sprache*. Leipzig, 1980. S. 28.

10. **Brinker Kl.** *Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden*. Berlin, 1985. S. 17.

11. См., например, **Brinker Kl.** *Op. cit.* S. 14; **Engel U.** *Syntax der deutschen Gegenwartssprache*. Berlin, 1982. S. 273; **Heupel C.** *Linguistisches Wörterbuch*. München, 1978. S. 140; **Jung W.** *Op. cit.* S. 29.

12. **Абрамов Б. А.** Предложение и текст // Лингвистические проблемы текста: Сб. научн. тр. М., 1983. Вып. 217; **Фридман Л. Г.** Структурные и функциональные особенности текста и его конститuentов // Вопросы синтаксиса и стилистики текста в современном немецком языке. Пятигорск, 1986. С. 6.

13. См., например, **Абрамов Б. А.** Предложение и текст; **Isenberg H.** *Text vs. Satz // Probleme der Textlinguistik II*. Berlin, 1977. S. 119—146; **Raible W.** *Satz und Text. Untersuchungen zu vier romanischen Sprachen*. Tübingen, 1972.

14. **Абрамов Б. А.** Предложение и текст; **Sowinski B.** *Op. cit.* S. 57.

15. Ср., например, **Тимофеева Н. С.** О некоторых внутритекстовых функциях предложения // Коммуникативно-прагматический аспект предложения в немецком языке. М., 1984. С. 131.

16. Ср. «Термин «функция текста» обозначает коммуникативное намерение эмиттента, выраженное в тексте с помощью определенных, конвенциональных, т. е. обязательных для коммуникантов средств» (**Brinker Kl.** *Op. cit.* S. 86).

17. Brinkel KJ. Op. cit. S. 90—92.

18. Там же. S. 97.

19. Там же. S. 97—113.

20. См. Словарь лингвистических терминов / Под ред. О. С. Ахмановой. М., 1966. С. 508.

Структурные и функциональные особенности предложения и текста. Свердловск, 1989

Н. В. ГАВРИЛОВА

Орехово-Зуевский пединститут

ПРИЧИННО-РЕЗУЛЬТАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРЕДЛОЖЕНИИ И ТЕКСТЕ

Каузатив и результатив рассматриваются как универсальная семантико-синтаксическая категория, отображающая новое состояние субъекта или объекта как результат предыдущего действия.

Причинно-результативные отношения рассматриваются нами как связь двух событий, из которых одно вызывает, детерминирует другое. При этом под событием понимается как свойство предмета, так и какое-либо действие, состояние. Соотносящиеся события, первое, вызывающее второе, и второе, вызванное первым, определяются как причина и результат. Лингвистические средства разных уровней, выражающие событие-причину, определяются как каузатив, а выражающие событие-результат — как результатив. Конструкции, выражающие причинно-результативные отношения, составляют каузативно-результативный комплекс.

Субъект познает мир и отражает в определенной языковой форме объективно существующие причинные связи. Результат этой познавательной деятельности может быть как модально нейтральным, так и модально насыщенным. Языковые формы, характеризующиеся нулевой модальностью познающего субъекта, представляют итог логических действий субъекта по установлению причинной связи событий, но так, будто эта связь существует сама по себе, без участия познающего мир субъекта. Эти причинные связи логически не детерминированы, они лишь отражают фактические причинные связи: *Il fixait longtemps les gens avant de leur parler, parce qu'il n'était pas sûr de sa vue et qu'il attendait d'entendre le son de leur voix* (G. Simenon).

Результат познавательной деятельности субъекта может быть также модально насыщенным. В этом случае в нем присутствует тот элемент, который можно условно назвать «модальность познающего субъекта» (МПС). Эти языковые формы показывают, каким образом познающий мир субъект пришел к осознанию объективно существующей причинной связи: по причине установил действие или по действию — причину. Это так называемые

логически детерминированные связи. Они отражают фактическое положение вещей через призму логического содержания: *Le plus jeune est nerveux et agité. Visiblement, il attend son premier enfant (N. de Buron)*. Логическое следствие (*Visiblement, il attend son premier enfant*) делается на основе реальной посылки (*Le plus jeune est nerveux et agité*). Присутствие модальности познающего субъекта проявляется в данном случае в наличии модального слова *visiblement* и в деформации фактических причинно-результативных связей: логическое следствие является в самом деле причиной, а основание — результатом этого действия. Устранение МПС из этой фразы приводит к восстановлению реальных причинно-результативных связей: *Le plus jeune est nerveux et agité parce qu'il attend son premier enfant*.

Подобного же рода отношения наблюдаются во фразе: *Elle avait dû rentrer juste avant lui, car elle avait encore son manteau (F. Sagan)*. Устранение МПС из этой фразы приводит к восстановлению возможных реальных причинно-результативных связей: *Elle était rentrée juste avant lui, c'est pourquoi elle avait encore son manteau*.

Однако не всегда присутствие МПС приводит к такой деформации причинно-результативных связей, при которой причина действия выступает как логическое следствие. Например: *Fabien calculait ses chances: il s'agissait d'un orage local, probablement, puisque Trelew, la prochaine escale, signalait un ciel trois quarts couvert (A. de Saint-Exupéry)*. В рассуждениях Фабьена реальная, логическая причина и следствие совпадают. Лексическим сигнализатором МПС является модальное слово.

Наконец, есть языковые формы, которые характеризуются присутствием модальности познающего субъекта и внешне сходны с формами логически опосредованной причинности, но это лишь структурное сходство, опирающееся на наличие двух форм, связанных отношением каузации. Они характеризуются грамматическими средствами связи в виде союзов с причинным или следственным значением. Однако эти союзы выступают в данном случае лишь в качестве выразителей логических процессов, происходящих в сознании логически мыслящего субъекта. Конструкции, в которых они употребляются, не отражают реальных причинно-результативных связей предметов и явлений действительности. Например: *Naturellement, Nicolas et même la petite Line sont au courant. C'est d'ailleurs la seule chose qui pourrait affecter Bruno; car avec Juliette, il est d'un manque d'égards incroyables (J.-L. Curtis); ...c'est un des propriétaires qui a eu cette idée, la seule du reste qui connaissait quelque chose aux arbres et les aimait, parce que les autres, ceux qui sont venus après, ils préféreraient Megève ou la Côte d'Azur (A. Philipe); Je ne cherchais aucune solution, puisque la solution existait. Elle n'était pas supportable. Voilà tout (A. Philipe)*.

Следовательно, наличие союзов с причинным или следствен-

ным значением не является достаточным условием для установления причинно-результативных отношений между двумя формами. Для этого необходимы эксплицитно или имплицитно выраженные событие-причина и событие-результат, а также существование генетической связи между этими событиями [1]. Формы, не отвечающие этим условиям, исключены нами из анализа.

Отношение между формами, выражающими причинно-результативные отношения непосредственно и опосредованно (через модальность познающего мир субъекта), можно представить схематично.

Непосредственная причинная связь, характеризующаяся нулевой модальностью познающего субъекта. Исходным пунктом сообщения является либо причина (А), либо результат ее действия (В). Например: *Comme il y avait une bonne lieue de Garibier à l'église, il me fallait partir de ches nous l'hiver avant qu'il fasse jour* (E. Guillaumin); *Nous parlions rarement de la guerre parce qu'elle se rappelait à nous partout, dans les yeux des passant, aux kiosques à journaux, aux issues des métro, parce que nous n'étions jamais sûrs de nous retrouver le lendemain* (C. Etcherelli).

Причинная связь, опосредованная модальностью познающего мир субъекта. Логическая причина равна реальной причине, а логическое следствие — реальному следствию. В этом случае также исходным пунктом сообщения может быть либо причина, либо результат ее действия. Например: *Je dus abuser un peu toutes ces bonnes choses; toujours est-il que je fus indisposé à la cérémonie du soir et mal à l'aise encore durant la nuit* (C. Etcherelli).

Основоследственная связь, когда логическое основание равно предметному следствию, а логическое следствие — предметной причине. Например: *Sans doute déchiffra-t-elle une heure tardive sur son visage, car elle se leva* (R. Radiguet).

Формы, отличающиеся присутствием МПС, однако установленные логические отношения не отражают реальных причинно-результативных отношений предметов и явлений действительности. Например: *C'était ça les paysans ici, et à peu de choses près c'est encore ça, car s'il y a eu des changements c'est uniquement d'un point de vue matériel* (E. Carles).

Конструкции, выражающие причинно-результативные отношения, отличаются большим структурным разнообразием. Так, по месту каузатива и результатива в тексте различается контактное и дистантное расположение элементов каузативно-результативного комплекса. Под контактным расположением мы понимаем соположение элементов каузативно-результативного комплекса, которые соотносятся 1) как однородные сказуемые: *Il imagina Suzy avec un bébé dans les bras et ressentit une certaine émotion* (G.-L. Curtis); 2) как части сложносочиненного предложения: *Mais au sortir de la douche sa tristesse le reprit et*

il se sentit aussi sale qu'auparavant (H. Troyal); 3) как части сложноподчиненного предложения: Parce qu'il me fallait une certaine atmosphère de sérénité, de gentillesse, je voulais l'obliger à y pénétrer (C. Etcherelli); 4) как два соположенных предложения: Il a été élevé dans l'amour de son pays. Alors il l'aime (C. Arnothy).

При дистантном расположении каузатива и результата в тексте они могут быть разделены одним или более предложениями: Mais alors j'éprouvai une surprise. *Les pneus était à plat.* Je crus d'abord que ma bicyclette s'était vengée. Puis j'eus honte de l'avoir accusée. L'humidité avait attaqué le caoutchouc. Les pneus, las d'attendre, avait dû devenir poreux (P. Guth); C'était là que j'avais rengé ma bicyclette. En prévision de ma longue absence je l'avais suspendue à des crochets. <...> *Elle était toujours là, suspendue à ses crochets* (P. Guth).

Если в первом примере каузатив и результатив разделены тремя предложениями, то во втором примере — целой страницей текста.

По местоположению каузатива и отношению к результативу различаются препозиция и постпозиция результатива. Наблюдения показывают, что каузативно-результативный комплекс, элементы которого соединены союзом *et*, характеризуется стабильностью порядка следования элементов с постоянной постпозицией результатива: *Elle lui faisait un geste joyeux, et alors le coeur de Coquereau se gonflait* (E. Dabit).

Стабильностью порядка следования элементов каузативно-результативного комплекса отличаются также конструкции с каузативом, введенным союзами *comme* и *car*. Если в первом случае результатив находится в постпозиции, то во втором случае — в препозиции: *Comme il se retournait pour jeter un coup d'oeil d'ensemble sur le champ, il aperçut Brigitte qui montait vivement le sentier* (R. Frison-Roche); *Souvent elle s'arrêtait pour permettre à la jeune femme de reprendre haleine, car la marche l'essoufflait* (G.-E. Clancier).

Все остальные типы каузативно-результативного комплекса отличаются мобильностью порядка следования элементов. При порядке следования $K \rightarrow P$ каузатив является темой, а результатив — ремой. Постпозиция результатива способствует его выделению, привлечению к нему внимания. Препозиция же результатива приводит к выделению каузатива. В этом случае результатив относится к действию известному и потому не привлекающему внимание говорящего и слушающего, все внимание сосредоточивается на каузативе. Ср.: *Elle obéissait à Mes-paul* parce qu'il avait une voix habituée au commandement (E. Dabit); *Parce qu'il avait des connaissances en peinture, j'avais essayé de le devenir aussi* (J.-L. Curtis).

В отдельных случаях возможна не только препозиция или постпозиция одного элемента по отношению к другому, но и

интерпозиция одного из элементов, чаще каузатива: *Subitement un soir, parce qu'il a bu, il lui flanque une taloche* (E. Dabit).

По способу введения элементов каузативно-результативного комплекса можно выделить нейтральное и аффективное представление элементов каузативно-результативного комплекса. Нейтральное представление элементов каузативно-результативного комплекса характеризуется отсутствием специальных оборотов, способствующих выделению каузатива или результата: *Cette manoeuvre inquiéta Bessie et elle fit entendre des appels plaintifs* (R. Merle).

Стремление выделить тот или иной элемент (каузатив или результатив) приводит к появлению специальных оборотов, вводящих каузатив или результатив. Так, оборот *c'est pourquoi* способствует выделению результата, находящегося в постпозиции: *... il a été élevé en pension sans aucune présence féminine, c'est pourquoi il ne s'est pas développé* (R. Merle).

Средством выделения каузативного элемента является оборот *c'est que*, иногда соединенный с подчинительным союзом: *C'est parce qu'elle la croit endormie que la vieille femme interroge le Japonais* (M. Duras); *Un an plus tôt, il s'était montré gentil, presque affectueux. C'est qu'il n'avait pas encore découvert les Vraies Valeurs. Il les connaissait maintenant* (J.-L. Curtis).

Логико-эмоциональным средством выделения обоих элементов комплекса является употребление союза *si* перед результативным элементом и оборота *c'est* перед каузативным элементом [2]: *Si vous ne voulez pas que je suive Nicolas en Sibérie, c'est parce que vous avez peur de vous ennuyer ici, à Kachtanovka* (H. Troyat); *...s'il ne lui avait pas donné signe de vie depuis longtemps, c'était uniquement parce qu'il était bouleversé par la fugue et le mariage de sa soeur?* (H. Troyat).

По количеству причинных линий в тексте различаются однокомплексные и многокомплексные конструкции [3]. Однокомплексные конструкции представляют собой сочетание одного каузатива с одним результативом, либо сочетание нескольких каузативов с одним результативом и, наконец, сочетание одного каузатива с несколькими результативами. Например: *...Adeline finit par refermer sa porte, puisque, elle, on ne la réclamait pas* (P. Hériat); *Et toute sa vie serait derrière elle. Avec le souvenir d'un homme au milieu. Un homme qui l'aurait déçue parce qu'elle l'aurait placé trop haut, ou parce qu'il l'aurait quittée ou parce qu'elle l'aurait trompé, ou parce qu'il ne lui aurait pas donné d'enfants, ou parce qu'il lui en aurait donné trop, ou parce qu'il serait mort, ou parce qu'il n'aurait jamais existé* (H. Troyat); *Et elle but le fond de sa coupe d'un trait. Ses joues s'enflammèrent. Mille aiguilles lui piquèrent la langue* (H. Troyat).

Структура многокомплексных конструкций очень разнообразна. Это могут быть конструкции типа, где результатив первого комплекса является одновременно каузативом второго комплекса:

... une d'elle, haute de douze mètres, défonça les tôles d'acier à l'avant du cargo colombien Tiburon, *une voie d'eau s'ouvrit, le Tiburon lança un SOS...* (R. Merle).

Это может быть конструкция типа, в которой второй результатив является одновременно каузативом для третьего результатива: *Si j'avais su qu'il existât une seule chance de te sauver, nous en aurions parlé ensemble, nous aurions tenté l'impossible et peut-être aurions-nous gagné?* (A. Philipe).

Многокомплексные конструкции, представляющие собой сложное поликаузальное целое, показывают, что явления объективной действительности связаны многоступенчатыми причинно-результативными отношениями, что одно событие детерминирует другое, которое, в свою очередь, становится причиной следующего события, и т. д. Конструкции такого типа могут быть подвергнуты трансформации, позволяющей вычленить отдельные входящие в них каузативно-результативные комплексы: *Après l'avoir contemplé un long moment j'étais si bouleversé que je ne pouvais discerner en elle des détails...* (P. Boule). → *Après l'avoir contemplé un long moment j'étais si bouleversé... J'étais si bouleversé que je ne pouvais discerner en elle des détails.*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ср.: **Синякова Г. А.** Предложные словосочетания с причинно-следственным характером отношения между компонентами в современном французском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1970.

2. **Гавришина К. С.** Сложные мнимоусловные предложения в современном французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971.

3. Ср.: **Ермакова С. Н.** Причинно-следственные отношения в сложном предложении и в сложном синтаксическом целом в немецком языке XVI века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971.

Структурные и функциональные особенности предложения и текста. Свердловск, 1989

В. И. ТОМАШПОЛЬСКИЙ

Свердловский пединститут

ОТРИЦАТЕЛЬНО-ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ: В ПОИСКАХ ОБЩЕРОМАНСКИХ ПРОТОТИПОВ

Объясняется происхождение структурных типов отрицательно-побудительных предложений на основе метода сравнительно-исторических реконструкций. Высказывается предположение об общероманских прототипах, арельных вариантах и поздних инновациях.

Для выражения запрещения, обращенного ко 2 л. ед. ч., в романских языках употребляются побудительные предложения с инфинитивом. Они документированы в четырех роман-

ских областях. В Галлии инфинитивный прохибитив засвидетельствован в старофранцузских текстах с конца XI в., распространен в поэзии XII в. и реже встречается в прозе XIII в.: *Sire cumpainz, nel dire ja* (Roland, 1113); *Deus, perre, n'en laisser hunir France* (2337); *Carles, ne t'esmaer* (Pèlerinage, 674); *Ne la baillier tu onques* (Couronnement, 79); *Ne t'en esmaier mie* (Prise, 1351 C). Он употреблялся здесь наряду с императивом и был вытеснен им к новому времени [1]. В окситанском инфинитивная конструкция встречается в целом реже, чем во французском. Большая часть примеров отмечается в прозаических переводах: *non demorar, non escoltar, no menjar* (Glossaire occitanien, 16b, 63b, 72a). Отдельные предложения можно найти в поэзии: *Ne m'aucire* (Choix des poésies, I, 334); *Non cobeitar gran sensa* (IV, 456); *Non creire cosselh guereiador* (Girart de Rousillon, 8331). Эта конструкция соперничает здесь с побудительным конъюнктивом [2]. В Ретии запретительный оборот с инфинитивом территориально ограничен. Он употребляется только в нижнеэнгадинском диалекте: *Na ns reschponder 'ne nous réponds pas'; Va our dals peis, at di eu, e nu m'agitar* (Molière, II, 3) '...et ne m'échauffe pas les oreilles' [3]. Зато в Италии эта конструкция с древнейших времен стала основным средством повсеместно в центре и на юге: *Bella, non dispregiaremi* (Cielo d'Alcamo); *Non ti crucciare* (Inferno, 3, 94); *Non impedir le suo fatal andare* (5, 22); современные тосканские *non andare, bere, uscire*. На севере она документирована в старомиланском (Barsegapè, 493 *no temer*, 680 *no t'en despartire*), в современных лигурском, венецианском, эмилианском, романьольском диалектах. В Пьемонте и Ломбардии, как во французском, инфинитивное запрещение уступило место императиву с отрицанием [4]. На Балканах эта структура вытеснила другие конструкции и стала регулярным средством выражения: *nu cînta, nu cădea, nu citi, nu кынта, nu кэдя, nu чити* [5]. Более того, в старых текстах документировано распространение инфинитива на 2 л. мн. ч. в полной форме с вторичным прибавлением окончания: *nu fireti* (Psaltirea Scheiana, ps. 31, 9), *nu va temereti* (Codicele Voronetean, 154, 11—12), *nu lâsareti* (Codicele Todorescu, 209, 49 v.) [6]. Только в Иберии и Сардинии инфинитивные прохибитивы не засвидетельствованы. Для выражения запрещения в этих ареалах в качестве основного средства употребляется конъюнктив: в старопортугальском *non des*, в староиспанском *no digas*, в сардинском *non mandighes* [7].

Иногда к рассмотренным выше примерам причисляют инфинитивные формулы типа современного французского *ne pas déranger, se taire sur les rangs, s'adresser au concierge, traduire le texte*, современного испанского *no correr, dirigirse al secretario*, современного португальского *cessar fogo, avançar* [8]. Анализ показывает, что эти формулы представляют собой внешне

похожее, но по сути другое явление. Так, если старофранцузские конструкции употребляются только в отрицательном значении и всегда обращены к определенному 2 л. ед. ч., что часто подчеркивается субъектным *tu* или объектными *te, toi* в местоименной форме, то современные французские обороты могут быть как позитивными, так и негативными. Они носят неопределенно-личный характер, употребление субъектного *tu* исключено, а в местоименной форме ставится *se* [9].

Если вопрос территориального и хронологического распространения императивного прохибитива решается достаточно однозначно, то происхождение этого оборота вызывает противоречивые суждения. Некоторые исследователи предполагают, что эта конструкция восходит к латинскому имперфекту конъюнктива *ne cantares* [10]. Эта гипотеза не подтверждается материалом. Во-первых, романские конструкции указывают на первоначальное **non*, а не *ne*; во-вторых, исходное окончание *-ges* дало бы сигматические рефлексы в Галлии, Ретии, на севере и юге Италии, формы на *-*gi*— в центральной Италии и на Балканах; в-третьих, обороты документированы в тех областях, где рефлекс имперфекта конъюнктива не оставили следов (Галлия, Ретия, Италия, Балканы), и не засвидетельствованы в ареалах их сохранения (Иберия, Сардиния).

Другие романисты связывают инфинитивную формулу с перфектом конъюнктива *ne canta(ve)ris*. О таком происхождении наряду с обсуждаемой ниже возможностью говорят Г. Рольфс, Н. Фасон, П. Текавич; его же берет за основу Г. Лаусберг [11]. Это предположение тоже не выдерживает сопоставления с фактами. Вдобавок к двум первым возражениям, высказанным по отношению к предыдущей гипотезе (прохибитив восходит к латинскому имперфекту конъюнктива), отметим, что рефлекс перфекта конъюнктива должны были бы сохранить основу перфекта, по меньшей мере, у отдельных глаголов и что территориальное распространение прохибитива не совпадает с распространением рефлексов перфекта конъюнктива [12]. Наконец, некоторые авторы предполагают, что в латинском языке бытовала инфинитивная конструкция, которая легла в основу соответствующих романских употреблений [13].

Несовпадение во мнениях объясняется тем, что ученые исходят из латинского материала и именно в нем стараются отыскать романские прототипы, тогда как для однозначного решения проблемы нужно в первую очередь обратиться к изучению романских фактов в сочетании с приемом реконструкции. Сопоставление романских свидетельств показывает, что инфинитивный прохибитив 2 л. ед. ч. восходит к прароманскому обороту **non kantáre*. Подтверждение этой реконструкции можно отыскать в латинских текстах, где рядом с традиционными средствами выражения запрещения вопреки классическим канонам с IV в. н. э. изредка появляются отдельные употребления роман-

ского инфинитивного прохибитива: *Si videris lassiozem esse, non tangere* (*Mulomedicina Chironis*, 129) [14].

Когда, где и как образовался этот оборот? Какое место он занимал в протороманской системе? Латинские факты показывают, что конструкция вошла в употребление, по меньшей мере, в IV в. Романские рефлексy не противоречат этому представлению; более того, исходя из их распределения в пространстве и во времени можно предположить, что инфинитивное запрещение возникло в центре и на юге Италии, распространилось оттуда на север Италии, в Галлию, Ретию и на Балканы, но не было принято Иберией и Сардинией; позднее, натолкнувшись на сопротивление других, старых и новых, способов выражения, оно отступило из Галлии, Ретии и северной Италии. Время и место появления инновации заставляют думать, что она проникла в романскую речь под греческим влиянием [15]; на это же указывает распространение инфинитивного запрещения в *Mulomedicina Chironis* [16]. Другие предположения менее вероятны, так как они не опираются на фактические данные [17]. Изучение романских и латинских рефлексов показывает, что инфинитивный прохибитив **non kantáre* не получал общероманского признания. С момента возникновения он употреблялся как экспрессивный, просторечный, территориально ограниченный вариант, соперничая с общероманским **non kántes* и другими новообразованиями типа **non kánta*, **non kantáesses* и т. п., предыстория которых до настоящего времени неясна [18]. Сравнительное изучение всей совокупности средств выражения запрещения от зарождения романской речи до появления текстов на новых языках с акцентом на реконструкции протосостояний остается одной из актуальных задач романской исторической грамматики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Об этих и других средствах выражения запрещения в старофранцузском см.: **Diez F.** *Grammatik der romanischen Sprachen*. Bonn, 1882. S. 917—918; **Engländer D.** *Der Imperativ im Altfranzösischen*. Breslau, 1889, **Nyrop K.** *Grammaire historique de la langue française*. Vol. 6. Copenhagen, 1930. § 268.6; **Бурсье Э.** Основы романского языкознания. М., 1952. § 320; **Foulet L.** *Petite syntaxe de l'ancien français*. P., 1972. § 313; **Moignet G.** *Grammaire de l'ancien français*. P., 1973. P. 136, 200, 217, 290; **Ménard Ph.** *Syntaxe de l'ancien français*. Bordeaux, 1973. § 161b.

2. О средствах выражения запрещения в окситанском см.: **Diez F.** *Loc. cit.*; **Schultz-Gora O.** *Altprovenzalisches Elementarbuch*. Heidelberg, 1906. § 185. При обсуждении инфинитивного запрещения староокситанские формы упоминаются далеко не всегда.

3. См.: **Бурсье Э.** Указ. соч. § 533; **Бородина М. А.** Современный литературный ретороманский язык Швейцарии. Л., 1969. С. 158. Фриульские конструкции рассматриваются у **Gregor D. B.** *Friulian*. N. Y.; Cambridge, 1975. P. 122.

4. Об итальянских средствах выражения запрещения см.: **Diez F.** *Op. cit.* S. 917; **Rohlf G.** *Historische Grammatik der italienischen Sprache*. Bd. 2. Bern, 1952. § 611; **Бурсье Э.** Указ. соч. § 447; **Façon N.** *Grammatica storica*

della lingua italiana. Bucuresti, 1964. P. 150; **Tekavčić P.** Grammatica storica dell'italiano. Bologna, 1972. § 1025—1030.

5. Об отрицательном императиве на Балканах см.: **Diez F.** Loc. cit.; **Бурсье Э.** Указ. соч. § 505; **Lombard A.** Le verbe roumain. Lund, 1954—1955. P. 249; **Densusianu O.** Istoria limbii române. Vol. 2. Bucuresti. 1961. § 78; **Posetti Al.** Istoria limbii române. Bucuresti, 1964—1966. Vol. 1. P. 134; Vol. 6. P. 293—294; **Мелник В. Ф.** Элементе де морфоложие диалекталэ. Кишинэу, 1977. П. 136.

6. См. эти и другие примеры у **Rosetti Al.** Op. cit. Vol. 6. P. 293.

7. О португальских, испанских, сардинских конструкциях, выражающих запрещение: **Diez F.** Loc. cit.; **Zauner A.** Romanische Sprachwissenschaft. Bd. 2. Berlin, 1921. § 50; **Huber J.** Altportugiesisches Elementarbuch. Heidelberg, 1933. § 386.

8. Ссылаясь на такие формулы, К. Нюроп считает, что старофранцузское инфинитивное запрещение утратилось не полностью (**Nyrop K.** Loc. cit.).

9. Против отождествления старых и новых французских оборотов выступают Л. Фуле (**Foulet L.** Op. cit.) и Ж. Муанье (**Moignet G.** Op. cit. P. 200). Тем не менее утверждение Л. Фуле о том, что эти обороты «не имеют ничего общего», — явное преувеличение.

10. Идея о происхождении инфинитивной конструкции из имперфекта конъюнктива была высказана Ж. Молем, поддержана Г. Мейером (**Meier H.** o gênese do infinito flexionado português // *Boletim de Filologia.* 1950. Vol. 11. P. 115—132), обсуждается у **Maurer T.** Gramática do latim vulgar. Rio de Janeiro, 1959. P. 128.

11. См.: **Rohlf G.** Loc. cit.; **Façon N.** Loc. cit.; **Tekavčić P.** Op. cit. § 1028; **Lausberg H.** Romanische Sprachwissenschaft. Bd. 3. Berlin, 1962. § 806.

12. Рефлексы перфекта конъюнктива документированы в Иберии, Гаскони, Италии и на Балканах. В двух первых ареалах они сохранились до настоящего времени, но там инфинитивный прохибитив 2 л. ед. ч. вообще неизвестен. В двух последних ареалах они выходят из употребления в новое время, но именно здесь инфинитивное запрещение получает наибольшее распространение, причем первое явление ведет себя как отступающий архаизм, а второе — как распространяющаяся инновация.

13. См.: **Diez F.** Loc. cit.; **Meyer-Lübke W.** Einführung in das Studium der romanischen Sprachwissenschaft. Heidelberg, 1920. § 225; **Бурсье Э.** Указ. соч. § 128. **Tiktin H.** Rumänisches Elementarbuch. Heidelberg. 1905. § 235; **Densusianu O.** Loc. cit.; **Rosetti Al.** Op. cit. Vol. 1. P. 134; **Lombard A.** Loc. cit.

14. См.: **Бурсье Э.** Указ. соч. Другие авторы (**Rohlf G.** Loc. cit.; **Väänänen V.** Loc. cit.) приводят более ранние примеры, но во всех случаях речь идет о побудительном инфинитиве без отрицания: Tu socios adhibere sacris (**Valerius Flaccus**, 3, 412); Uti, utere felix (CIL, XIII, 10017, 32 et al.).

15. На сходное употребление инфинитивного запрещения в греческом и немецком впервые указал **Diez F.** Op. cit. S. 918. Однако его замечание справедливо только в отношении греческого, а немецкие обороты соответствуют неопределенно-личным конструкциям.

16. «Ветеринария Хирона» представляет собой сборник отрывков из греческих трактатов разного времени в латинском переложении, составленный во второй половине IV в. См.: **Rohlf G.** Sermo vulgaris latinus. Tübingen, 1956. S. 19.

17. Предположение о том, что инфинитивная конструкция возникла в результате эллисиса (**Nyrop K.** Op. cit. § 268. 5), отвергает Ф. Менар (**Ménard Ph.** Loc. cit.). Некоторые ученые без какого-либо обоснования утверждают, что она образовалась по модели poli cantare (**Rohlf G.** Loc. cit.; **Сергиевский М. В.** Введение в романское языкознание. М., 1954. § 79; **Tekavčić P.** Loc. cit.). Отметим, что формообразовательный суффикс греческого происхождения * -fdi- получил одним или двумя веками позднее то же территориальное распространение. Об этом суффиксе см.: **Zamboni A.** Un problema di morfologia romanza // *Quaderni patavini di linguistica.* 1980—1981. Vol. 2. P. 171—187.

Структурные и функциональные особенности предложения и текста. Свердловск, 1989

И. К. БАТАЛОВА

Нижнетагильский пединститут

**КОММУНИКАТИВНАЯ, СЕМАНТИКО-
ГРАММАТИЧЕСКАЯ И СТИЛИСТИЧЕСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ СВЯЗНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ**

Рассматриваются сверхфразовые единства в связном художественном тексте, устанавливается иерархия тема-рематических компонентов, дается интерпретация подтекстовой информации, ориентирующей на понимание смысла.

Длительное время главным объектом исследования в синтаксисе было предложение, которое квалифицировалось как основная и высшая синтаксическая единица. Сейчас вполне оправданно внимание лингвистов направлено на изучение высказываний, получивших название сверхфразовых единств или сложных синтаксических целых (ССЦ). Нашей задачей в данной статье является анализ ССЦ присоединительного типа с точки зрения информативности его компонентов, актуального членения предложения (АЧП), семантико-грамматической и стилистической организации.

В пределах предложения вопрос актуального членения решается частично, поскольку в нем можно провести лишь первичную границу между компонентами АЧП, учитывая грамматическую структуру и семантическую информацию сопологаемых сегментов. Ретроспективный анализ связных отрезков текста позволяет установить иерархию тема-рематических соотношений с учетом предыдущих и последующих компонентов ССЦ.

В этом плане кажутся убедительными доводы относительно интенции писателя соположить, например, две видовые формы английского языка при описании одного и того же явления для выделения рематического центра сообщения. С. И. Жакина пытается доказать, что в условиях синонимической корреляции глагол-сказуемое имеет форму длительного вида, если входит в состав смыслового центра высказывания [1]. Форма общего вида свидетельствует об ослаблении информативной значимости сказуемого, что способствует перемещению внимания на другие компоненты высказывания, выраженные другими членами предложения [2]: *Britt and I were lying on our backs in the OP one bright morning. We lay there helpless (J. Brown)*. В приведен-

ном примере не учитывается принцип новизны информации (семантическая повторяемость *wege lying, lay*), что независимо от видовой характеристики глагола позволяет квалифицировать *lay* как тематический элемент. Вероятно, в данном случае необходимо принимать во внимание структуру сопологаемых сегментов всего высказывания, их лексический состав, информативность. Это относится и к другим положениям, например относительно тема-рематических соотношений при цепной, параллельной и линейной связи контактно расположенных предложений, при абзацном зачине и т. д.

Общеизвестно, что информация включает в себя различные эмоции и передается идеально, когда реципиент воспринимает ее без потерь. Передающий пользуется арсеналом языковых единиц разных уровней, выбирая их в зависимости от поставленной цели. Во многих фундаментальных работах и частных исследованиях отмечается, что насыщенность экспрессивной лексикой, фразеологией, неполными синтаксическими структурами является отличительной чертой разговорной речи. В лексике экспрессию составляют дополнительные оттенки в смысловом содержании слова, которые накладываются на предметно-логические значения, создают или увеличивают его выразительную силу [3]. Она осознается на фоне нейтральной лексики при перенесении слова из одной сферы обращения в другую, служит средством передачи мыслей, эмоций, субъективных оценок, вызывает определенную реакцию со стороны реципиента.

Выделяется собственно экспрессивная лексика, выражающая понятия в образной и яркой форме, и эмоционально-экспрессивная, включающая в себя компонент субъективной оценки, эмоционального значения. Экспрессия тесно связана с семантикой слова. Выразительные свойства лексики прослеживаются: 1) в звуковом составе слова, который способен создавать как собственно экспрессивные, так и эмоциональные оттенки (ономатопея); 2) в различных видах переноса значения; 3) в семантической структуре слова (междометия, эмоционально окрашенная лексика); 4) в различных формах усиления; 5) в структурно-семантических особенностях слова (сложные слова, производные, окказионализмы, сочетания с постпозитивным элементом и др.); 6) в стилистической характеристике слова (поэтизмы, сленгизмы, научные слова).

Проиллюстрируем способы использования экспрессивной лексики в ССЦ присоединительного и неприсоединительного типов, уделив внимание преимущественно художественным функциям слов в сфере словообразования на примере английской и американской научно-фантастической художественной литературы. Произведения, относящиеся к научно-фантастическому жанру, характеризуются многими специфическими языковыми особенностями, связанными с тем, что в них описывается несуществующий, смоделированный автором мир. Он насе-

лен необычными обитателями, в нем воображаемые реалии, следовательно, тексты такого жанра насыщены лексикой научного характера, новообразованиями, заимствованиями, аббревиатурами и т. д., способными передавать значительную по объему подтекстовую информацию, которую писатель стремится передать, а читатель адекватно воспринять.

1. We're lucky. If *Deutscher* had gotten in, we'd have the worst kind of dictatorship. There's an *anti-everything man* for you, a militarist, *anti-Christ, anti-human, anti-intellectual* (S. F., p. 69).

Чтобы подчеркнуть неприемлемость фашистского режима в США, писатель использует префиксальное словообразование с элементом иностранного происхождения *-anti-*, неоднократно повторяющимся в сочетании с различными классами слов: прилагательными, именем собственным и даже местоименным словом, что не совсем характерно для данного префикса. Кроме того, гибридное образование *Deutscher*, где корень заимствован из немецкого, а суффикс является нормой английского языка, имя собственное, означающее лидера, претендующего на пост президента, как бы олицетворяет фашистский режим, вызывающий негативное отношение к нему говорящего, о чем свидетельствует слово *lucky* в головном компоненте, несущее в своей семантике оценочную коннотацию.

2. First a day and then a night and then a day and then a night, then it was *day-night-day-night-day*. A week, a month, a year, a decade! A. D. 2055. A. D. 2019, 1999! 1957! Gone! The machine roared (S. F., p. 69).

Дополнительная информация передается здесь не только окказиональным сложным словом, которое всегда выполняет экспрессивную функцию, но и необычной аранжировкой лексико-синтаксических единиц. Этим контекстом (пример 2) начинается одна из глав повествования (в предыдущей делается лишь намек на «машину времени» *Time Machine*, которая может перенести человека в прошлое, первозданный мир), так что семантическая информация, переданная номинативными фразами, почти неощутима. Эксплицитное выражение она получает в предложении с лексически опустошенным глаголом *be* при ретроспективном анализе всего высказывания, где сложное окказиональное сочетание несет основную коммуникативную нагрузку и, по всей вероятности, имплицитно обозначает более продолжительное время, в течение которого экипаж «машины времени» находился в пути, чем реально указанные двое с половиной суток. Для передачи бесконечности бытия, а возможно и долговечности изобретения, сложное образование емкой семантики дано на фоне присоединительных фраз, обозначающих отрезки времени по степени возрастания. Чередование полисиндетона и асиндетона способствует передаче либо ритмичного, плавного, либо скачкообразного движения, создавая впечатление мчащейся «машины времени».

3. That *so-and-so runaway* robot! What's he up to, anyway, I wonder? He always was a malcontent, but at least he knew his place (S. F., p. 215).

4. What Waldron and I saw... looked like *humanoid*... *Matchstick* men... Like a picture a kid would draw, he said. One *stroke* for the body. Two strokes each for arms and legs. A circle for a head. *Angular. Ungraceful. Skinny* (S. F., p. 215).

В примере 3 подобно сложное образование выполняет атрибутивную функцию, а подбор писателем лексики помогает реципиенту синтезировать квалификативную характеристику предмета (*so-and-so* — проклятый, такой-раздакий) и действие, совершенное объектом (*gun-away*), определить информацию как экспрессивно-эмоциональную, значительную, а в силу этого квалифицировать головной сегмент ССЦ как рематический с позиции АЧП, несмотря на то, что он представлен номинативной фразой, вводящей высказывание.

В примере 4 штриховые зарисовки облика человекоподобных существ, которых мельком увидели космонавты, переданы прерывистой структурой повествования. Подбор лексики отрицательной коннотации — *matchstick, angular, skinny, ungraceful, stroke* — свидетельствует о пренебрежительном отношении землян к диковинным созданиям более низкой цивилизации и биологической организации. Достижению этого эффекта способствуют и приемы словообразования (производные и сложные слова). Иностраный суффикс *oid*, означающий «не настоящий, не подлинный», в сочетании с *human* предполагает сему «подобие, чужеродность, эрзац», отрицательный префикс *in(ungraceful)*, суффикс *skinny* сложное слово *matchstick*, потенциально включающее в себя сравнение, подчеркивают низкое качество объекта.

5. It's fantastic! A ship thirty kilometres across! (S. F., p. 49).

6. ...say we accidentally kill one mouse here. That means all the *future families* of this one particular mouse are destroyed. ...And all the families of the families of that one mouse! With a stamp of your foot, you annihilate first one, then a dozen, then a thousand, a million, a billion possible mice! (S. F., p. 71).

7. There were seven of us faced with the *greatest archaeological discovery* of all times. Almost a whole world — a small world, an artificial one, but still a world — was waiting for us to explore (S. F., p. 49).

8. «That» — Mr. Travis pointed — «is the jungle of sixty-five million two thousand and fifty-five years before President Keith» (S. F., p. 70).

Субъективная оценка информации, переданной в присоединении, выражена в примере 5 эмоционально окрашенной лексической единицей и восклицанием в головном компоненте ССЦ. Это своего рода сигнал, подготавливающий реципиента к получению конкретной и важной информации о величине космиче-

ского корабля, ее актуализатор и усилитель значимости в коммуникативном плане. В примерах 6 и 7 такими сигналами служат словосочетания *all the future families* и *the greatest archaeological discovery of all times*, которые конкретизируются в присоединениях словами и фразами, обозначающими пространственный объем и числовые показатели, имплицитно бесконечность бытия, что достигается также с помощью приема нарастания и разрядки. В примере 8, помимо использования лексики, представляющей в семантическом плане числовые величины, отдаленность во времени подчеркивается дистантным расположением компонентов ССЦ (разрыв прямой речи словами автора) и обыгрыванием сокращения «В. С.» (*Before Christ*), т. е. «до новой эры», реалией *before President Keith*, без чего не вырисовывается пик рельефа в шкале коммуникативного динамизма высказывания.

Приведенные примеры и их анализ свидетельствуют о том, что даже в сравнительно небольших высказываниях писатель пользуется для достижения желаемого эффекта и для передачи актуальной и эстетической информации не одним приемом выразительности.

Стилистика декодирования, разработанная профессором Н. В. Арнольд [4], предполагает анализ текста с учетом «пучка стилистических приемов» (конвергенция). Существует множество ССЦ различного объема вплоть до абзацев, а иногда просто включенных в них присоединительных структур, тесно связанных между собой в структурно-функциональном плане и единой темой так, что их невозможно анализировать в отрыве от прочих, примыкающих к ним предложений, без ущерба потерять часть актуальной информации. Как правило, в таких отрезках текста сосредоточивается ряд стилистических приемов, которые дают прирост семантической и эстетической информации. Это может быть разрыв синтаксической связи при присоединении, простой повтор слов и словосочетаний, обрамление, асиндетон, нарастание, инверсия, сдвиг временной плоскости, тавтология, неполные предложения, отрывочные фразы, параллельные конструкции, использование длительного вида глаголов, подбор соответствующей лексики. Конвергенция приемов помогает раскрытию темы.

Передаче основной мысли высказывания и эмоциональной информации в следующем примере служит подбор лексики, а присоединение является вспомогательным средством выделения ее нюансов. Употребление слов иностранного происхождения, абстрактных существительных, окказионализма в присоединении указывает на сущность и чуждость абстрактного искусства, на отношение к нему персонажей, полагающих, что в конечном счете оно изживет себя.

9. *Abstract painting is no longer avant-garde. And isn't the best propaganda for humanism based on the freedom to create*

as you like. «Again the pause. Wishwash» (J. Fowles, p. 68).

В каждом разделе грамматики прослеживаются особые способы создания экспрессивности и актуализации. Так, помимо указанных ранее средств, временные формы могут использоваться как прием сцепления по принципу контраста или, наоборот, по принципу однородности. Исследование ССЦ присоединительного типа показало, что лексико-грамматические и стилистико-художественные функции присоединений направлены: 1) на выделение, подчеркивание содержания присоединенного высказывания (в ряде случаев, наоборот, рематического центра головного компонента); 2) на выражение значения эмоционального нарастания действия, раскрытия перспективы, особенно при перечислительно-присоединительных структурах и последовательном присоединении; 3) на экспрессивное многообразное выражение противоречий, колебаний и изменений лирической эмоции; 4) на передачу эмоционально повышенного настроения: страстность, возмущение, негодование, радость и т. д.; 5) на создание определенных стилей речи: возвышенно-приподнятого, торжественного, ораторского и т. д.; 6) на усиление образности, особенно в речи персонажей; 7) на выражение характерной черты живой разговорной речи, особенно проявляющейся при разнородном присоединении; 8) на создание комического, иронического, сатирического эффекта.

Проанализируем несколько примеров, в которых налицо использование каких-либо средств выразительности при передаче актуальной семантической и эстетической информации вербально и подтекстом, проследив распределение коммуникативного динамизма (КД) в ССЦ.

Условные обозначения для компонентов АЧП:

T — тема; R — рема; RP — основная рема; RF — фокусная рема; C — комплексная рема или тема; R — 1, 2, 3 ... — многоремье; R^{I, II, III} — ремы 1, 2, 3 степеней; Tg — переход (транзитная тема-рема, когда передается информация или попутное замечание); = — равнозначность рем.

Стилистические приемы, согласно В. А. Кухаренко [5], могут быть лексическими, синтаксическими и лексико-синтаксическими.

К первой группе относятся: антономасия, метафора, метонимия, ирония, гипербола, эпитет, оксюморон, зевгма, каламбур. Во вторую группу входят: инверсия, риторический вопрос, конструкция апокойну, эллипс, обособление, умолчание (недосказ), суспензия (ожидание, временная приостановка), повтор, параллелизм, хиазм, полисиндетон, асиндетон. И. Р. Гальперин относит к этой группе также тавтологию и перечисление [6]. Третью группу составляют: нарастание, разрядка, антитеза, литота, сравнение, преувеличение и другие фигуры речи. В данной статье рассмотрим только некоторые из приемов каждой группы, чтобы отметить их роль в составе ССЦ.

Введение лексических стилистических приемов в повествование и диалог нацелено на рельефное выделение какой-либо мысли или детали путем сопоставления реального с воображаемым, когда прирост информации осуществляется за счет самих лексических элементов, которые вносят образность независимо от синтаксической структуры ССЦ. Присоединение, вводящее метафору в примере 10, служит лишь сигналом актуализации переданной в этом компоненте информации. Сопологаемые ремы головного и присоединенного компонентов могут квалифицироваться как равнозначные также по причине их одинаковой структурной организации.

Т

RP=

RP=

10. | Blood pressure is | one of my worst enemies. | A traitor
in the camp | (J. Cary, 2, p. 110).

Ирония определяется как одновременная реализация двух логических смыслов, словарного и контекстуального, которые стоят в оппозиции друг другу, и предполагает скрытую насмешку, смысл, обратный тому, который следует из прямого значения употребленных слов и выражений с целью внесения критически-оценочной характеристики предмета, явления, признака и т. д. Наряду с передачей оттенков неодобрения, сожаления, недовольства, упрека, высмеивания, информация в присоединении, включающем иронию, несет глубокий смысл, является более достоверной, особенно при поправке (пример 11), поэтому служит основной ремой либо вторым основным коммуникативным центром (пример 12).

Т

RF(P)

11. | She complained | that there was no one to talk to | —
that is, no one to flirt with | (J. Cary, 3, p. 163).

RP

RP

Т

RCF(P)

12. | For six weeks | she was | gay, happy, charming; | at a
thousand pounds a week | (J. Cary, 3, p. 164).

Назначение гиперболы — намеренное преувеличение действительных свойств предмета или явления, используемое автором для повышения экспрессивности, которая достигается лексическими средствами, часто в совокупности со сравнением, приобретая большую выразительность благодаря длительной паузе при присоединении. В примерах 13, 14 речь идет о живописи, в частности о картинах, которые писались художником исключительно быстро и искусно, так что говорящий сравнивает эту легкость с быстротой молнии, мгновениями, превознося гениальность их автора. Сегменты с гиперболой могут быть на пике рельефа динамической шкалы элементов, при неоднородной информации ремы градуируются в зависимости от большей или меньшей конкретизации и полноты информации.

13. | $\begin{matrix} T \\ R^1= \end{matrix}$ And he did it | $\begin{matrix} R^1 \\ RF \end{matrix}$ so fast. | $\begin{matrix} R^1= \\ Tr \end{matrix}$ Can't have been thirty seconds. |
Minute at most, | wasn't it, Di? | Fantastic. | Honestly | (J. Fowles, p. 89).

14. | $\begin{matrix} T \\ RF \end{matrix}$... and then sometimes | $\begin{matrix} R \\ RF \end{matrix}$ he'll draw them. | $\begin{matrix} Tr \\ RF \end{matrix}$ Like Ann says. |
Like lightning. | Almost total recall | (J. Fowles, p. 89).

Таким образом, при всем разнообразии стилистических приемов первой группы и структурных типов ССЦ экспрессивность создается семантикой элементов высказывания, что определяет также степень коммуникативного динамизма его сегментов.

Стилистические приемы синтаксического плана имеют непосредственное отношение к построению конструкций, назначение которых — помочь реципиенту правильно интерпретировать отклонение от языковой нормы, понять подтекст, уловить доминирующую ноту повествования, характер беседы, настроение собеседников и т. д.

Отклонение от жесткого порядка слов в английском языке при так называемой инверсии дает значительный стилистический эффект, выделяя и усиливая значение информации, помещенной в препозицию, что характерно для разговорного стиля.

15. | $\begin{matrix} R \\ RC= \end{matrix}$ Cockroach! | $\begin{matrix} T \\ T \end{matrix}$ That's what she is | (K. Mansfield, 2, p. 42).

16. | $\begin{matrix} RC= \\ RC= \end{matrix}$ Pain and discomfort — | that was all the future held. |
And meanwhile ugliness, sickness, fatigue | (A. Herzog, p. 3).

17. | $\begin{matrix} RF \\ RF \end{matrix}$ Last summer. | $\begin{matrix} RF \\ RF \end{matrix}$ August. | $\begin{matrix} RP \\ RF \end{matrix}$ I was here. | $\begin{matrix} RF \\ RF \end{matrix}$ In France, | with a
friend. | Another art student, | a sculptor | (J. Fowles, p. 85).

Инвертированные элементы в головном компоненте ССЦ в примерах 15, 16 сосредоточивают основную информацию, значение которой актуализируется присоединением, которое служит как бы вторичным средством акцентирования внимания реципиента на вынесенных в препозицию элементах, являясь при этом постпозитной темой. При обрамлении группа однородных членов классифицируется как комплексная рема, а различные обстоятельственные словосочетания, вынесенные в препозицию, и другие разноструктурные присоединительные группы (эллипс) — как фокусные ремы, остальные — как основные ремы.

Эллипс в ССЦ присоединительного типа — типичное явление. Односоставные предложения, короткие фразы и слова влияют на общий фон повествования, ритмику текста, делают его предельно лаконичным и динамичным, т. е. характеризуются

многоплановостью, а с позиции АЧП — полиремьем, которое графически можно обозначить порядковыми номерами или фокусными ремами. Речи персонажа эллипс придает эффект естественности, подчеркивает индивидуальную манеру выражения мысли, служит, например, ведущим приемом в произведениях Джойса Кэри «Из первых рук» и Джона Фаулза «Башня из черного дерева», стиль которых отражает особенности мышления художников. Как правило, они акцентируют внимание на существенном, характерном в предметах, явлениях, поведении и психологии людей, их внешнем облике и т. д.

T RP R1F R2F

18. | He wants | to write a play for me. | One act. | One man. |

R3F

Decides to commit suicide | (J. Masters, p. 11).

T R1P R2P

19. | I was | a bit impatient. | For those fish were catching my

R1(F) R2(F)

fancy. | School of herrings. | In a shape something like a map of

R3(F) R4(F)

Ireland, | laid sideways. | Cold green. | Under the moon | (J. Cary, 2, p. 44).

R1 R2 R3 R4

20. | Bloody geometry. | No good. | Won't work. | All tried it. |

R5

Down the hole | (J. Fowles, p. 70).

Умолчание — внезапная остановка в речи, свидетельствующая о возбужденном состоянии говорящего, — используется писателем для передачи сильных эмоций. Рубежные элементы семантически опустошены, требуют раскрытия с информационной точки зрения, поэтому являются тематическими, или транзитными (переход).

T R T(Tr)

21. | «The mutation | has every chance | ... of ... of ...», | He

RF

trailed off, confused | (A. Herzog, p. 230).

T R RF

22. | Look, «I took | this letter at its word | — about putting

T(Tr)

me up? | — but if ... (J. Fowles, p. 36).

Суспензия (временная приостановка) типична для ССЦ с присоединением. Сущность приема заключается в том, что писатель или говорящий как бы держит читателя или слушателя в напряженном ожидании путем отдаления наиболее важных элементов высказывания, преднамеренно помещая перед ними незначительные сведения.

T R1(Tr)

23. | Perhaps the only term | comprehensive enough to des-

cribe him | was one seldom used in an age of scientific speciali-
 zation | — «naturalist» | (A. Herzog, p. 61).

Стилистический прием повтора нацелен на логическую эмфазу, чтобы привлечь внимание читателя и сосредоточить его на ключевой фразе высказывания. При ретроспективном анализе ССЦ налицо факт, что присоединительный повтор не несет в себе познавательной информации, а акцентирует рему головного компонента, являясь постпозитной темой. При подхвате после повторяющихся элементов неизменно следуют информативно насыщенные, т. е. это какая-либо разновидность ремы.

24. | He is a | dreadful man | — a dreadful, dreadful man! |
 (C. Cookson, p. 245).

25. | And Plant brought out the cutlery. | Two forks, a knife
 and a skewer. | Fork for the Professor. | Knife and fork | for
 Plant. | Skewer and | fingers for me. | Fingers before forks. | Espe-
 cially with chip potatoes | (J. Cary, 2, p. 143).

Назначение параллельных конструкций (разновидность повтора) — подчеркнуть коммуникативное равенство сопоставляемых компонентов высказывания, хотя вид и степень рематичности зависят от их структурной разновидности и от того, является ли параллельность полной или частичной. В примере 26 в присоединении наблюдается нарушение параллелизма в конечном предложении, т. е. отрицательная конструкция заменяется положительной. В примере 27 в головном компоненте используется пассивный залог, во всех присоединениях — активный (причем глаголы разной семантики). Однако в коммуникативном плане они равнозначны и представляют собой рематические дублеты. Своеобразие примера 30 заключается в полном параллелизме лексико-синтаксической и семантической структур в присоединении, назначение которого чисто прагматическое — нацелить собеседника на запоминание информации, переданной в предыдущем компоненте ССЦ.

26. | Then I saw | the look in her eyes | — it was not lust, | it
 was not malice, | it was a plea | (C. P. Snow, p. 113).

27. | He'd | been lost, | of course. | He'd seen people. | He'd seen
 fields. | He'd | heard trees. | He'd | seen roads | (MIAR, p. 298).

T

R¹¹R¹¹=

28. | Each of these sections is | colour designated | — blue for queens, | white for drones, brown for workers. Got that? » | «Blue for queens, white for drones, brown for workers», | Maria repeated dutifully | (A. Herzog, p. 133).

R²¹=R³¹=

RF

T

R(F)=Tr

С повтором граничит синтаксическая тавтология, т. е. повторение в речи одного и того же слова или конструкции, идеи утверждения, но иначе сформулированных. Этот прием применяется для подтверждения сказанного, придания ему силы и убедительности, т. е. служит средством усиления значимости сообщаемого в головном компоненте ССЦ, чем и определяется соотношение между компонентами АЧП в единстве.

T

R

T

29. | He'll kill himself — | I know, he will | (J. Cary, 2, p. 235).

T

R1

R2

30. | A man | can hold land | if he can just eat and pay taxes; | he can do that | (J. Steinbeck, p. 31).

T

Таким образом, с точки зрения АЧП стилистические приемы второй группы в одних случаях способствуют актуализации информации головного компонента ССЦ (инверсия, простой повтор, умолчание, тавтология), когда последующие элементы являются постпозитной темой, в других — придают предельную динамичность либо всему высказыванию, либо тем частям, экспрессивность которых они призваны усиливать (эллипс, суспензия), в-третьих — уравнивают в коммуникативном плане определенные сегменты ССЦ (параллелизм).

Лексико-синтаксические приемы используются для передачи не только содержательной информации, но и эмоциональной посредством своеобразной аранжировки структур и подбора лексики. Наиболее выразительными средствами в этой группе являются сравнение, нарастание, разрядка и антитеза, которые широко употребляются.

Прием нарастания связан с порядком расположения эмоционально насыщенной лексики, когда каждое последующее сообщение превосходит предыдущее либо значительностью содержания, либо интенсивностью эмоционального тона. При разрядке, напротив, наблюдается снижение тона сообщения, что придает высказыванию иронический оттенок. Этому способствует «принцип обманутого ожидания», когда налицо несовместимость лексических единиц в перечислительном ряду. Иногда нарастание в головном компоненте ССЦ завершается разрядкой в присоединении. Последующие компоненты обладают высокой степенью КД.

31. | Panic is | not useless, | it is a treachery | — a defeat | —
 an invitation to the enemy within as well as without | (J. Cary,
 3, p. 38).

32. | But he'd | never | forgive himself — | never. | Coward! |
 Fool! | Brute! | (K. Mansfield, 1, p. 160).

33. | Would | he | shout, | struggle, | kill her; | or apologize? |
 (E. O'Brian, p. 13).

Прием антитезы придает высказыванию иронический оттенок. Сущность его — противопоставление двух понятий, результат которого в отличие от сравнения указывает не на сходство, а на различие между ними. Наибольшего юмористического эффекта достигают высказывания, в которых антитеза сочетается с параллельными структурами, включающими антонимичные слова (пример 35).

34. Both of you | are good at keeping secrets | — like onions
 on the breath | (J. Cary, 2, p. 70).

35. | I saw an | apache outrage once. | It started sordidly | —
 a woman knocked down, | a man trying to jump on her. | It ended
 sordidly | — the woman laughing and running, | the man weeping |
 (J. Cary, 1, p. 26).

Итак, синтаксические приемы третьей группы придают большую эмоциональность последующим сегментам ССЦ, но не влияют на количественную сторону информации, извлекаемой из лексических единиц и подтекста, что обуславливается равнозначностью рем, например, при разрядке и нарастании. Градуирование рем наблюдается при однородности информации в сопологаемых сегментах высказывания по мере их конкретизации (частичная и полная информация).

Итак, анализ ССЦ с коммуникативной семантико-грамматической и стилистической точек зрения позволяет сделать следующие выводы:

1. При квалификации ССЦ с позиции АЧП ретроспективный анализ дает более объективную картину соотношений тематических сегментов по сравнению с линейным.

2. Адекватная интерпретация подтекста обеспечивает прост актуальной семантической и эстетической информации, извлекаемой из семантики лексических единиц, способов словообразования, характера синтаксических построений, видовремен-

ных форм глагола, что влияет на рематичность сопологаемых сегментов высказывания. Выбор различных форм актуализации и средств выразительности может быть обусловлен жанром, темой, тональностью произведения.

3. Актуальная и эстетическая информация может передаваться в ССЦ наряду с приемами экспрессивного синтаксиса (разрыв связи, инвертированный порядок слов и т. д.) другими лексико-синтаксическими средствами выразительности или пучком стилистических приемов, которые в разной степени влияют на соотношение тема-рематических сегментов и на соотношение внутри рем. В ряде случаев стилистические средства выразительности передают лишь оттенки эмоциональности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Жакина С. И. О влиянии коммуникативной нагрузки видовых форм английского глагола на их роль в грамматической организации текста // Вопросы романо-германской синтагматики. Пермь, 1978.

2. Здесь и далее приводятся примеры из следующих источников: Cary J. Memoir of the Bobotes. L., 1964. (1); Idem. The Horse's Mouth. L., 1956 (2); Idem. Spring Songs and Other Stories. L., 1960 (3); Fowles J. The Ebony Tower. M., 1980; Herzog A. The Swarm. N.Y., 1975; Huxley A. Point Counter Point. N.Y., 1928; Mansfield K. Selected Stories. M., 1959 (1); Idem. The Garden Party and Other Stories. Aylesbury, 1961 (2); Making it All Right. Modern Short Stories. M., 1978 (MIAR); Masters J. The Deceivers. L., 1952; O'Brian E. The Country Girls. M., 1982; Cookson C. Katie Mulholand. L., 1967; Science Fiction. M., 1979 (S. F.); Snow C. P. The New Men. L., 1967; Steinbeck J. The Grapes of Wrath. L., 1963.

3. См.: Берлизон С. Б. Экспрессивная лексика в современной английской разговорной речи // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький, 1968.

4. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования). 2-е изд., перераб. Л., 1981.

5. Кухаренко В. А. Семинарий по стилистике английского языка (на английском языке). М., 1971.

6. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 1980.

Структурные и функциональные особенности предложения и текста. Свердловск, 1989

Н. К. ФИЛОНОВА

Нижнетагильский пединститут

КОММУНИКАТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПАРЦЕЛЛИРОВАННЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Рассматривается парцеллирующее членение синтаксического целого, разрыхление структуры предложения, описываются синтаксические особенности компонентов парцеллированного предложения.

Современное языкознание характеризуется общей направленностью на описание механизма передачи человеком вербальной информации. Следствием данной ориентации, в частности,

является широкое изучение синтаксических процессов, способствующих удачной коммуникации. Один из таких процессов — парцелляция.

Под парцелляцией мы понимаем обусловленное коммуникативной интенцией говорящего членение высказываний с различной степенью сложности синтаксических структур на две или более части. Компоненты парцеллированных высказываний графически и интонационно оформляются как самостоятельные единицы, но не существуют друг без друга, функционируя как единый тема-рематический комплекс, опирающийся на единую конструкцию, которая реализует определенную схему (модель) предложения, например [1]: 1. *Until that moment of confrontation I had determined that I would tell the truth. That I could not deceive them* (J. Fowles, 2, p. 268). В основе данного высказывания лежит предложение, построенное по модели однородного одночленного соподчинения.

Парцелляция может быть отнесена к синтаксическим процессам, обеспечивающим удачную коммуникацию, потому что она служит выявлению коммуникативной структуры высказывания. Парцеллируется, как правило, тот элемент сообщения, который говорящий считает главным и к которому поэтому стремится привлечь внимание адресата. В парцеллированных высказываниях пауза точки способствует сдвигу логического ударения на парцеллят и превращает его в коммуникативный центр высказывания. Развертывание сообщения, таким образом, осуществляется по принципу: от темы (опорной части) — к реме (парцелляту). Под темой понимается семантический элемент или блок элементов, исходный для говорящего, под ремой — семантический элемент или блок элементов, который говорящий считает главным и который составляет смысл коммуникации [2].

Парцеллированные высказывания могут также обладать двуступенчатой ремой [3]. Парцеллят в таком случае акцентирует, конкретизирует всю рематическую группу или ее определенный элемент, а пауза точки фиксирует на этом компоненте высказывания логическое ударение, вследствие чего он воспринимается как второй основной смысловой центр высказывания, например: 2. *I suppose that you were the only man who really knew it. That Barney was broke and just wanted his fee* (R. Sale, p. 127). В этом высказывании начальный пик ремы выражен местоимением *it*, располагающимся в опорной части, конечный — парцеллятом. Раскрывая референциальную соотнесенность катифорического *it*, парцеллят в наибольшей степени способствует развертыванию сообщения, заключенного в высказывании, т. е. имеет наивысшую степень коммуникативного динамизма и потому выступает в качестве основного коммуникативного центра **парцеллированного высказывания**.

Уже сам факт парцеллирующего членения, однозначно устанавливающего коммуникативный центр высказывания, помогает

адресату ориентироваться в сообщении и тем самым выполняет главную функцию парцелляции — создание условий «правильной» коммуникации. Компоненты парцеллированных высказываний, в свою очередь, обладают определенным инвентарем коммуникативных функций, гарантирующих максимальное восприятие адресатом смысла сообщения. Рассмотрим наиболее важные из них.

В ряде парцеллированных высказываний парцеллят не несет никакой новой информации, иначе говоря, денотативно избыточен. Поэтому роли компонентов высказываний в создании их коммуникативной структуры распределяются следующим образом: опорная часть называет какое-либо событие, парцеллят указывает на коммуникативный центр сообщения, например: 3. *She didn't want to see the keeper today, to see if it were really real. If it were really real* (D. H. Lawrence, p. 268). 4. *He meant not knowing why we're here. Why we exist* (J. Fowles, 2, p. 123).

В приведенных примерах повторное обозначение ситуаций *If it were really real* и *Why we exist* (в последнем случае с помощью синонимических средств) показывает, к какой части сообщения говорящий стремится привлечь внимание слушающего, т. е. какая часть сообщения является ядром коммуникации.

Номинация определенной ситуации и указание на смысловой центр сообщения являются, следовательно, основными коммуникативными функциями опорной части и парцеллята в высказываниях такого типа. Кроме того, в тех высказываниях, где парцеллят полностью повторяет какой-либо фрагмент опорной части, в его коммуникативное задание входит также передача различных эмоционально-экспрессивных значений. В примере 3 повторное обозначение ситуации *If it were really real* свидетельствует об эмоциональной насыщенности переживаний героини. В тех высказываниях, где парцеллят перефразирует содержание того или иного фрагмента опорной части, его важной функцией является обеспечение условий удачной коммуникации: повторная номинация ситуации с помощью синонимических средств обозначения помогает более точно донести до адресата смысл сообщения.

Компоненты парцеллированных высказываний нередко содержат малоинформативные языковые элементы (указательные, личные или относительные местоимения типа *it, this, that, which*), осуществляющие функцию прямонаправленной (т. е. ориентированной на последующее предложение) или обратнаправленной (т. е. ориентированной на предыдущее предложение) связности текста. Эти языковые элементы осуществляют функцию прямонаправленности высказывания тем, что создают в опорной части семантические лакуны, требующие своей экспликации в парцелляте, так как одновременно в парцеллированном высказывании создается ситуация «напряжение — снятие напряже-

ния». Таким образом, функцией опорной части является создание в высказывании коммуникативного напряжения с целью выделения информативной значимости последующего сообщения. Коммуникативная функция парцеллята состоит в раскрытии содержания катафорических элементов опорной части и снятии характеризующего ее коммуникативного напряжения, например: 5. I did not know what it was. To find myself singing little songs when I thought of a person, you (J. O'Hara, p. 265).

Следует заметить, что ситуация «напряжение — снятие напряжения» наблюдается и внутри непарцеллированных высказываний, но в парцеллированных высказываниях возникновение и разрешение коммуникативного напряжения ощущается намного сильнее. Этому способствует, прежде всего, пауза точки. С одной стороны, она подчеркивает коммуникативную недостаточность опорной части вследствие употребления в ней слов широкой референциальной соотнесенности, с другой — коммуникативную весомость парцеллята, поскольку, как уже отмечалось, при парцелляции фиксация логического ударения происходит на той части сообщения, которая следует после точки.

В парцеллятах слова широкого смыслового объема располагаются в том случае, если парцеллированные высказывания построены по типу распространительно-изъяснительных предложений, например: 6. I've enjoyed these last few days so much more than I thought I would. Which sounds terribly backhanded (J. Fowles, 1, p. 538).

Известна специфика деривационной истории этих структур: одним из этапов их порождения является проклитическое контаминирование [4]. Проклитический характер контаминирования обуславливает твердый порядок следования компонентов высказывания. Поэтому непарцеллированное высказывание, соответствующее приведенному, имеет следующий вид: 7. I've enjoyed these last few days so much more than I thought I would, which sounds terribly backhanded (J. Fowles, 1, p. 538).

В связном тексте, как отмечает Л. В. Мурзин, «твердый порядок предложений, свойственный проклитическому контаминированию, отражает естественное развертывание мысли: роль темы играет главное предложение, роль ремы — придаточное» [5]. Таким образом, уже в непарцеллированном высказывании придаточное, вводимое с помощью *which*, является его коммуникативным центром. Пауза точки, возникающая при парцелляции, фиксирует логическое ударение на парцелляте и определяет его как коммуникативный центр высказывания. Роль опорной части и парцеллята в создании информативной структуры подобных высказываний распределяются следующим образом: опорная часть номинирует некоторую ситуацию, создавая основу, базу сообщения, парцеллят квалифицирует, оценивает эту ситуацию. Оценка ситуации, называемой опорной частью, воспринимается говорящим как возможная или невозможная,

желательная или нежелательная, заслуживающая одобрения или неодобрения и т. д. Такая коммуникативная установка говорящего обуславливает употребление в парцелляте слов, передающих различные оттенки субъективной модальности типа: *surely, of course, must, certainly* и т. д., например: 8. *She thought it was her fault. Which of course was the way a woman would think* (A. Sh. Graw, p. 212), а также употребление слов оценочного характера типа: *all right, nonsense, a good sign* и т. д., например: 9. *I am immune to distruction: I have a magic. Which is a good sign that I am due for it, say the sages* (W. Faulkner, p. 151).

В парцеллированных высказываниях коммуникативное напряжение создается не только употреблением слов широкого смыслового объема в опорной части. Часто оно возникает вследствие безобъектного (абсолютного) употребления глаголов, как правило, глаголов пропозиционального отношения: *to think, to tell, to remember, to say* и т. д., например: 10. *I remember when I first came back here after the war. How closed everything seemed* (J. Fowles, 1, p. 214).

В таких высказываниях дополнения, эксплицирующие сочетающиеся с ними объекты, употребляются после паузы точки, иначе говоря, в катафорическом, а не анафорическом контексте. Абсолютное употребление глагола концентрирует внимание на самом процессе, в отвлечении от объекта, увеличивает степень коммуникативного динамизма глагольного компонента. Отсюда следует, что парцелляция может служить средством актуализации информативной значимости не только последующих частей сообщения, но и каких-то элементов предыдущих частей, в данном случае глагола *to remember*. Специфичность такого рода высказываний заключается еще и в том, что высокая степень коммуникативного динамизма глагольного компонента создается в них не только парцеллирующим членением, но и сопровождающей его перестройкой синтаксической структуры. Трансформация парцелляции таких высказываний состоит не только в устранении паузы точки, но и в реконструкции синтаксической структуры с более естественной последовательностью предикативных единиц: 11. *I remember how closed everything seemed when I first came back here* (J. Fowles, 1, p. 214).

Коммуникативным заданием опорной части может являться номинация какой-то ситуации в обобщенном виде. Обобщенная номинация может достигаться не тем, что ее определенные фрагменты называются нерасчлененно, как в примерах 2 и 5 с помощью местоименных элементов, а тем, что ее определенные фрагменты не принимаются во внимание, так как они являются лишь единичным исключением. Вследствие этого информация, содержащаяся в опорной части, не совсем точно отражает действительность. Это известно говорящему, но он допускает это искажение, чтобы рельефнее подчеркнуть коммуникативную весомость последующего сообщения. Коммуникативным заданием

парцеллята в таких высказываниях служит указанием на то, что сведения, содержащиеся в опорной части, неточно отражают реальную действительность, т. е. коррекция этой информации, например: 12. Kay said quickly, «I never thought you killed those two men. Except maybe when your mother seemed to think so...» (M. Puso, p. 363).

В этом примере содержание парцеллята уточняет референциальную соотнесенность слова *never* и тем самым ограничивает истинность, безоговорочность утверждения, заключенного в опорной части. Коммуникативное задание парцеллята — коррекция информации опорной части — обуславливает употребление на стыке компонентов высказывания предлога *except*, который сигнализирует о наличии исключения из того, о чем идет речь в опорной части, и иногда слов, выражающих субъективные модальные значения типа *maybe*, *probably* и т. д., подчеркивающие единичность этого исключения.

Примеры, приведенные в данной статье, показывают, что коммуникативные функции компонентов парцеллированных высказываний регламентируют выбор средств обозначения называемых этими высказываниями событий на лексическом и синтаксическом уровнях. Лексическими средствами, употребление которых обусловлено специфическими коммуникативными функциями компонентов исследуемых высказываний, являются различные местоименные элементы: *which*, *it*, *this*, *that* и т. д., оценочные слова: *backhanded*, *all right*, *nonsense* и т. д., глаголы пропозиционального отношения в абсолютном употреблении и некоторые другие. На синтаксическом уровне взаимосвязь коммуникативного и номинативного аспектов парцеллированных высказываний проявляется в том, что определенная коммуникативная установка говорящего обуславливает выбор синтаксической структуры, которая подвергается расчленению. Например, в тех случаях, когда коммуникативным заданием является раскрытие значения катафорических элементов опорной части (примеры 2, 5) или оценка ситуации, называемой опорной частью (примеры 6, 8), парцеллированные высказывания построены, как правило, по модели последовательного подчинения предикативных единиц. Эта синтаксическая схема связи предполагает номинацию новых событий на каждой ступени своего развития и потому в наибольшей степени способствует поступательному движению текста, иначе говоря, наиболее приспособлена для реализации названных коммуникативных функций парцеллята.

Те высказывания, в которых парцеллят денотативно избыточен и его основное коммуникативное задание состоит в указании на коммуникативный центр высказывания (примеры 1, 3, 4), обычно построены по модели одночленного однородного соподчинения или различным схемам скрещения последовательного подчинения и одночленного однородного соподчинения. Эти синтаксические структуры обеспечивают стагнацию текста на

его определенном участке и дают возможность неоднократной номинации одного и того же события в пределах высказывания, иначе говоря, являются наиболее удобными для выполнения парцеллятом названных коммуникативных функций.

Итак, основные, наиболее важные с точки зрения обеспечения «правильной», «удачной» коммуникации речевые функции компонентов парцеллированных высказываний — подготовка основы, базы сообщения, создание коммуникативного напряжения в высказывании (опорная часть); снятие коммуникативного напряжения, указание на коммуникативный центр высказывания, оценка ситуации, названной в опорной части, передача различных эмоционально-экспрессивных значений (парцеллят). Выявление этих функций, а также исследование общих принципов коммуникативной организации парцеллированных высказываний приводит к выводу, что функцией парцеллирующего членения является актуализация определенной части сообщения, той, которая представляет для говорящего наибольшую информативную значимость. При этом коммуникативная установка говорящего подчеркнуть ту или иную часть сообщения определяет не только выбор средств обозначения на лексическом и синтаксическом уровнях, но и характер номинации события, называемого высказыванием. Парцеллированные высказывания могут быть названы высказываниями с актуализированной номинацией определенных фрагментов ситуации, поскольку их коммуникативные центры выявляются с помощью специального актуализирующего приема — парцеллирующего членения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Здесь и далее примеры из следующих источников: **O'Hara J.** *The Horse Knows the Way.* N.Y., 1972; **Graw Sh. A.** *The Condor Passes.* N.Y., 1971; **Fowles J.** *Daniel Martin.* Boston, 1977 (1); **Fowles J.** *The Magus.* Bungey; Suffolk, 1977 (2); **Faulkner W.** *The Sanctuary.* Bungey; Suffolk, 1965; **Lawrence D. H.** *Lady Chatterly's Lover.* Bungey; Suffolk, 1974; **Puso M.** *The Godfather.* N.Y., 1969; **Sale R.** *The Oscar.* N.Y., 1969.

2. **Чахоян Л. П.** Коммуникативно-семантическая теория высказываний: Автореф. дис. ... докт. филол наук. Л., 1980. С. 15.

3. **Черняховская Л. А.** *Перевод и смысловая структура.* М., 1976. С. 191.

4. **Мурзин Л. Н.** Синтаксическая деривация. Анализ производных предложений русского языка: Пособие по спецкурсу. Пермь, 1974. С. 152—153.

5. Там же.

А. Г. ТУРБИН

Челябинский пединститут

СООТНОШЕНИЕ АКТИВНОЙ И ПАССИВНОЙ ФОРМ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Доказывается, что выбор активной/пассивной фразы не произволен, а находится в зависимости от соотношения категориальных характеристик основных элементов предложения — семантического субъекта и объекта.

Еще не так давно среди ученых, занимающихся проблематикой соотношения активного и пассивного высказывания (активной и пассивной фразы), преобладало мнение, что обе эти формы совершенно равноправны и вопрос выбора актива или пассива — всего лишь желание говорящего высказаться «именно так, а не иначе» [1]. Такой подход, нередко противопоставляющий образования различного лексико-грамматического состава, перестал быть доминирующим после выхода в свет известной книги Ж. Дюбуа по глаголу, а затем — целого ряда работ, авторы которых, вслед за Ж. Дюбуа, рассматривают актив и пассив как формы означающего, возникающие не произвольно, по желанию говорящего, а в зависимости от определенных объективных параметров — категориальных характеристик предложения (означаемого) [2]. Ж. Дюбуа называл три основные характеристики, воздействующие на выбор формы означающего: одушевленность/неодушевленность, определенность/неопределенность (*référence*, у Ж. Дюбуа) и число. Наиболее важным для выбора является, согласно Ж. Дюбуа, фактор соотношения значений указанных категорий у двух основных именных элементов предложения — *sujet* и *objet* [3].

Потребность выбора активной или пассивной фразы объективна: на синтаксическом уровне, уровне означающего, фраза всегда строится в соответствии с называемым Дюбуа «каноническим» порядком, согласно которому позицию подлежащего всегда стремится занять элемент одушевленный, определенный, со значением единственного числа, а позицию дополнения — элемент неодушевленный, неопределенный, во множественном числе. Когда на семантическом уровне (уровне означаемого) соотношение величин, а также взаимоположение категориальных характеристик именных элементов соответствует «каноническому» порядку, то оно без изменения переносится в синтаксис, и мы присутствуем при образовании активной фразы. Если же элемент со значениями неодушевленности, неопределенности и множественности оказывается впереди, то на синтаксическом уровне занять первую позицию он не сможет: произойдет пер-

мутация (перестановка) именных элементов [4], и эта позиция, позиция подлежащего, будет занята вторым именным элементом. Пермутация именных элементов, сопровождаемая появлением соответствующей (в данном случае пассивной) формы глагола, представляет собой пассивную репрезентацию предложения. Пассивная фраза не имела бы права на существование, если бы на уровне означаемого аранжировка (взаимопонимание) именных элементов совпадала с аранжировкой на синтаксическом уровне. Тем не менее в любом тексте находим и активную, и пассивную фразы: *Où as-tu mis le revolver?* (G. Simenon); *La table était dessée sur la terrasse* (M. Druon).

В первом случае нет необходимости прибегать к пассивной репрезентации, так как аранжировка именных элементов на уровне означаемого соответствует «каноническому» порядку; наоборот, вторая фраза может быть только пассивной, так как ее предполагаемый семантический инвариант имеет аранжировку, не совпадающую с «каноническим» порядком (неопределенный элемент предшествует определенному): *On avait dressé la table sur la terrasse*.

Вариативность актива/пассива является несомненным свойством предложения, отражающего ситуацию воздействия субъекта на какой-либо объект — одушевленный или неодушевленный (сама пассивная форма свидетельствует о наличии семантики в предложении). Глагол в подобном предложении — важнейшая его составная часть, релятор, связка, обеспечивающая тесное взаимодействие именных элементов как на содержательном уровне, так и на уровне означаемого. Таким образом, семантика подобных глаголов функциональна и зависит от семантики предложения, тем не менее можно говорить о глаголах действия, которые употребляются в предложении со значением действия, а значит, являются таковыми — *par excellence* [5]. В нормативной грамматике подобные глаголы называют переходными (прямопереходными).

Характер воздействия одного именного элемента на другой в предложении с глаголом действия ученые объясняют по-разному. Так, еще Г. Гийом указывал на сопротивление (*résistance*) объекта и воздействие субъекта. Эту же мысль развивает Б. Потье, который говорит о силе (*puissance*) субъекта и степени его воздействия, а составляющую двух величин называет «разностью потенциалов» [6]. Мы исходим из того, что разность потенциалов определяется величиной и набором категориальных характеристик субъекта и объекта; она отражает характер воздействия субъекта на объект, проявляется в вариативности форм предложения — активной или пассивной.

Вопрос о воздействии субъекта на объект как факторе выбора формы неизбежно предполагает другую проблему, а именно характер взаимодействия всех трех указанных выше характеристик. Ж. Дюбуа, как было отмечено выше, показывает лишь

значение каждой из характеристик, способствующее активу или пассиву. Между тем ни он, ни его последователи не объясняют, каким образом действуют значения всех трех характеристик в совокупности и какова значимость каждой из них.

Рассмотрение нашего материала показывает, что наиболее важной из трех рассмотренных (и, более того, единственно важной) является характеристика определенности/неопределенности, которую Ж. Дюбуа называет референтностью и в которую он включает значения определенности, неопределенности, неопределенной личности и притяжательности, выражаемые формальными элементами-маркерами *le (la, les), un (une, des), on, son (mon, ton)*, и куда необходимо присоединить и другие значения, которые могут быть у именного элемента,— обобщенность, повторяемость, указательность, отрицаемость, выявляемые в тексте. Последние значения выступают рядоположенными к указанным выше и обладают сходными формальными показателями-детерминативами [7].

Исследование высказываний с различными значениями категориальных характеристик именных элементов в активной и пассивной формах показало, что положительная разность потенциалов (т. е. такой результат сложения двух величин, при котором сила субъекта больше, чем сопротивление объекта) выражается в активной фразе, а отрицательная, характеризующаяся большим сопротивлением объекта,— в пассивной. Так, предложение с субъектом в 1 или 2 л. может быть репрезентировано лишь в активной форме, так как субъект обладает наивысшей силой, ср.: *Je ne sais plus dans quelle rangée je l'ai fourrée (R. Merle).* → * *Je ne sais plus dans quelle rangée elle a été fourrée par moi.*

Менее активным по сравнению со значениями 1 и 2 л. является значение указательности (*се+N*), однако и оно по силе воздействия преобладает над всеми другими значениями, в частности над определенным (*le+N*). М. Юпе и Ж. Костерманс подчеркивают, что из двух форм одного и того же предложения — *La voisine nous conceilla cette eau de toilette* и *Cette eau de toilette nous fut conseillée par la voisine* — вторая является более вероятной, несмотря на то, что по аранжировке значений одушевленности/неодушевленности противоречит «каноническому» порядку.

Если предложение характеризуется слабым неопределенно-личным субъектом, получаем отрицательную разность потенциалов и соответственно пассив как единственно возможную форму репрезентации. Субъект, выражаемый маркером *on*, при этом не репрезентируется, ср.: *Les restes dépiécés du cerf avaient été disposés sur une pelouse (M. Druon).* → ? *On avait disposé les restes du cerf sur une pelouse; La maison a été fouillée le premier jour? (J. Simenon).* → ? *A-t-on fouillé la maison le premier jour?*

Однако если объект является менее активным, то в предло-

жении возникает положительная разность потенциалов и соответственно активная форма: *On ne vous a fait qu'un pansement provisoire* (P. Boulle).

Как видно из последнего примера, репрезентация отдельных элементов, в частности указанного неопределенно-личного, не всегда проявляется через постоянные формальные маркеры (в данном случае *on*).

Зависимость выбора активной/пассивной фразы от характеристик определенности/неопределенности (количество выявленных нами значений значительно превосходит то, которое приписывается этой категории обычно, поэтому целесообразно изменить название и говорить, например, о категории детерминированности) дает нам возможность систематизировать разности потенциалов и таким образом сопоставить силу субъекта и сопротивление объекта, представить иерархию значений детерминированности от более активных элементов до менее активных.

Степень активности	Субъект		Объект	
	маркеры детерминированности	значение	маркеры детерминированности	значение
I	<i>je, tu</i>	1 и 2 л.	—	—
II	<i>ce (+N)</i>	указательность	<i>ce (+N)</i>	указательность
III	<i>il, elle</i>	повторность	<i>le, la, les</i>	повторность
IV	<i>le (+N)</i>	определенность	<i>le (+N)</i>	определенность
V	<i>un, des (+N)</i>	считаемая неопределенность	<i>un, des (+N)</i>	считаемая неопределенность
VI	<i>on, les (+N)</i>	обобщенность, неопределенность личности	<i>les (+N)</i>	обобщенность
			<i>un, des (+N)</i>	считаемая неопределенность
			<i>de (+N)</i>	несчитаемая неопределенность
			<i>du (+N)</i>	отрицание

В парадигме показана иерархия активности именных элементов как в синтагматике — между субъектом и объектом, так и в парадигматике — между отдельными заменяющими друг друга значениями субъекта или объекта.

Как видно из таблицы, есть элементы, которые могут априорно прогнозировать ту или иную форму предложения. Так, появлению только актива способствуют, кроме упомянутых выше значений 1 и 2 л., некоторые значения объекта. Не может быть представлено в пассивной форме предложение с объектом частичным (партитивным), выраженным маркером *du (+N)*. В реальной действительности прямое воздействие субъекта на подобный объект (сюда относят жидкие, твердые, газообразные и сыпучие тела, не имеющие конкретных пространственных харак-

теристик) весьма затруднено, что находит отражение и в репрезентации. Отсутствие пассивной формы свидетельствует об отсутствии семантики воздействия, ср.: *Il a mangé de la soupe.* → **De la soupe a été mangé par lui.*

Таковыми же свойствами обладает и конкретный множественный объект *des (+N)*, а также отрицаемый объект *de (+N)*. Ж. Дюбуа подчеркивает их сходство и отмечает параллелизм всех форм на *de*, например: *Après quoi, il acheta des cigarettes, dans un kiosque* (G. Simenon). Ср.: → **Des cigarettes ont été achetées (par lui).*

Не имеет таких свойств и обобщенный элемент, отражая невозможность воздействия субъекта на объект, выражающий предмет или вещество вообще (исключение — неопределенный или обобщенный субъект в предложениях типа *On ne tue pas les pauvres types; On achève bien les chevaux; Une hirondelle ne fait pas le printemps*). Все названные случаи относятся к предложениям, пассивная форма которых является аграмматичной, дефектной. В предложении со значением считаемой неопределенности *un(+N)* вероятность появления такой формы весьма незначительна, ср.: *Elle prit une cigarette sur la table* (F. Sagan). → ? *Une cigarette fut prise (par elle) sur la table.*

Чем неопределеннее субъект, тем вероятнее пассив, поэтому в количественном выражении среди пассивных фраз преобладают фразы с неопределенно-личным субъектом. Тем не менее необходимо учитывать, что местоимение *on*, характеризующее обычно неопределенную личность, может иметь и другое значение, употребляемое при повторе и обычно понимаемое как «те, о ком шла речь».

Иерархия значений, как свидетельствует таблица, отражает также характер отношения говорящего субъекта к окружающим предметам во всем возможном семантическом многообразии (воздействие, влияние, восприятие и т. д.), т. е. каждый воспринимаемый предмет может проходить несколько степеней приближения субъекта к указываемому объекту, «видения» субъектом этого объекта. В непосредственной близости от говорящего находится предмет, выражаемый маркером указательности *se+N*, далее предмет, не находящийся в сфере непосредственного внимания субъекта, но упоминаемый в тексте (*le* — повторяемый элемент). Восприятие субъектом третьего элемента менее явно, это «тот предмет, о котором речь шла ранее» (*le+N*). Наконец, в сфере наименее явного, «рассеянного» воздействия субъекта находятся предметы (референты) с различными характеристиками неопределенности.

Выявление парадигмы детерминированности еще раз подтверждает наличие на всех уровнях языка инвариантов, относящихся к его системе и доступных для наблюдения через конкретные речевые проявления.

Результат проведенного исследования должен, как нам пред-

ставляется, сказаться также на практике. Иерархия разности потенциалов, значения которой соотнесены каждый со своим формальным элементом, наиболее применима в такой сфере употребления языка, как перевод с русского на французский, где роль означаемого играет исходная структура на русском языке, роль означающего — французская фраза в активной или пассивной форме.

Приведенное здесь правило выбора формы предложения не является и не может являться абсолютным. Существует много факторов, препятствующих репрезентации в пассив. Это в первую очередь множество второстепенных членов в предложении — инфинитив, являющийся частью составного сказуемого, и обстоятельственные элементы, которые при пассивации искажали бы смысл предложения. Так, отмечает Ж. Пэншон, предложения типа *Marie a agacé Paul par ses remarques* и *Le directeur a pris cette décision après avoir consulté les délégués* пассива не имеют [8]. Применение пассивной трансформации к предложению, где объектом является элемент с детерминативом притяжательности *son*, соотнесенный с субъектом, создает двусмысленность.

Некоторые глаголы не принимают пассивную форму. Так, известно, что не образуют пассива предложения с глаголом *avoir* — псевдопереходным; сюда же могут быть отнесены и другие глаголы со значением обладания *garder, tenir, posséder*, а также *mettre, porter* в значении «надевать», «носить на себе». Глаголы этой группы в своем прямом значении сочетаются только с неопределенным элементом, который препятствует пассивной репрезентации.

Следует отметить также, что характеристика детерминированности как главный фактор выбора формы связана с другим параметром именных элементов, а именно принадлежностью элемента к конкретной семантико-грамматической группировке. Если субъект в предложении является, как правило, одушевленным, то объект может быть и неодушевленным (большей частью), и одушевленным, а неодушевленность в силу многообразия ее характера может быть выражена элементом конкретным, абстрактным или вещественным. В нашей таблице показано взаимодействие субъекта одушевленного с объектом неодушевленным конкретным, а также даны значения, присущие лишь какой-либо одной семантико-грамматической группировке (в частности, значение неопределенной несчитаемости, свойственное только вещественным). Представляет интерес исследование парадигмы детерминированности в соотношении с объектом абстрактным, а также одушевленным. В последней группировке необходимо выделить собственные имена, занимающие, согласно О. Дюкро, промежуточную позицию между указательностью и определенностью [9].

1. Crévisse M. Le bon usage. Gembloux, 1959. P. 534; Mauger G. Grammaire pratique du français d'aujourd'hui. P., 1979. P. 288.
2. Voir, p. ex.: Dubois J. Grammaire structurale du français: le verbe. P., 1967; Dubois J., Dubois-Charlier F. Eléments de linguistique française: syntaxe. P., 1970; Pinchon J. Remarques sur le passif // Fr. dans le monde. 1977. N 130. P. 45—46; N 131. P. 54—56; N 132. P. 51—53; Hupet M., Costermans J. Un passif: pour quoi faire? 15 années de travaux psycholinguistiques // La linguistique. 1976. T. 12. Fasc. 2. P. 3—26.
3. Dubois J. Op. cit. P. 88—127.
4. Ученые, занимающиеся проблемами пассивной репрезентации, для обозначения двух основных именных элементов уровня означаемого пользуются парами терминов «агенс» — «пациенс», а также «субъект» — «объект» (последние относятся к сфере логики, но употребляются и для обозначения составляющих семантической структуры предложения). На синтаксическом уровне эквивалентами субъекта и объекта являются подлежащее и дополнение.
5. Скрелина Л. М. Изменение валентных свойств фундаментальных глаголов французского языка: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1971.
6. Pottier B. Linguistique générale. P., 1974. P. 107.
7. Pinchon J. Op. cit. N 132. P. 53.
8. Сюда мы включаем также значения 1 и 2 л., характеризующиеся определенностью.
9. См.: Dubois J., Dubois-Charlier F. Op. cit. P. 294.

Структурные и функциональные особенности предложения и текста. Свердловск, 1989

Н. А. ПИРОГОВ

Свердловский пединститут

**СИНОНИМИЯ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ,
ВЫРАЖАЮЩИХ АТРИБУТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В НИЖНЕНЕМЕЦКИХ ДИАЛЕКТАХ**

Излагаются результаты исследования синтаксиса современной нижненемецкой диалектной речи, делается вывод о преобладании аналитических тенденций в структуре диалектного предложения.

Изучение грамматической синонимии имеет большое теоретическое значение, так как способствует раскрытию взаимосвязи различных элементов языка, имеющих одно и то же грамматическое значение. Результаты исследования грамматических синонимов могут и должны использоваться в практике преподавания языка в школе и в вузе.

Важнейшими критериями синонимичности синтаксических единиц являются общность их синтаксической функции и разноструктурность этих единиц [1]. Мы исходим из определения грамматических синонимов как «разных грамматических структур или моделей, имеющих близкое значение или выражающих однородные отношения и связи между явлениями реальной действительности» [2]. Сложные предложения различного типа мо-

гут быть синонимичными и взаимозаменяемыми в определенном контексте, выражая одно и то же грамматическое значение, в частности — атрибутивные отношения. Атрибутивные отношения на уровне сложного предложения могут быть выражены с помощью гипотаксиса, паратаксиса и бессоюзного сложного предложения.

В настоящей статье ставится задача определить, какой структурно-семантический тип сложного предложения — сложно-подчиненное (СПП), сложносочиненное (ССП) или бессоюзное сложное предложение (БСП) — является наиболее характерным для выражения атрибутивных отношений, а также описать особенности структурной организации всех трех типов сложных предложений в нижненемецких диалектах.

Грамматическая синонимия предоставляет выбор разнообразных средств выражения общего значения. Функциональный подход к синтаксису — от значения к средствам выражения — предполагает знание инвентаря синонимов. Синтаксический уровень языка характеризуется не просто набором моделей. Модели связаны между собой различными отношениями, среди которых важнейшими являются коррелятивные. В синонимическом ряду сложных предложений есть доминантная модель, которой свойственно отражать определенное значение наиболее типичным и общим образом, а также наиболее частотно.

Анализ 400 сложных предложений, отобранных из текстов современных нижненемецких авторов, показал, что атрибутивные отношения чаще всего выражаются посредством гипотаксиса (68,5 %), на втором месте по употребительности — бессоюзные сложные предложения (23,25 %), а самую малочисленную группу составляют сложносочиненные предложения (8,25 %).

Количественные данные свидетельствуют о том, что преобладающим из всех трех типов сложных предложений, выражающих атрибутивные отношения, является сложноподчиненное предложение. Связь между компонентами СПП в нижненемецких диалектах в основном осуществляется теми же средствами, что и в литературном немецком языке. Есть, однако, и некоторые различия.

Важнейшая особенность сложноподчиненных предложений с придаточной определительной частью состоит в том, что в главном предложении содержится член предложения, выраженный существительным, местоимением или числительным, который определяется придаточным предложением, отвечающим на вопрос *welcher? was für ein?*

Как и в литературном немецком языке, в нижненемецких диалектах придаточные определительные являются преимущественно относительными предложениями, т. е. вводятся в большинстве случаев относительными местоимениями *de, dat, wat* и относительными наречиями на *w-*, например: *Dor griff dat an-*

ner *Mannslüüd*, de mehr hertowiesen hebbt (K. Hansen); Villicht hest du ok all 'n *Vörslag*, wat ick doon schall? (K. Hansen); Un denn kiek de Schoolmeister *op den Platz*, wo Hinnerk Rohwert sünst seten harr (F. E. Peters) [3].

Очень редко — примерно в трех случаях из 100 — придаточные определительные вводятся союзами *dat*, *as*, например: *Dat weer en Dag*, *as* de Harvst een nich beter geven kann (P. Belau); *Eegens kannst vun Glück seggen*, *dat* du so 'n Mann *as* mi kregen hest (K. Hansen).

Отличительной особенностью нижненемецких диалектов является то, что придаточные предложения, выполняющие функцию определений существительных, обозначающих живые существа, часто вводятся относительным местоимением *wat* вместо местоимений *welcher*, *welches*, *welche*, *der*, *die*, *das* или относительными местоименными наречиями типа *wobi*, *woröber*, которые, как правило, разъединяются и образуют рамку. Ни то ни другое в нормированном литературном немецком языке невозможно, например: *Dat weer Anna Suhr*, *wat* Markus Vierdt sien Grootdeern is (F. E. Peters); *Denn schall dat eers Tier*, *wat* ehm begegnet, *dat* schall he den Kopp aphaugen (W. Wissner); *Hannemann is een vun den Jungs*, *wo* 'n *bi* uppassen mutt (P. Belau).

Довольно продуктивна в нижненемецких диалектах и бессоюзная связь. Среди бессоюзных сложных предложений неоднородного состава большое место занимают двухпредикативные конструкции, в которых вторая предикативная часть относится к существительному или местоимению первого предикативного компонента и выполняет функцию определения. Обе части БСП всегда имеют порядок слов самостоятельного предложения. Для связи обеих частей бессоюзного предложения служат:

1) чаще всего — анафорические указательные местоимения *de*, *dat*: *Ick kenn en junge Deern*, *de* heet tofälling ook *Greten* (O. Tenne);

2) местоименные наречия на *d-*: *Dat is wat för de Baasdörper Buern*, *dar* hebbt se jo jüst *op tööv*t (F. E. Peters);

3) анафорические личные местоимения: *Bi uns 't Dörp weer dat Peter Rantje*, *he* maak *dat fein* (E. Delfs-Hansen);

4) интонация, фиксированный порядок следования компонентов бессоюзного сложного предложения, а на письме — тире или двоеточие, например: *So keemen wi mit de Naricht an 't Huus: Opa un Unkel Heinrich wöllt na 't Sängerfest* (G. Münster); *Un denn schöt ehr de Gedanke dör 'n Kopp: wo is de Jung denn afbleven?* (I. Harder).

Атрибутивные отношения могут быть выражены и при помощи сложносочиненных союзных предложений. По сравнению со сложноподчиненными и бессоюзными сложными предложениями паратаксис встречается не так часто. Однако в нижненемецких диалектах сочинительная связь в сложных атрибутивных предложениях занимает значительное место. В соединительно-

определяющих сложносочиненных предложениях предикативные части соединяются посредством союза. Порядок следования частей сложносочиненного предложения строго фиксирован. В первой части содержится существительное или местоимение, которое определяется вторым компонентом ССП и коррелирует:

1) с указательными местоимениями *de, dat*: *De leggt jeden Dag en Ei, un dat is ümmer weg* (P. Belau); *Ick heff mein Sekerheitsvörschriften, un an de heff ick mi holen — Punkt vör Punkt!* (K. Hansen);

2) с притяжательными местоимениями: *Ok en poor högere Büschen stunnen dor, un in ehrn Schatten versteek sik en witte Bank* (D. Puls);

3) с неопределенными местоимениями *beide, alle*: *Jehann-Detelt Sievers un Jakob Prüß, de weern dar neegste Navers, un de beiden harrn denn hier dat groot Woort* (F. E. Peters);

4) с повторяющимися существительными: *Un denn treckt sik üm de Feldmark noch de бүtelste Krink, un düsse Krink, dat sünd de königlichen Hölter* (F. E. Peters);

5) с местоименными наречиями: *He hett nu vör bi 'n Windfang so 'n ööl Automaten hinstellt, un dar steiht ümmer so 'n Schoor Kinner üm rüm* (F. E. Peters).

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Атрибутивные отношения могут выражаться посредством гипотаксиса, паратаксиса и бессоюзия, которые в данном случае являются структурными синонимами. Доминантой этого синонимического ряда является гипотаксис. Широкое распространение в нижненемецких диалектах находят бессоюзные сложные предложения, выражающие атрибутивные отношения. Реже всего (примерно в одном случае из 10) атрибутивные отношения выражаются посредством паратаксиса. В большинстве случаев сложносочиненные, сложноподчиненные и бессоюзные сложные предложения бывают взаимозаменяемы и легко поддаются трансформации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. См., например: **Grundzüge** einer deutschen Grammatik. Berlin, 1981. S. 140—141; **Маковский М. М.** Роль синонимии в развитии грамматической структуры языка // Вопросы языкознания, грамматики, лексикологии и стилистики. М., 1961. Т. 25. С. 6; **Матвеева Н. Н.** К вопросу синонимии синтаксических единиц // Структурные особенности разговорной речи. Иркутск, 1964. С. 270; **Кузьмин В. В.** Проблема синтаксической соотносительности (на материале объектных конструкций) // Вопр. языкозн. 1978. № 4. С. 112; **Ковтунова И. И.** О синтаксической синонимии // Вопросы культуры речи. М., 1955. С. 133; **Шендельс Е. И.** Синтаксические варианты // Филол. науки. 1962. № 1. С. 8; **Ярцева В. Н.** О грамматических синонимах // Романо-германская филология. М., 1957. Вып. 1. С. 4—33; **Назикова Е. А.** Синонимия сложных предложений, выражающих условно-следственные отношения // Русский язык в школе. 1974. № 1. С. 77.

2. **Шендельс Е. И.** Указ. соч. С. 8.

3. Здесь и далее примеры из следующих произведений: **Peters F. E.** Baasdörper Krönk. Husum, 1975; **Puls D.** De Kaputz // Quickborn. Zeitschrift für plattdeutsche Sprache und Dichtung. Hamburg, 1977; **Delfs-Hansen E.** Dörpsgeschichten. Flensburg, 1977; **Münster G.** Vun 'n Lannen na de Stadt. Husum, 1977; **Harder I.** Wedder mal Wiehnachten. Hamburg, 1974; **Hansen K.** Jonny de Drütte. Karl Mahnke-Verden (Aller) Theaterverlag und Bühnenvertrieb (Sp. 714); **Hansen K.** Schipp ahn Hoben. Karl Mahnke-Verden (Aller) Theaterverlag und Bühnenvertrieb (Sp. 714); **Tenne O.** Pierre un Gretchen; **Belau P.** De Regenbagen; En lütt Krimi; Nahöpstunn // Belau P. Hör mal 'n beten to. Neumünster, 1975; **Wisser W.** Wat Grootmoder vertellt. Hamburg, 1977.

Структурные и функциональные особенности предложения и текста. Свердловск, 1989

Н. А. ПОСТНИКОВА

Нижнетагильский пединститут

**ТЕКСТОВАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ
ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ
АНГЛИЙСКОГО ГЛАГОЛА
ДЛИТЕЛЬНОГО ВИДА**

Рассматриваются особенности функционирования глагольных форм длительного вида в тексте современной англоязычной драмы, характеризующейся приближением диалога к нормам разговорной речи.

Художественный текст как определенным образом организованная вторичная семиотическая коммуникативная система способен оказывать воздействие на входящие в его состав элементы. Об этом свидетельствует качественное своеобразие функционирования языковых единиц в тексте, которое объясняется целым рядом причин: а) влиянием иерархических отношений, связывающих единицы разных уровней; б) действием категории связности, охватывающей смысл текста и его формальное выражение; в) приращением смысла языковых единиц [1]. Стилистические транспозиции форм длительного вида являются отражением их метасемиотического функционирования в художественном тексте. Особенности такого функционирования становятся понятными, если признать как изначально данную выделительную, эмфатическую роль длительного вида, его живописующий характер. Именно отсюда происходит коннотативность длительного вида и его психологичность, которую подметил еще А. Брузендорф. Он писал, что, прибегая к прошедшему длительному для выражения действий одних персонажей и прошедшему индефинитному для выражения действий других, автор художественного произведения может создать «отрывки в высшей степени психологические и аналитические» [2]. Эти качества форм длительного вида, т. е. их ингерентную возмож-

ность передавать художественную информацию, используют писатели для наибольшего воздействия на читателя.

Ю. М. Лотман выделил два характерных свойства художественной информации: 1) заложенная в художественном произведении информация соотносится со всем последующим культурным и историческим опытом человечества; 2) в искусстве то, что составляет, по теории информации, шум и гасит информацию в канале передачи, вовлекаясь в сферу структурности, само «становится источником информации» [3]. Несомненно, что прагматическая информация относится как раз ко второму из указанных свойств художественной информации. Это свойство обуславливает то, что грамматические единицы, в том числе формы длительного вида, являясь носителями прагматической информации в художественном тексте, становятся источником приращения смысла.

Вслед за Л. А. Киселевой, мы считаем, что языковая управляющая информация представляет собой систему иерархически взаимосвязанных подсистем, различающихся характером заданных коммуникативных свойств [4]. В зависимости от него все подсистемы языковой информации делятся на две основные группы: собственно информативные и собственно прагматические подсистемы. Подсистемы первой группы предназначены для констатации и информирования, осведомления о чем-либо без расчета на ответную поведенческую реакцию адресата и апеллируют к его интеллекту. К ним относятся: 1) собственно семантическая подсистема (или интеллектуальная, когнитивная, логическая и т. п.); 2) релятивная подсистема (или подсистема отношений — причинности, пространственности, темпоральности, аспектуальности и т. п.). Подсистемы второй группы характеризуются прагматической заданностью нередко наряду с информативной и предназначены для воздействия на психику адресата и для регуляции его поведения. Прагматические подсистемы обращены непосредственно к эмоционально-волевой сфере психики и через нее — к интеллекту.

Типы прагматической информации, которые могут передаваться в тексте формами длительного вида, относятся к второй подсистеме. Отметим сразу соотношение между коннотативной и прагматической информацией: прагматическая информация обязательно является коннотативной, в то время как коннотативная может и не быть прагматической, т. е. регулятивной.

В данной статье рассматриваются особенности прагматического функционирования глагольных форм длительного вида в тексте современной англоязычной драмы с характерной тенденцией максимального приближения диалога к нормам живой разговорной речи. Стремление к натурализации диалога диктуется необходимостью художественного воздействия на аудиторию. Нами выделена модальная, экспрессивная, эмоциональная и контактная прагматическая информация.

Модальная прагматическая информация — информация о субъективно-оценочном отношении говорящего к предмету разговора или к своим поступкам, к собеседнику и его поступкам, словам, поведению. Она передает желание говорящего оскорбить, обидеть, унижить адресата, косвенно запретить ему совершить определенные действия или, наоборот, ободрить, поощрить к каким-либо поступкам. Такая трактовка модальной информации вытекает из широкого понимания модальности как любой оценки высказывания, которое принимается в настоящей работе, вслед за Ш. Балли, В. В. Виноградовым, В. Г. Адмони, Н. Е. Петровым и др.

Модальность — одна из наиболее сложных языковых категорий. Трудно назвать другую категорию, о природе и составе частных значений которой высказывалось бы столько различных и противоречивых точек зрения, как о категории модальности. Большинство лингвистов в ее состав включают значения, самые разнородные по своей сущности, функциональному значению и принадлежности к уровням языковой структуры. Не считая своей задачей анализ сложных явлений, связанных с категорией модальности, отметим, что в прагматически направленном исследовании, каким является настоящая работа, важную роль играют субъективно-модальные значения. Они возникают тогда, когда «говорящий при помощи разных языковых средств так или иначе оценивает свое сообщение или способ сообщения, что-то в нем акцентирует, соотносит с обстановкой речи, с источником информации, выражает уверенность или неуверенность в том, о чем он говорит» [5].

Субъективно-модальные значения тесно связаны с экспрессивной окраской сообщаемого, с его эмоциональной оценкой, поэтому и виды прагматической информации, передаваемые формами длительного вида в художественном тексте — экспрессивная, эмоциональная, модальная, часто сопутствуют друг другу. Средства передачи модальной информации в художественном тексте весьма разнообразны: интонационные и грамматические конструкции, лексические единицы, вводные слова, междометия и др. Остановимся на модальных значениях, которыми обладают формы длительного вида, функционируя в драматургическом тексте.

Выделим две разновидности модальной информации, носителями которой могут быть формы длительного вида: эмоционально-оценочную и побудительную. К первой из них относится многочисленная группа примеров, которые структурно представляют собой предложения, содержащие глагол в форме длительного вида (точнее, настоящего длительного проспективного) с отрицанием *not*. Модальность высказывания в подобных случаях создается и грамматической семантикой настоящего длительного проспективного, и отрицанием. Таким образом, оба этих компонента обеспечивают эмоциональную оценку говоря-

щим желательности/нежелательности действия или твердого намерения/отсутствия намерения его совершить.

Необходимо отметить еще одну особенность отрицания, существенную для настоящего исследования. Отрицательные конструкции имеют известный экспрессивный потенциал, их появление в тексте особо информативно. Экспрессивность отрицания зависит от его функции — указывать на отсутствие реальной связи между названными в предложении элементами. Таким образом, в результате всякое отрицание подразумевает контраст между возможным и действительным, что и создает экспрессивный и оценочный потенциал. Обратимся к примерам:

1. J e o f: You can do without make up.

J o: I can't. I look like a ghost without it.

J e o f: At your age?

J o: What's age got to do with this? Anyway, I'm not working for much longer. I'm not having everybody staring at me. (Sh. Delaney)

2. T o m: I am not carrying that trunk anywhere. I — this gentleman here...

3. B o y: I'm not spending the evening with a running-nosed wreck.

(D. Storey)

Во всех примерах обращает на себя внимание высокая степень эксплицитности и интензивности коммуникативного намерения, что связано также с экспрессивной нагрузкой формы длительного вида. Актуализации модальной и экспрессивной прагматической информации способствуют и другие факторы. Так, в первом примере это риторический вопрос, за которым следуют параллельные синтаксические конструкции. Во втором примере фоном для выражения прагматической информации служат эмфатическое I — this gentleman here и синтаксический повтор. Прагматическая сила экспрессивной отрицательной оценки, нежелания совершать действия такова, что придает даже стилистически нейтральному глаголу spend экспрессивную окраску. Формы длительного вида в данном случае имеют модальное значение и передают модальную (эмоционально-оценочную) информацию о субъективном отношении говорящего к предполагаемому действию. Уместно заметить, что переводчики не проходят мимо этого явления: в русских переводах данных пьес закономерно присутствуют субъективно-модальные выражения типа «не хочу», «не желаю», «не позволю», «не стану» и т. п.

Выражая негативное отношение к предполагаемому действию, говорящий сопровождает высказывание передачей эмоциональной информации, которая тесно связана не только с эмоциональной сферой личности, но также с интеллектуальной, обнаруживая их тесную взаимосвязь. Эмоционально-оценочная информация может быть по-разному прагматически ориентированной — выражать насмешку, неодобрение и т. п., которые со-

провожают собственно информативную функцию высказываний.

Вторая разновидность модальной прагматической информации — побудительная. Она манифестирует волеизъявление субъекта речи с целью заставить адресата совершить определенные действия. Можно выделить смягченное побуждение, приказание, запрет как подтипы побудительной прагматической информации. Прежде чем обратиться к соответствующим примерам, следует учесть фактор, определяющий эту разновидность побудительности.

Модально-эмотивный потенциал формы реализуется на уровне высказывания при взаимодействии ее десигнативных компонентов с различными индикаторами коммуникативной интенции говорящего, т. е. формативных компонентов. Обычно выделяется два случая взаимодействия десигнативных и формативных компонентов. В первом случае они не вступают в противоречие друг с другом, и семантические признаки, сигнализируемые десигнативными элементами, «наслаиваются» на семантические признаки, сигнализируемые формативными компонентами, вследствие чего видовременная форма реализует ту или иную модально-эмотивную оценку при сохранении рациональной. Сюда относится употребление форм длительного вида, когда их способность выражать отсутствие категоричности, нерешительность и т. д. используется для передачи таких оттенков значения, как вежливость, тактичность, являющихся элементами прагматического смысла высказывания. Иными словами, речь здесь идет о «смягчающих» возможностях форм длительного вида. Напр.:

J i m m y: Thought of the title for a new song today. It's called «My mother's in the madhouse — that's why I'm in love with you». The lyrics are catchy too. I was thinking we might work it into a set. I was thinking we'd scrub Jack and Day, and call ourselves something else.

H e l e n a: Good idea.

(J. Osborne)

Высказывания Джимми Портера, начинающиеся с I was thinking содержат смягченное побуждение. Данные конструкции относятся к средствам выражения эксплицитной модальности. Однако побудительная информация может выражаться и косвенно. Сравним две реплики в одном диалогическом единстве.

N i c k: Rose, please stop moving about. You're making me seasick. And would you go outside? I'd like to speak to Sophie.

R o s e: I am waiting for you to explain, Nick. I don't understand.

(L. Hellman)

В реплике Ника содержится эксплицитная побудительность, выраженная глаголом в повелительном наклонении: Stop mo-

ving about. Реплика Роуз, включающая глагол wait в форме длительного вида, косвенно стимулирует собеседника к определенным действиям, здесь — к объяснению неблагоприятного поступка. Правильно идентифицировать побудительную информацию позволяет сравнение с теми случаями, когда высказывания с глаголом wait в длительной форме имеют иное пропозициональное содержание, например I am waiting for him, где на первый план выступает денотативный аспект высказывания, а форма длительного вида манифестирует свою основную сему — протекание действия в момент речи.

Во втором случае взаимодействия формативных и десигнативных компонентов они вступают в противоречие друг с другом, в результате чего форма приобретает иную рациональную оценку. Прагматическая транспозиция становится фактором, определяющим значение грамматической формы. Здесь уже имеет место категорическое побуждение, запрет, угроза. Характерно, что субъект действия в таких случаях выражен местоимением 2 л. Например:

Helen: Hey, you can throw that bloody thing out for a start.

Jeof: What thing?

Helen: That thing there. You're not putting my grandchild in a thing like that.

(Sh. Delaney)

Особое место среди видов прагматической информации занимает контактная информация, поскольку она участвует в выявлении композиционной нагрузки формы. Данный вид информации передает намерение, желание субъекта установить или поддержать контакт с адресатом. В драме контактная информация часто используется: 1) в начале монологов для установления контакта актера со зрителями; 2) в начале полилога для того, чтобы ввести появившийся персонаж в курс разговора двух или нескольких других персонажей.

Вопрос о членимости драматургического текста сложен, многогранен и требует специального рассмотрения. Поэтому ограничимся установлением структурно-текстовых функций форм прошедшего длительного вида в драме. Как уже указывалось, здесь наиболее типичны две группы ситуаций. Анализ свидетельствует, что форма прошедшего длительного вида обычно представляет собой воспоминания героя о прошлом и, во-первых, предшествует монологу; во-вторых, вводит новую тему; в-третьих, актуализирует экспозицию.

Bristol: Would you like me to stay and talk, sir?

Kitchen: What about?

Bristol: Anything you like.

Kitchen: I was recalling my childhood.

Bristol: Anything pleasant?

Kitchen: Very.

(D. Storey)

В формах длительного вида регулярно появляются глаголы *recall*, *remember* и т. п. Как правило, после них следует краткая реплика другого персонажа, имеющая интенцию побуждения к рассказу, затем — монологические рассуждения. Коммуникативное намерение персонажей, в чьих репликах имеется форма длительного вида в функции экспозиции, можно квалифицировать как стремление поведать собеседнику о чем-то случившемся или пережитом. Причем реплика-стимул другого персонажа может быть опущена. Это происходит в тех случаях, когда персонаж обращается к залу. Форма длительного вида выполняет контактоустанавливающую функцию: стимулирует зрителя к внимательному восприятию монолога, помогает установить с ним контакт, настроить его на определенное восприятие.

Вторая группа ситуаций включает употребление форм прошедшего длительного вида персонажами с целью ввести вновь пришедшего в курс разговора. Реплика с формой прошедшего вида как бы способствует тому, чтобы он принял участие в разговоре:

Carol: We were talking about the past.

Tom: Were you?

Carol: I was reminding Aid of that time at Christmas when I thought there were angels in the street outside.
(D. Storey)

Кэрол объясняет Тому суть своего разговора с сестрой. Реплика Тома приводит к краткому пересказу их беседы, который также вводится формой прошедшего длительного вида в функции экспозиции. Таким образом, и композиционная нагрузка формы может быть обусловлена прагматическими факторами, т. е. коммуникативной интенцией говорящего. Приведенные подсистемы прагматической информации органически взаимосвязаны, имеют подвижные границы, т. е. взаимно проникают, взаимодействуют в процессе функционирования видовременной формы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Тураева З. Я. Лингвистика текста. М., 1986.
2. Brusendorff A. The Relative Aspect of the Verb in English // A Grammatical Miscellany Offered to O. Espersen. Copenhagen, 1930. P. 225.
3. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970. С. 188.
4. Киселева Л. А. Вопросы теории речевого воздействия. Л., 1978. С. 27.
5. Русская грамматика: В 2 т. Т. 2. Синтаксис. М., 1982. С. 124.

Г. Л. НОВОСЕЛОВА

Ленинградский пединститут им. А. И. Герцена,

В. Л. СЕЛЯНИНА

Нижнетагильский пединститут

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ (на материале современного немецкого языка)

Рассматривается структурное многообразие номинативных газетных заголовков и их прагматическое содержание в связи с содержанием газетной информации.

Структурные особенности заголовков различных типов текстов описаны в теоретическом плане с недостаточной полнотой, о прагматической же и смысловой связи текста с его заголовком можно найти лишь некоторые замечания в трудах по стилистике, в учебных пособиях по газетной лексике и отдельных лингвистических работах западногерманских исследователей.

Наша статья посвящена анализу типов газетных заголовков как необычных речевых образований, что даст, кроме описания смысловых связей, дополнительный материал для толкования интенционных (прагматических) категорий действительности, а также грамматических категорий односоставности, эллиптичности, неполноты предложения.

Как известно, В. И. Ленин назвал газету коллективным пропагандистом, агитатором и организатором [1], а это значит, что газеты любой страны, в любой общественно-экономической формации служат орудием борьбы за классовые интересы различных групп, слоев и классов общества. Отражая объективную действительность, они не могут оставаться надпартийными, нейтральными. Являясь важнейшим средством информации и коммуникации, газета выступает в роли полиадресатного текста как продукт и объект коммуникативно-познавательной деятельности человека, а ее язык обращен к массовой разнородной аудитории, которую она должна привлечь, удержать, заставить себя читать, дать определенный импульс к действию. Газетную информацию необходимо передать быстро, сжато, ярко [2]. В большей степени этому служат газетные заголовки, потому что, раскрывая каждый свежий номер газеты, читатель прежде всего обращает внимание на заголовки и по ним определяет, о чем пойдет речь в том или ином газетном сообщении. Заголовок оказывается своеобразным компасом, который помогает читателю не только ориентироваться в разнообразном газетном материале, но и быстро знакомиться с содержанием всей газеты, отбирать для себя наиболее важное и интересное. От

заголовка требуется, чтобы он был максимально краток, чтобы фиксировал внимание на самых интересных и важных моментах статьи [3] и обеспечивал компрессию информации [4].

Заголовок как квинтэссенция информации, содержащейся в статье, выполняет следующие прагматические функции: информирующую, ориентирующую, возбуждающую интерес и внимание читателя, оценивающую, компрессивную, формирующую общественное мнение и общественную психологию.

С этой точки зрения объяснить замысел автора, коммуникативно-познавательные мотивы заголовков, созданных авторами для тех или иных газетных сообщений, почти невозможно, однако целевая установка газеты с ее задачами формирования общественного мнения помогает исследователю определить те воздействующие факторы заголовков, которые связаны с актуальностью, привлекательностью, меткостью и краткостью извлекаемой из заголовка информации.

Если предложения в тексте являются основной единицей речевой коммуникации и в прагматическом плане представляют собой предложения-утверждения, предложения-суждения, предложения-умозаключения, предложения-вопросы, предложения-побуждения и т. д. [5], то заголовки текстов являются исходной единицей речевого общения, и поэтому наряду с фамилиями авторов статей их можно считать «сигналами», условиями восприятия текста [6].

Из этого следует, что речевое оформление заголовков неодинаковое. Так, тексты делового характера (новости, политические обзоры) имеют в подавляющем большинстве заголовки, которые ясно, по-деловому отражают, прогнозируют содержание, например [7]: 1) Der Premier der VR Angola besucht die DDR (LVZ), 2) FDJ-Freundschaft in die Sowjetunion unterwegs (LVZ).

Заголовки других типов текстов (репортажей, очерков, рецензий, фельетонов, дискуссий и т. д.) обычно только косвенно связаны с текстом, они больше интригуют читателя, привлекают его внимание, возбуждают интерес, ставят акценты; содержательная сторона таких заголовков отличается обобщенным характером, многозначностью толкования, например: 3) Amerika — vom Kopf auf die Füße gestellt (Wh); 4) Leuchtturm der Hoffnung? (UZ); 5) Viel Schweiß — kein Preis (VS); 6) Aller Anfang ist schön (VS); 7) Eine bittere Pille (UZ); 8) Zwei Seiten einer Medaille (Wh).

В функциональном плане следует выделить в немецкой газете прежде всего следующие типы заголовков: постраничные (Seitenüberschriften); тематические (Rubriküberschriften, Themaüberschriften); объединяющие несколько рубрик (Dachzeilen); сенсационные (Schlagzeilen); отдельных статей (Titel, Überschriften); подзаголовки описательного, поясняющего характера (Untertitel).

Функциональный аспект предeterminирует выбор используемых в заголовках языковых средств. Так, постраничные заголовки легко выделяются в структурном и содержательном плане. Это в большинстве случаев одиночные существительные, позволяющие читателю быстро ориентироваться в газетной информации, например: 9) Kultur (VS); 10) Geschichte (VS); 11) Sport (VS); 12) Hintergrund (VS).

Реже в качестве постраничных заголовков встречаются группы существительных, находящиеся в сочинительной связи друг с другом, например: 13) Lokal, Kommunal, Chronik (VS); 14) Lesebriefe, Ankündigungen, Informationen (VS).

Как те, так и другие структуры (примеры 9—14) выполняют функцию систематизации материала, определяют тему разговора с читателем.

Структура тематических заголовков более разнообразна. Одиночные существительные, а также копулятивные группы существительных встречаются в тематических заголовках наряду с синтаксическими группами, в которые входят адъективные или субстантивные определения, например: 15) Zirkuszauber (ND); 16) Hieb und Stich (VS); 17) Aktuelle Politik (VS); 18) Kurze Nachrichten (ND); 19) Spiel mit der Angst (VS); 20) Erkenntnis aus erster Hand (VS).

Ведущее существительное в тематическом заголовке может быть употреблено с предлогом и иметь при себе зависимое определение или обстоятельство, например: 21) Über Berufsethik (UZ); 22) Zur Verlängerung der Saison (VS); 23) Kein Ende in Sicht (UZ); 24) Industrie im Schatten der Agrarpolitik (FAZ).

В больших тематических заголовках, объединяющих несколько текстов, не содержится информации о самих текстах, они лишь ориентируют читателя или стимулируют его интерес. Реальная ситуация определяется в этом случае в самом общем виде, а языковые средства помогают выразить намерение автора очень приблизительно.

Структура более мелких заголовков еще разнообразнее, но это многообразие существует в языке как система возможностей.

По мнению многих авторов (Б. Зандиг, Е. В. Розен, П. Хельвиг), типовыми в газетных заголовках являются предикатные образования. Проведенный нами количественный анализ подтвердил мнение лингвистов. Так, около 65 % газетных заголовков носят предикатный характер. Это и двусоставные предложения с различным коммуникативным заданием, и побудительные (односоставные), и партиципные и инфинитивные фразы, и фразеологические единицы с предикатной основой, и даже сложные предложения. Однако около 35 % газетных заголовков составляют номинальные фразы с ведущим существительным. Более подробно мы остановимся на последних речевых образованиях, хотя попутно затронем при анализе и другие структур-

ные формы заголовков. Наш выбор объясняется тем, что никакая грамматика, никакой словарь не в состоянии предусмотреть все структурные и информативные возможности номинальных единиц, употребляющихся в качестве газетных заголовков.

Номинальные и вербальные фразы связаны прежде всего с языковой экономией, потенциальные возможности которой, как отмечает В. Д. Девкин, очень велики, но используются они в обычном тексте не в полной мере; даже при крайней необходимости к ним прибегают с осторожностью, с постоянной оглядкой на слушателя, на существующие традиции и образцы [8]. Что же касается заголовков, то их структура максимально упрощается, однако их коммуникативная цель достигается благодаря накопленным знаниям об окружающем мире и общей языковой компетенции, например: 25) Den Öl-Teufel an die Wand malen (UZ); 26) Rotsliftpolitik (UZ); 27) Bis wann? (VS). В примере 25 хрестоматийная форма фразеологизма «рисовать всякие ужасы» дополнена существительным, которое позволяет понять, что речь пойдет о нефтяном кризисе и его последствиях. В примере 26 первый компонент, имеющий денотатом отрицание определенного явления, стимулирует интерес к предмету. Следует заметить, что существительное Rotstift обозначает политику ограничений и часто употребляется в прогрессивной прессе Запада в противовес существительному Spar-, например Sparpolitik, Sparplan, используемому в буржуазной прессе для затушевывания остроты борьбы. В примере 27 выражено отношение возмущения или удивления, присутствует акт оценки.

Партиципные и инфинитивные (вербальные) фразы представляют собой значительную группу в количественном плане, например: 28) Auf den Bauch gelegt (UZ); 29) In Stich gelassen (UZ); 30) Schleusen geöffnet (VS); 31) Auf Draht sein (VS); 32) Nur mit den Zähnen knirschen (UZ); 33) Öl ins Feuer gießen (UZ).

Данные заголовки имплицитны, малоинформативны. Главная мысль последующей информации в них практически неопределима, такие заголовки не прогнозируют содержание статьи, а сообщают определенные импульсы, возбуждают интерес. Анализ таких заголовков показывает, что если нет подзаголовка, то предмет разговора с читателем определяется только приблизительно или не определяется вовсе. Понимание и особенно перевод партиципных и инфинитивных фраз, если они фразеологического происхождения, вызывает затруднение. Простая подстановка эквивалентных фразеологизмов другого (в частности, русского) языка может сдвинуть акценты, дать ложное представление о содержании информации. В таких случаях необходимо прежде всего ознакомиться с содержанием статьи и только после этого осмыслить и перевести заголовок.

Партиципные и инфинитивные фразы нефразеологического характера прогнозируют содержание статьи без особых труд-

ностей, например: 34) Alte Schriften sorgsam gepflegt (ND); 35) Stationierung auf jeden Fall ablehnen (ND). Партиципная фраза (пример 34) легко превращается в полное предложение, если ее дополнить вспомогательным глаголом werden. Инфинитивные фразы (пример 35) типичны для газеты, они могут состоять из одного инфинитивного глагола и зависящего от него распространения. В большинстве случаев это воззвания, требования, призывы.

Предложения являются основной формой речевой коммуникации. Однако двусоставные предложения вследствие специфики газетных требований встречаются в качестве заголовков крайне редко, в них происходит замена частей глагола, их опущение, все большее распространение получают эллипсы и неполные предложения (см. примеры 25, 34, 35).

Полные предложения в роли заголовков чаще всего понимаются без помощи контекста, так как они достаточно распространены, например: 36) Computer hat keinen Geschmack (VS); 37) Vatikan setzt Pater d'Escoto unter Druck (VS); 38) DGB-Führung warf Handtuch bei Arbeitsverkürzung (VS). В заголовках такого типа часто употребляются имена собственные, реалии, которые либо облегчают понимание данного микроконтекста, либо затрудняют его, если компоненты заголовка не были известны читателю: 39) Fadejews Kür war Gold wert (VS); 40) Dag Kaas mischt viele Trümpfe (VS).

Номинальные фразы в заголовках различного типа можно рубрицировать как одночленные, например: 41) Reine Manipulationen (UZ), 42) Beleidigung der Kriegsofper (UZ); двухчленные, например: 43) Arbeitstreffen Anfang Dezember (VS), 44) Leistungsschau der Berliner Gärtner am Fernsehturm (ND); многочленные, например: 45) Mit der Kammera auf Linien unserer Heimatsflotte (ND); 46) Mord aus Eifersucht: Geständnis (VS); 47) Nasse Fahrbahn: Zwei Lenker tot (RNZ); 48) Fußballoberliga — Kommentar zum Spieltag (ND); 49) Große Schlappe für CDU — Sieg für Hassel (SZ).

Следует заметить, что внутри многочленных заголовков широко распространены знаки препинания, которые также несут смысловую нагрузку [9]. Так, в приведенных нами примерах двоеточие является своеобразным кодом, выделяющим время или место событий, предваряющим требование, связывающим причину и следствие. В последнее время участились заголовки, в которых двоеточие заменяет глагольную связку при инверсии, например: 50) Immer aktuell: Thema Versicherung (VS); 51) Statt Benzin: Gas (RNZ).

И двоеточие и тире могут заменять в многочленных заголовках полнозначный глагол или выполнять роль кода для обозначения противоположных смыслов, например: 52) Rummenigge — ein ausgebufftet Hund (RNZ).

Структуру исследуемых нами заголовков можно представить

в виде моделей, получающих в каждой конкретной ситуации свое, индивидуальное лексическое наполнение. Основываясь на валентных связях в назывной фразе, можно выделить определенное количество моделей заголовков, где для всех зависимых элементов целесообразно употреблять синтаксическую терминологию, однако главный член именной фразы должен быть обозначен морфологическим термином, так как в результате немаркированности падежа существительному, с одной стороны, рискованно присваивать статус субъекта, а с другой — ведущее существительное употребляется и в зависимой (предложной) форме и может обозначать объект или обстоятельство, например: 53) *Gegen Ausländerfeindlichkeit (UZ)*; 54) *Vor neuen Gesprächen (ND)*.

Схематично все структурные варианты газетных заголовков, рассматриваемых нами, представим в виде модели, где ведущее существительное (BC) как ядро заголовка выступает стержнем модели.

1. Адъективное (согласованное) определение + BC.
2. BC + несогласованное определение в генитиве.
3. BC + несогласованное определение в генитиве с адъективным определением.
4. BC + предложное определение.
5. BC + предложное определение с адъективным определением.
6. Адъективное (согласованное) определение + BC + предложное определение с согласованным или несогласованным определением, например: 55) *Braune Justiz (UZ)*; 56) *Beleidigung der Kriegsofopfer (UZ)*; 57) *Jahrbuch der staatlichen Museen (ND)*; 58) *Schuß auf Bus (UZ)*; 59) *Erklärung zur heutigen Raketendiskussion (UZ)*; 60) *Goldene Sandalen aus Kaiser Wilhelms Zeit (SZ)*.

Выделенными нами шесть моделей оформляют одночленные номинальные фразы. Одночленными являются и такие заголовки, где в качестве ведущего слова выступает наречие, например, *Wohin? Vorwärts!*, однако такие заголовки нельзя рассматривать как номинальные фразы.

Во все указанные модели может входить имплицитно вербальный оборот *es gibt* [10], что свидетельствует о развертывании номинальной фразы и превращении ее в полное предложение.

В более сложных (двучленных) номинальных фразах выделяются следующие модели.

1. BC + приложение с элементом *als*, обозначающим идентичность.
2. BC + обстоятельство различной семантики.
3. BC + дополнения, чаще всего с предлогом *für*, например: 61) *Kirche als Sozialpartner (VS)*; 62) *Tödliche Dosis in kleinen Raten (VS)*; 63) *Freggaten für die Junta (UZ)*.

Связочный глагол позволяет трансформировать данные модели в вербальные фразы, где именное составное сказуемое точно определяет ситуацию, ср.: 64) Karl Marx als Opernlibrettist. = Karl Marx ist auch Opernlibrettist. = Karl Marx ist auch als Opernlibrettist bekannt. = Karl Marx war auch Opernlibrettist.

Однако модели с обстоятельствами не имеют указанной трансформы, эквивалентами таких предложений может быть только парафраз, ср.: 65) Arbeitertreffen Anfang Dezember (VS) = Anfang Dezember findet Arbeitertreffen statt; 66) Bald 500 Arbeitslose in der Gemeinde (SZ) = Die Gemeinde wird... haben.

Заголовки с предложным объектом характеризуются определенными реляциями («х» für «у») и могут трансформироваться в полные предложения с помощью глагола bekommen, например: 67) Frische Farben für Fassaden (ND) = Unsere Fassaden bekommen frische Farben.

Однако глагол bekommen не во всех случаях является той смысловой единицей, которая необходима для понимания заголовка, ср.: 68): Sozialisten für Raketenstopp (UZ) — * Raketenstopp bekommt...

Многочленные номинальные фразы могут быть зафиксированы в следующих моделях.

1. ВС с предлогом + обстоятельство.
2. ВС с предлогом + обстоятельство с определением в генитиве.
3. ВС с предлогом + определение в генитиве с адъективным определением.
4. ВС + ВС.
5. ВС + ВС с адъективным определением, например: 69) An der Flick-Leine (ND); 70) Vor neuen Gesprächen in Düsseldorf (RNZ); 71) Für Ausbau des unteren Neckar (RNZ); 72) Bewährungsprobe für Lerlinge: Fertigung von hochgenauen Fräsmaschinen (ND); 73) Pollas Athene — Probleme und Rosen (ND).

Такие номинальные фразы трансформируются в предложения либо с глаголом haben, либо с глаголами, послужившими базой для акциональных существительных многих заголовков типа примера 71.

Все рассмотренные здесь типы номинальных фраз — это не произвольное соединение слов, а особый синтаксис субстантивных односоставных предложений. Подход к изучению текстового заголовка как самостоятельного микротекста кажется нам оправданным. Связь между типами газетных заголовков и определенными иллокутивными актами обуславливается намерениями автора. Так, если автор прогнозирует содержание информации, то он выбирает конкретные единицы языка, которые способны в самых общих чертах передать содержание статьи, если же интенция связана с тем, чтобы стимулировать интерес получателя информации, то выбираются косвенные, обобщен-

ные единицы языка, чаще всего фразеологического характера. Заголовки оценочного характера также малоинформативны и стимулируют интерес читателя.

Следовательно, степень информативности заголовка зависит от намерения автора, от установки на адресата. Прагматический смысл заголовка выходит далеко за рамки его буквального значения. Определенную закономерность в построении газетных заголовков подметить и относительно адекватно описать довольно трудно, однако необходимо стремиться к этому, тем более что реальная языковая практика дает эту возможность.

Следует сказать, что газеты, издаваемые в ФРГ и не принадлежащие к коммунистической печати, нам недоступны, однако лингвистические журналы и статьи, посвященные проблемам заголовка [11], позволили ознакомиться с микротекстами, социальной направленностью газет и возможностями авторов в формировании общественного мнения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 11.
2. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Л., 1973. С. 76—79.
3. Розен Е. В. На уроке — немецкая газета. М., 1974. С. 39.
4. Арнольд И. В. Указ. соч. С. 77.
5. Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. М., 1981. С. 173.
6. Горелов И. Н. Текст как особая форма высказывания // Проблемы лингвистической интерпретации художественного текста: Сб. науч. тр. Свердловск, 1982. С. 5.
7. Здесь и далее использованы следующие источники: «Liberale Volkszeitung» (LVZ), «Wharheit» (Wh.), «Unsere Zeit» (UZ), «Frankfurter Allgemeine Zeitung» (FAZ), «Volksstimme» (VS), «Neues Deutschland» (ND), «Süddeutsche Zeitung» (SZ).
8. Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика. М., 1979. С. 63.
9. См. по этому поводу: Розен Е. В. Указ соч. С. 41—42.
10. Sandig В. Syntaktische Typologie der Schlagzeilen. München, 1971. S. 93—94.
11. Hellwig P. Titulus oder Über den Zusammenhang von Titeln und Texten // Zeitschrift für germanistische Linguistik, hrsg von H. Henne, E. Oskar, P. von Polenz, H. W. Wiegand. Berlin; New York, 1984. N 1; Koller W. Redensarten in Schlagzeilen // Muttersprache. Wiesbaden, 1978. N 6. S. 94—101; Butzlaff W. Die deutsche Sprache der Gegenwart im Spiegel der Presse // Beiträge zu den Sommerkursen. München, 1970. S. 117—119; Mieder W. Sprichwörtliche Schlagzeilen in der Wochenzeitung // Muttersprache. 1978. N 5. S. 62—68.

М. П. СЕМЕНЮК, Н. А. ПОСТНИКОВА

Нижнетагильский пединститут

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ АНГЛИЙСКИХ РЕКВЕСИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Анализ языковых средств, используемых для выражения просьбы как типового речевого действия, показывает, что их выбор зависит от ситуации общения, в центре которой находятся говорящий и адресат, надсенные различным социальным статусом и ролевыми функциями.

Просьба относится к классу директивных речевых актов, в которых реализуется языковая функция регуляции социального поведения людей. В повседневной бытовой речи различно оформленные просьбы являются наиболее многочисленным видом директив [1]. В исследованных нами диалогических текстах художественных произведений современных английских авторов просьбы составляют более 60 % от всех директивных высказываний.

Коммуникативная цель просьбы заключается в стремлении говорящего вызвать определенное, желательное для него неречевое действие со стороны слушающего, причем говорящий использует языковые средства таким образом, чтобы его намерение было однозначно понято адресатом. Оба участника речевого акта знают из своего социального языкового опыта, что, если один из них просит о чем-нибудь, то чаще всего, во-первых, он хочет, чтобы слушающий совершил некое действие, в котором говорящий заинтересован, а во-вторых, верит, что адресат просьбы способен ее выполнить. Эти знания и составляют коммуникативные пресуппозиции акта просьбы или ее подготовительные условия, выделяющие просьбу из числа других директив.

Рассматривая способы «существования» просьбы в современном английском языке, необходимо в первую очередь выделить прямые и косвенные просьбы. В прямых просьбах коммуникативный смысл высказывания предопределяется его буквальным значением. Прямая просьба обычно осуществляется при помощи императивного предложения, смягченного маркером просьбы — словом *please*. Объект просьбы — некоторое будущее интенциональное действие адресата — обозначается глаголом в повелительном наклонении. Например: *Please, hurry up*. В таком предложении ни отправитель просьбы, ни адресат словесно не выражены. В случае необходимости уточнения адресата используются обращения в постпозиции.

Просьба осуществляется в симметричных ситуациях общения: отправитель просьбы не обладает какой-либо властью над

адресатом, который волен удовлетворить или отвергнуть просьбу. Если у говорящего есть основания ожидать положительной реакции на просьбу, он сдержан в выражении своего желания. Императивное предложение характеризуется ровной и слегка повышающейся интонацией, сочетаемостью со словом *please* в конечной и начальной позициях без паузы и особой интонации. К такому предложению иногда присоединяется усеченное условное предложение *if you like*.

Если говорящий сомневается в выполнении просьбы адресатом, он более настойчиво выражает свое желание, и это проявляется в изменении интонации: повелительное предложение произносится со значительно восходящей или нисходяще-восходящей интонацией. Слово *please* в начальной и конечной позициях произносится с паузой, и именно оно является ядром падения или повышения голоса.

Просьба не сочетается с обидными и грубыми словами, так как это противоречит ее прагматическому назначению — быть вежливым способом воздействия с целью исполнения желаемого.

К императивному предложению, используемому для выражения просьбы, могут присоединяться краткие общие вопросы *will you, won't you*. Например: *Don't be late, will you. Look after the children, won't you*. Последнее предложение передает более настойчивую просьбу. Авторы «Коммуникативной грамматики английского языка» Г. Лич и Дж. Свартвик указывают, что краткий вопрос *will you*, присоединенный к повелительному неотрицательному предложению, например *Sit down, will you*, обычно выражает истерпение [2]. Этот факт не учитывается авторами наших учебников, где краткий общий вопрос *will you* дается как эквивалентный заменитель слова *please*.

Императивные предложения и их модифицированные варианты используются для выражения просьбы между хорошо знакомыми людьми и относительно действий, входящих в круг ролевых функций адресата. Кроме императивного предложения, прямая просьба оформляется также эксплицитным перформативным предложением, коммуникативный смысл которого выражается глаголами *ask, request*, употребленными перформативно, т. е. в 1 л. ед. ч. настоящего индифинитного времени активного залога. Например: *I ask you to come back with me* (F. O'Connon, p. 122); *I humbly request that you consider my suggestion* (F. O'Connon, p. 105) [3].

В таких предложениях осуществляется номинация не только объекта просьбы, но и обоих участников коммуникативного акта. Объект просьбы — будущее интенциональное действие адресата — вербально выражается придаточным предложением или чаще инфинитивом. Когда говорящий стремится подчеркнуть важность не столько самого действия, сколько объекта, на который оно направлено, то употребляет предложения типа

I ask you for instruction, в котором действие give вербально не выражено, а лишь подразумевается.

Эксплицитно-перформативные предложения употребляются для оформления просьбы между знакомыми людьми, связанными деловыми отношениями, а также между людьми малознакомыми, общающимися в официальной обстановке. Среди членов семьи, близких друзей просьба, оформленная таким образом, является повторной в дискурсе и выражает настойчивость отправителя или его раздражение и другие отрицательные эмоции, вызванные тем, что адресат ни словом, ни делом не реагирует на обращенную к нему просьбу. В асимметричной ситуации эксплицитно-перформативное предложение часто используется отправителем более высокого социального статуса для выражения в форме просьбы различных приказов и распоряжений. Но как бы вежливо ни оформлялся приказ, он всегда остается приказом, а не просьбой, так как вынуждает адресата действовать определенным образом без права выбора.

В эксплицитно-перформативном предложении может употребляться модальный глагол *must* или его заменители *have to*, *have the obligation*, *it is necessary for me*, *it is my obligation to*. Например: *I must ask you for absolute secrecy* (A. Christie, p. 82).

Такого типа высказывания называют «сильные просьбы», так как используя их, говорящий пытается «устранить» импликацию своей заинтересованности, утверждая, что просьба вызвана определенными объективными причинами, особенно, если объект просьбы может причинить адресату некоторые неудобства, значительные хлопоты и т. д. Говорящий как бы пытается снять с себя личную ответственность за возможные неприятные последствия, связанные с выполнением просьбы. Исследования диалога показывают, что адресат реагирует на подобное высказывание как на выражение просьбы, а не как на приказ даже тогда, когда оно является «стратегическим ходом» с целью заставить адресата выполнить просьбу.

К числу речевых индикаторов просьбы наряду с перформативными глаголами, интонацией, словом *please*, краткими вопросами *will you* и *won't you* можно отнести и устоявшиеся разговорные формулы — интродукторы просьбы: *Be so kind as to...*; *Be good enough...*; *Would you be so kind as / kind enough to...*; *Could I trouble you for...*; *Would it be too much trouble for you...*; *I would be much obliged if...*; *I would be extremely grateful if...*

Перечисленные этикетизированные высказывания в большинстве своем выражают извинение или благодарность за предстоящее беспокойство, связанное с исполнением просьбы. Кроме того, они используются для того, чтобы психологически подготовить слушающего, расположить его к говорящему и вызвать у него желание удовлетворить адресованную ему просьбу. Такую же функцию выполняют эмотивные обращения, часто пред-

шествующие непосредственному выражению просьбы или следующие за ней.

Диалог считается основным видом языкового общения, и главная задача при его изучении — это выявление возможных соответствий между репликами (речевыми актами), рассматриваемых как «интерактивные ходы», каждый из которых имеет свою цель. Возможная последовательность и сопряженность этих «ходов» управляются определенными конвенциональными нормами социального характера, принятыми в некоторых типах культуры, или универсальными. Эти конвенции не входят в семантическую структуру самих речевых актов или соответствующих языковых выражений, а относятся к знаниям людей о том, как нужно общаться.

При выражении просьбы один партнер воздействует на другого, чтобы склонить последнего к совершению определенного действия. Адресат просьбы реагирует на это воздействие, соглашаясь или отказываясь выполнить просьбу. Непосредственный акт воздействия почти всегда сопровождается какой-то дополнительной информацией, задача которой состоит в том, чтобы обосновать, мотивировать содержание просьбы. Говорящий может использовать своеобразные «ловушки», которыми являются вопросы о возможных обоснованиях отказа выполнить просьбу со стороны адресата. Например: *Are you too tired/would it be too much trouble to do this or that* (G. Green, p. 51).

Если адресат просьбы немедленно ее выполняет, он не обязан что-либо говорить в ответ, хотя отсутствие вербального ответа может восприниматься как проявление недоброжелательности. В случае, когда адресат не сразу отвечает действием, он объясняет, что собирается выполнить просьбу, используя такие выражения, как *OK, All right, sure*, слово *yes*, за которыми следует обращение (чаще вежливая форма). Когда адресат не собирается выполнить просьбу, нормы поведения требуют от него, чтобы он обязательно дал словесный ответ. Он может прямо отказаться, сказав *No; No, I can't/won't/wouldn't*, и т. д. Однако это очень грубый способ отказа, и поэтому, если адресат хочет быть вежливым, то, отказываясь, извиняется и объясняет причину своего отказа.

Существуют также некоторые способы отказа выполнить просьбу, представляющие собой вопросы о том, почему говорящий хочет, чтобы адресат совершил некоторое действие, или почему он думает, что адресат может его совершить, и т. д. [4]. Как видим, эти вопросы связаны с предречевыми условиями осуществления просьбы. Отвести просьбу можно также отрицанием обоснованности этих условий.

Сравнивая прямые и не прямые речевые акты, содержащие просьбу (в художественных произведениях английских авторов), можно отметить преобладание не прямых реквезитов, главной мотивацией употребления которых является соблюдение правил

вежливости, определяющих поведение человека в процессе всех видов межличностного общения, включая и вербальное, и непосредственно влияющих на выбор языковых средств.

В косвенных актах речи коммуникативный смысл высказывания не соответствует его прямому значению, но обуславливается фоновыми знаниями партнеров о сущности этого акта, условиями общения. Например, предложение *Can you possibly give me a lift* (G. Leech, J. Svartvik, p. 147) имеет структуру вопроса, но направлено не на получение информации о физических способностях слушающего, а на то, чтобы побудить его совершить некоторое невербальное действие, т. е. выражает просьбу.

Как показали изыскания последних лет, не прямые реквезивы находятся в определенной связи с коммуникативными пресуппозициями этого акта: они могут совершаться путем вопросов об условиях его осуществления для слушающего и утверждения их для говорящего. Материал нашего исследования позволяет нам выделить следующие способы выражения не прямой просьбы, которые регулярно используются англичанами в соответствующей ситуации межличностного вербального общения: во-первых, речевой акт просьбы осуществляется косвенно путем вопроса о способности слушающего выполнить просьбу или о его желании сделать это. Например: *Could you lend me your pen* (G. Leech, J. Svartvik, p. 147), *Can't you do something to help the helpless young people* (A. Christie, p. 181).

В подобных косвенных просьбах используются модальные глаголы *can/could* (ability), *will/would* (willingness). Желательность действия может выражаться любым глаголом, имеющим соответствующее значение *Do you want, do you care, would you like... etc.* Например: *Would you be willing to write a letter of recommendation for me* (G. Dillon, p. 60).

Ответы всегда показывают, как адресат понимает косвенную просьбу, поскольку речевая реакция на вопросы и просьбы различна. Просьбы, оформленные в виде вопроса, воспринимаются как более вежливые, потому что они предоставляют слушающему большую возможность выбора ответа, чтобы избежать «разоблачения» (в случае неспособности совершить то, о чем его просят) или «конфронтации» (при нежелании выполнить просьбу). В случае косвенной просьбы адресат может отказать удовлетворить ее, не унижая достоинства ни своего, ни говорящего, путем соответствующих ответных речевых действий, т. е. адресат намеренно интерпретирует косвенную просьбу как вопрос о его способностях или желании совершить некоторое действие.

В некоторых исследованиях предпринята попытка измерить «степень вежливости» на основе используемых форм модальных глаголов. «Шкала вежливости» представляет собой ряд «морфем вежливости», расположенных по степени уменьшения: *could*,

would, can, will, won't, can't. Самой высокой степенью вежливости обладают так называемые «включенные» косвенные просьбы, которые имеют синтаксическую форму дополнительного придаточного предложения, являющегося комплиментом глагола *wonder* или условного предложения, следующего за выражением благодарности. Например: *I wonder if you'd mind giving me his address; I would be very grateful / I would appreciate it, if you write a reference for me* (G. Leech, J. Svartvik, p. 147).

В семье, между близкими людьми императивное предложение является обычной формой просьбы. Косвенное выражение просьбы может быть мотивировано тем, что адресат либо ленив (или задача сложна), либо в личных отношениях претендует на доминирование. Косвенные просьбы могут также выражаться через утверждение желания говорящего, например: *I'd like two big macs please* (G. Green, p. 147); *I want you to tell me the truth, Rufus* (F. O'Connon, p. 101). Утверждение необходимости для говорящего некоторого действия со стороны слушающего может также восприниматься как просьба, например: *Rufus, I've got a problem, I need your help* (F. O'Connon, p. 72).

Подобные утверждения встречаются в ситуациях, когда говорящий, мотивируя просьбу, вербально выражает ее желательность, значимость для него. В процессе общения такие утверждения могут предварять эксплицитно выраженную просьбу. Однако, хорошо владея коммуникативными пресуппозициями, слушающий воспринимает уже эти предваряющие высказывания как просьбу и реагирует соответствующим образом. Утверждения, передающие подобную косвенную просьбу, могут сочетаться в речи с прямой просьбой, выраженной императивным предложением, например: *I want two hamburgers, and put mustard on both, please* (D. Gordon, L. Lakoff, p. 98).

Речевой акт считается непрямым не только тогда, когда нет соответствия между коммуникативной функцией и типом предложения, но и тогда, когда используются высказывания одной иллокутивной силы для осуществления иного иллокутивного акта. Так, произнесенный в асимметричной ситуации или между малознакомыми людьми запрос о возможности просьбы является косвенным способом осуществления этого речевого акта. Например: *Might I ask you to show me the way* (G. Green, p. 64); *May I ask you to finish the work in a week* (G. Dillon, p. 35).

В некоторых ситуациях общения предложение что-либо сделать может осмысливаться как просьба в том случае, если в высказывании существует указание на слушающего. Например: *Why don't you go and have a chat with her* (F. O'Connon, p. 116). Взятое отдельно, это предложение двусмысленно. Ситуация общения проясняет, кто заинтересован в этих действиях: если го-

ворящий — тогда это высказывание воспринимается как просьба, если слушающий — как совет.

При анализе диалога обнаружались и такие случаи, когда говорящий выражает свою просьбу в форме мольбы, которая указывает на более высокий статус адресата и отсутствие ожидания говорящим выполнения просьбы, хотя в действительности последний уверен, что его просьба не будет отклонена, так как она незначительна.

В заключение отметим, что анализ языковых средств для выражения просьбы как типового речевого действия показывает, что выбор их зависит от ситуаций общения, в центре которых находятся говорящий и адресат, наделенные различным социальным статусом и ролевыми функциями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ervin-Tripp S. M. Wait for me, Roller-Skate // *Language in Society*. 1976. P. 165—186.
2. Leech G., Svartvik J. *A communicative grammar of English*. L., 1975. P. 147.
3. Здесь и далее примеры из художественных произведений: O'Connon F. *Short stories*. M., 1980; Christie A. *The mystery of Kings Abbot*. M., 1980.
4. Gordon D., Lakoff G. Conversational postulates // *Syntax and semantics*. N.Y., 1975. V. 3. P. 83—105.
5. Green G. M. How to get people to do things with words // *Some new directions in linguistics*. Wash., 1975. P. 51.
6. Dillon G. L. *Introduction to contemporary linguistic semantics*. Englewood Cliffs, 1977.

Структурные и функциональные особенности предложения и текста. Свердловск, 1989

Н. Н. ПЕТРОВА

Нижнетагильский пединститут

РОЛЬ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ХРОНОТОПА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Раскрываются элементы модальной семантики с использованием понятия «возможный мир», анализируются пространственно-временные отношения в поэтическом тексте.

Поэтический текст представляет собой особую форму речевой коммуникации, что связано прежде всего со спецификой условий коммуникации и ролевых характеристик ее участников. В числе особенностей акта поэтического речетворчества следует назвать сложную структуру референции и поэтического сообщ-

щения, особое положение речевого субъекта и адресата и, конечно, особый характер поэтического языкового кода. Кроме того, в художественном тексте как разновидности жанра письменной речи все средства устной коммуникации приобретают иной функциональный статус.

Своеобразие субъекта и адресата в лирической поэзии обуславливает важную роль для данной разновидности художественного текста различных форм речевого диалога: обращения, повелительного наклонения, вопроса и т. д. Под влиянием сложного, опосредованного характера текстовой референции, которая приводит к расширению адресата, референтной области и контекстуальной неоднозначности, функции этих форм речевого диалога также преобразуются и усложняются.

В данной работе предполагается рассмотреть одну из форм речевого диалога, отличающуюся особой синтаксической организацией и коммуникативной установкой,— вопросительное предложение. Из всего многообразия проблематики эротетических (вопросительных) структур особый интерес представляет роль синтаксического и семантического аспектов вопроса в организации хронотопной структуры поэтического текста. Под хронотопом, вслед за М. М. Бахтиным, мы понимаем «существенную взаимосвязь пространственно-временных отношений, художественно освоенную в литературе (что значит в дословном переводе «времяпространство») [1].

Рассмотрим разные по синтаксической и семантической структуре вопросы на примере стихотворений современных английских, американских и австралийских поэтов. Это позволит понять, каким образом нестандартность семантики вопросоответных единств и их прагматическая направленность способствует организации структуры художественного хронотопа.

Рассмотрим стихотворение А. Э. Хаусмена «Is my Team Ploughing?». Оно представляет собой речевое единство — диалог между умершим героем и его друзьями. При этом вопрос и ответ создают контраст двух альтернативных ситуаций: реальной, в которой друзья героя веселятся, работают и любят, и контрафактической, в которой верифицируется образ погибшего героя стихотворения:

«Is my team ploughing
That I was used to drive
And hear the harness jingle
When I was man alive?»
Ay, the horses trample,
The harness jingles now;
No change through you lie under
The land you used to plough.

Контрастируют два пространственно-временных плана — прошлое и настоящее, но в то же время они оказываются связанными неизменностью ситуации: как при жизни героя, так

и после его смерти все идет так, как было при нем. Ответ на вопрос узаконивает неизменное положение вещей. Таким образом, в этом стихотворении вопрос, выполняя стандартную коммуникативную нагрузку, одновременно приобретает дополнительный функциональный статус — подчеркивает резкий контраст контрфактического «возможного мира», в котором существует умерший лирический герой, продолжающий мыслить и чувствовать, и реального мира. То, что субъект задает вопрос, делает речевое действие более динамичным и одновременно подчеркивает оторванность героя от реальной ситуации.

В стихотворении Генри Лоусона «On the Night Train» вопрос осуществляет функцию реализации хронотопных отношений совершенно по-иному. Вот его первая строфа:

Have you seen the Bush by moonlight, from the train, go running by?

Here a patch of glassy water, there a glimpse of nasty sky?

Have you heard the still voice calling, yet so warm, and yet so cold:

«I'm the Mother Bush that bore you! Come to me when you are old?».

Она представляет собой типичный риторический вопрос — проявление «коммуникативной рефлексии» (термин Г. П. Мельникова), которая «...опирается на способность человека рефлексировать действительность, т. е. отражать в своем сознании явления окружающего мира и осмыслять результаты этого отражения» [2]. Коммуникативная рефлексия, по мнению Б. З. Лобачева, может регулировать распределение ролей между участниками коммуникативного акта по степени рефлексивной активности: определенная доля речевой деятельности отводится не только говорящему (пишущему), но и его потенциальному собеседнику. В стихотворении Лоусона использование личного местоимения you включает воображаемого читателя в «возможный мир» стихотворения.

Обилие описательных дескрипций, распространенных определений указывает на то, что это созданный творческой фантазией автора пейзаж, сопровождающий его размышления. По своей семантике вопрос напоминает знаменитую гоголевскую фразу об украинской ночи — побуждает читателя представить нарисованную авторским воображением картину. В целом речевое действие стихотворения направлено на автора: распространенный вопрос не предполагает ответа, он лишь создает определенную прагматическую презумпцию — воспоминание об австралийских степях, которые влекут к себе автора, уставшего от сутолоки больших городов.

В стихотворении У. де ла Мара «Echo» вновь реализуется нестандартная иллокутивная функция вопроса. Приведем его первую строфу:

«Who called?» I said, and the words

Through the whispering glades,
Hither, thither, baffled the birds —
«Who called? Who called?».

Помимо того, что вопрос риторичен, фактически он представляет собой просто звуковой сигнал, который должен вызвать в ответ эхо. Повторяющийся вопрос становится особого рода символом своеобразного синестезического сдвига в ощущениях. Создаваемый с помощью повтора звуковой эффект эха рисует воображению уединенный уголок, окруженный скалами, где гулко раздастся произнесенная фраза (об этом же свидетельствуют и дейктические указатели на пространственные границы: *hither-thither, to, fro*).

Таким образом, в результате изменения семантики вопроса у создаваемого в стихотворении сложного образа проявляются новые оттенки, что дает дополнительные характеристики пространственно-временным отношениям художественного мира стихотворения.

Стихотворение В. Х. Одена «*Barbed Wire*» написано во время второй мировой войны. Идейным его стержнем является сквозная метафора — колючая проволока опутывает не только городские руины, но и души людей, мертвящий хаос отчуждает людей друг от друга, так же сковывают их разнообразные жизненные условности.

Across the plains,
Between two hills, two villages, two trees, two friends
The barbed wire runs which neither argues nor explains;
But where it likes a place, a path, a railroad and,
The humour, the cuisine, the rites, the taste,
The pattern of the City, are erased.

Общий вопрос в последней строфе стихотворения реализует резкую смену коммуникативной и прагматической установки:

Behind the wire
Which is behind the mirror, our Image is the same.
...Is it our friend?
No; that is our hope.

После распространенных предложений, избылиующих единицами пространственного дейксиса, которые показывают, как проволока-паутина опутывает город, улицы, души, сознание людей, после цепочек, связанных бессюзным сочинением однородных членов, которые, кажется, плетут ту же паутину, вопрос, прежде всего, служит средством текстовой отбивки, композиционной организации стихотворения. Он отделяет хронотоп первой части стихотворения, где все живое разобщено, сковано этими реальными и воображаемыми путями, от последней части, в которой появляется объединяющее местоимение *we*: надежда, живущая в душе человека, дает ему силы оставаться самим собой. Смена синтаксической структуры предложения подчеркивает контрастные отношения, в которых находятся разобщен-

ный внешний мир, где все люди отделены друг от друга стеной непонимания, и внутренний мир поэта, более гармоничный и цельный.

В стихотворении Мэри Гилмор «Ten Dead Leaves» вопрос представляет собой единственную смену синтаксической структуры на протяжении всего произведения, написанного под впечатлением ядерной бомбардировки Хиросимы в 1945 году. Параллельные синтаксические структуры развивают сложный образ — гибнущие в войне люди сравниваются с листьями, облетающими с дерева:

I saw the leaves fall:
Men in the jungle,
Men before the guns,
Men hurtling from the height,
Men shark-eaten in the sea.

Во второй строфе в ответ голосам, восхваляющим ядерный меч как орудие священного правосудия, раздается грозный голос бога. Он напоминает о десяти библейских заповедях, главная из которых «Не убий!» была так грубо нарушена:

Then God cried out to man:
«What of my Ten Commandments?»
And no man answered God.

Тем самым в художественный хронотоп стихотворения, в котором противопоставлены невинно страдающие жертвы и лицемерные сторонники ядерного убийства, вводится бог как символ высшей справедливости. Его вопрос — напоминание и предупреждение людям, забывшим о человеческом милосердии, — дополнительная коннотативная семантика. Таким образом в стихотворении происходит контекстуальное расширение семантики вопроса. Помимо того, что вопрос здесь создает композиционный центр стихотворения, он фокусирует его основную идею — о борьбе гуманизма и жестокости в современном цивилизованном мире, развивает и придает более глубокий смысл метафоре, пресуппонируемой в названии стихотворения. Ten dead Leaves — это не только гибнущие в ядерном смерче люди, питомцы всеобщего дерева — прародителя Земли, но и десять библейских заповедей, грубо попранные теми, кто совершил одно из ужасных преступлений века. Вопрос конструирует систему субъектных отношений в хронотопе стихотворения: картина вселенского хаоса — авторская реминисценция, вызывающая в воображении область с конкретными пространственно-временными параметрами (август 1945 года, Хиросима). Поэтесса вводит в стихотворение еще одного субъекта-наблюдателя — бога, голос которого, однако, смыкается с авторским. В результате структура хронотопа стихотворения включает амбивалентный субъектный компонент и образно переосмысленный пространственно-временной участок действительности.

Стихотворение К. Бреннана «How Old is My Heart?» явля-

ется типичным образцом лирики с внутренним адресатом. Рефлексивный риторический вопрос автор обращает к самому себе:

How old is my heart, how old, how old is my heart?

and did I ever go forth with song when the morn was new;
I seem to have trod on many ways, I seem to have left

I know not how many homes; and to leave each was still to
leave a portion of mine own heart.

В названии стихотворения, как и в первой строке, задается тема и исходная точка для хронотопа стихотворения. Это отчасти подсказано семантикой ключевого слова *heart—the inner, central, essential part of anything, the seat of emotion*. Далее семантическая и ритмическая структура стихотворения создает своеобразную хронотопную структуру, где на первый план выдвигается тема дороги, долгого пути. Параллельные структуры, сочинительная бессоюзная связь, скопление однородных членов, выраженных существительными во множественном числе (*homes, ways, winds, embers*), — все это способствует созданию особой хронотопной структуры. Беспокойное сердце поэта не находит приюта ни в одном из временных пристанищ, но в скитаниях натура человека становится более цельной по мере того, как его сердце, душа мужает и закаляется в жизненных испытаниях — такова основная идея стихотворения. Хронотоп его развивается по спирали: на каждом жизненном витке человек постигает себя. Для нас в этом стихотворении также важна идиоматичность семантики вопроса. Он не требует ответа, поскольку поэт интересуется более глобальной, общечеловеческой проблемой; вопрос вводит узловую образ стихотворения, определяет центральную точку его хронотопа.

Особая роль вопроса в создании хронотопной структуры поэтического произведения обусловлена общими особенностями семантики вопросительного высказывания. Так, Н. И. Жинкин, анализируя семантику вопросительного предложения и высказывания, делает вывод, что вопросы — это сообщения со снятым предикатом первого ранга (он неизвестен, о нем задается вопрос) [3]. В стихотворении К. Бреннана первичная предикация *My heart is old* развертывается на протяжении всего произведения, составляя не только ядро его хронотопной структуры, но и основное информирующее содержание.

Большое место в синтактике поэтического произведения в силу познавательной ориентации лирического вопроса занимают вопросы-предположения: «По сравнению с устной обыденной речью вопросы-предположения в поэтической речи носят семантически развернутый характер: они содержат описания картины, образы, характеристики, сообщения о событиях, месте, причине, деятеле и т. д. Они... стремятся раздвинуть пространственные и временные границы воспринимаемого и воображаемого мира» [4]. По мнению логика Н. Белнапа, такой вид вопросов задает конечное множество альтернатив через свои аб-

страстные субъекты, причем это множество эксплицитно содержится в вопросе [5]. Субъект вопроса состоит из произвольного множества формул-альтернатив, которые и составляют область его значения. Прагматическая направленность этих вопросов также не совпадает с их стандартной коммуникативной функцией, так как они не предполагают ни ответа, ни выбора, а несут в себе «утвердительную» информацию, сообщают нечто новое. Форма таких вопросов позволяет перечислить различные аспекты темы, затрагиваемой в стихотворении. Картины и образы, отнесенные к плану настоящего времени, восприятие которых совпадает с моментом речи, часто принимают форму разделительных вопросов с частицей *or*; они «выражают альтернативу между реальностью и деятельностью воображения, провидения, фантазии, представлениями, хранящимися в памяти или рожденными из снов» [6].

Рассмотрим в качестве примера стихотворение Бернарда о'Дауда «Australia». Вот его первая строфа:

Last sea-thing dredged by sailor Time from Space,
Are you a drift Sargasso, where the West
In halycon calm rebuilds her fatal nest?
Or Delos of a coming Sun-God's race?
Are you for Light, and trimmed, with oil in place,
Or but a Will o'Wisp on marshy quest
A new demesne For Mammon to infest?
Or lurks millennial Eden 'neath your face?

Содержание вопросов составляют многочисленные описательные структуры, характеризующие Австралию как одну из наиболее обособленных частей света. Включенные в них топонимы создают богатую основу для сравнения. Австралия уподобляется Делосу — священному острову древних греков или плавучему острову в Саргассовом море, чем подчеркивается ее обособленность от остального мира. Во второй строфе развернутое сравнение создает персонификацию, уподобляя страну некоему мифическому существу-женщине (об этом свидетельствуют характеризующие словосочетания *your face, forehead-sky, knees*). Параллельно с созданием сложного образа альтернативные ряды содержат имплицитно выраженные локально-темпоральные характеристики этой страны: *Are you a drift Sargasso where the West...* Здесь дается беглый очерк всей истории Австралии, колонизированной западными переселенцами, часто в результате жестокого уничтожения аборигенов. *Or but a Will o'Wisp on marshy quest?* — в этом вопросе семы *Will o'Wisp, marshy* характеризуют особенности природы Австралии. В то же время графическая маркировка слова *Will o'Wisp* дает возможность сохранить и его переносное значение (*elusive or misleading hope*).

Семантика высказываний, выражаемых здесь альтернативными рядами, проанализирована подробно, чтобы показать, как

поэт ищет основы для уподобления предмета стихотворения, как создает хронотоп, в котором настоящее референта — Австралии соотносится не только с прошлым этой страны, но и с мировой историей. Вокруг предмета стихотворения создается цепь подобий, по-особому характеризующих особенности его хронотопа.

Специфичной для поэтического произведения, как и для любого художественного текста, является та перестройка семантических функций высказывания, его прагматической целеустановки, которая происходит в нем в силу особой эмотивно-эстетической направленности художественного текста как сложного речевого произведения. Поэтому представляет интерес рассмотрение вопросов с нестандартной синтактикой — косвенных и «скрытых» (т. е. не выраженных с помощью грамматических средств).

Стихотворение В. Х. Одена представляет собой высказывание с нестандартной иллокутивной функцией. Пресуппозиция, заложенная в названии — «The Question», задает коммуникативное намерение автора, однако в тексте это намерение осуществляется с помощью нестандартных языковых единиц. Вопрос, заложенный в стихотворении, выражен не с помощью вопросительных предложений, а посредством повествовательных структур, в ряде случаев включающих косвенные вопросы. Таким образом, текстовая коммуникация представляет собой косвенный речевой акт. Предложения с декларативной структурой употребляются в значении вопроса.

В стихотворении воссоздается не только вопросоответное взаимодействие субъектов текстовой коммуникации, но и экстралингвистические характеристики речевой ситуации:

To ask the hard question is simple.

Asking at meeting

With the simple glance of acquaintance...

But the answer

Is hard and hard to remember.

On steps or on shore

The ears listening

To words at meeting,

The eyes looking

Are never sure

Of what they learn

From how these things are done.

Вопрос и ответ, так явно и не выраженные в тексте стихотворения, однако, становятся его идейным стержнем: это вечный диалог влюбленных о настоящей и минувшей любви. Скрытый вопрос используется здесь для того, чтобы создать диалог двух имплицитно подразумеваемых собеседников в общем для них «возможном мире», характеризующемся связью с прошлым и настоящим. Выраженная непрямым образом прагматическая

направленность способствует своеобразию ролевой структуры акта художественной коммуникации и созданию особого рода поэтического диалога.

Итак, рассмотрев на материале англоязычной поэзии функционирование вопроса в поэтическом тексте и его роль в организации структуры художественного хронотопа, можно сделать некоторые выводы.

В силу особенностей поэтического семиозиса как языковая, так и семантическая структура эротических (вопросительных) предложений часто становится идиоматичной. Эта нестандартность проявляется прежде всего в квазивопросах (риторических вопросах). Участвуя в создании хронотопной структуры произведения, эта синтаксическая структура может уподобляться лексическому знаку или даже знаку вообще и давать дополнительные характеристики пространственно-временным отношениям. Вопрос может выделять центральный в пространственно-временном отношении объект внутри хронотопа, а также определять ролевые характеристики участников поэтической коммуникации и их место в структуре «возможного мира» стихотворения. При этом предложения с вопросительной целеустановкой не обязательно содержат интеррогативы: эротическое намерение может выражаться языковыми средствами самых различных уровней.

В зависимости от синтаксической разновидности вопроса меняется его роль в организации хронотопной структуры. Так, общие вопросы не просто требуют сведений о какой-то предметной области мира, но и определяют, характеризуют его. Альтернативные ряды создают цепочки подобий, которые имеют сложные поэтические функции: намечают границы и связи между внутренним миром поэта и внешним миром, настоящим, прошлым и будущим. Риторические вопросы нередко создают эффект отстранения: предмет речи характеризуется как бы со стороны, хронотоп его — нечто видимое на расстоянии. При этом в вопросительных структурах проявляется общая тенденция поэтической речи к проникновению предикации в структуры, предназначенные для других коммуникативных целей [7].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бахтин М. М. Время и пространство в романе // Вопр. литературы. 1974. № 3. С. 133.
2. Лобачев Б. З. О категориях эго- и альтерэгоцентризма // Проблемы структурной лингвистики — 1981. М., 1983. С. 23.
3. Жинкин Н. И. Вопрос и вопросительное предложение // Вопросы языкознания. 1955. № 3. С. 47.
4. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М., 1986. С. 135.
5. Белнап Н., Стил Т. Логика вопросов и ответов. М., 1981. С. 30.
6. Ковтунова И. И. Указ. соч. С. 140.
7. Ср.: Там же. С. 146.

С. Л. САХНО

Нижнетагильский пединститут

ПАРАЛЛЕЛИЗМ СЕМАНТИЧЕСКИХ И СИНТАКСИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СТРУКТУРАХ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРИБЛИЗИТЕЛЬНОСТИ

Рассматривается связь между содержанием и формой в конструкциях с различным значением.

Предметом рассмотрения в настоящей статье являются лексико-синтаксические конструкции со значением приблизительности типа *ni vieux ni jeune, un bruit ou plutôt un bruissement, un démuné sinon un déclassé* на материале французского языка. Подобные конструкции используются при неточном обозначении предметов, признаков, процессов и других объектов действительности в тех случаях, когда точное наименование отсутствует в силу объективных причин (сложность, неясность объекта, неполнота проявления признака и т. п.) или причин субъективного характера (лингвистическая компетенция говорящего, его намерения, его состояние в момент речи и т. п.).

Интерес изучения структур типа «то ли дождь, то ли снег», «ни старый, ни молодой» заключается, в частности, в том, что в этих структурах значение синтаксической конструкции взаимодействует с лексическим значением имен [1]. Например, в сочетании «то ли дождь, то ли снег» синтаксическая связка со значением дизъюнкции соответствует семантическому отношению соположенности между именами (понятия «дождь» и «снег» соположены, так как входят в общий класс осадков).

В статье используются термины логики (дизъюнкция, конъюнкция, соположенность, контрадикторность и др.), нашедшие широкое применение в современных лингвистических работах [2].

Известны пять типов отношений между понятиями: пересечение (ср. «дождь» и «лука» — первое пересекается со вторым по принципу «причина — результат»), соположенность (ср. приведенный выше пример «дождь» — «снег»), включение (одно понятие входит в другое, более широкое понятие, ср. «стол» — «мебель»), тождественность («автомашина» — «автомобиль»), контрадикторность, или контрарность («старый» — «молодой») [3].

Аналогично можно выделить пять типов синтаксической связи между именами: конъюнкция (А и В), дизъюнкция (А или В), импликация (если А, то В), эквиваленция (А-В), отрицание (А → не-А). Эти типы соответствуют пяти известным в логи-

ке пропозициональным связкам, соединяющим простые логические высказывания в сложные.

Нетрудно заметить, что в целом между указанными семантическими и синтаксическими отношениями имен устанавливается параллелизм, симметрия: пересечение — конъюнкция; соположенность — дизъюнкция; включение — импликация; тождественность — эквиваленция; контражность — отрицание.

Однако естественному языку более свойственна асимметрия. Поэтому в действительности наблюдается не полный, а частичный изоморфизм этих систем. Например, помимо соотношения «соположенность — дизъюнкция», наблюдаются также соотношения «соположенность — конъюнкция», «соположенность — эквиваленция», «соположенность — отрицание», «соположенность — импликация».

Кроме того, не во всех случаях реализуется значение приблизительности. Наши наблюдения показывают, что наиболее часто оно встречается при отношениях соположенности и контрадикторности имен, менее часто — при отношениях тождественности, и почти никогда не встречается при отношениях включения и пересечения. В последнем случае значение приблизительности отсутствует, даже если второе имя вводится в качестве уточняющего. Ср.: (включение) «Он пришел со своей собакой, овчаркой» (= простое уточнение через сужение класса) и (пересечение) *L'inattention du père Grandet, ou, pour mieux dire, la préoccupation dans laquelle le plongeait la lecture de sa lettre, n'échappa ni au notaire ni au président (H. Balzac)*. В последнем примере два имени находятся в отношении метонимического пересечения по типу «следствие — причина»: невнимание Гранде к окружающим вызвано его озабоченностью содержанием полученного письма. Оттенок приблизительности отсутствует, несмотря на выражение со значением модально-метаязыковой конкретизации *pour mieux dire*. Наоборот, в следующем примере, при уточняющем модальном *plutôt* есть значение приблизительности, поскольку имена находятся в отношении соположенности (пруд и лужа входят в класс водоемов): *Il y avait de grandes pelouses portant des bouquets de fleurs ... et un étang ou plutôt une mare aux canards (E. Triolet)*.

Рассматривая отношения тождественности между именами, нельзя обойти вопрос о лексической синонимии. Не имея возможности подробно остановиться на этой проблеме, укажем, что в действительности лишь немногие объекты имеют в данной ситуации два или более полностью эквивалентных (синонимичных) имени. Полностью эквивалентными можно считать индивидуальные имена, например, «Мария Ивановна» и «Петрова» применительно к Марии Ивановне Петровой (хотя такие имена не представляют собой собственно синонимы, они кореферентны, т. е. указывают на один и тот же объект). Большинство имен являются лишь условно-тождественными. В данном случае при-

близительность наблюдается при модально-метаязыковой конкретизации («...лучше сказать», *pour mieux dire* и т. п.) и часто носят неявный характер, находясь на грани перехода к уточнению, градации, амплификации, стилистическому варьированию.

Теоретически возможны 15 вариантов конкретных типов номинаций со значением приблизительности, но фактически осуществляются только 13. Не реализуются следующие варианты: «дизъюнкция — контрарность» (тавтологичность — «он или спит, или бодрствует») и «импликация — контрарность» (также тавтологичность — «если он не спит, то бодрствует»). Рассмотрим последовательно эти 13 типов структур.

1. *Контрарность — конъюнкция*. Отношение контрарности между именами чрезвычайно распространено в языке. Не случайно философы отмечают, что рассудок останавливается на отношении полярности как на чем-то самодовлеющем [4]. Можно считать контрарными (контрадикторными) такие имена, которые нельзя применить к объекту одновременно без нарушения законов здравого смысла (ср.: «спать» и «бодрствовать»). Конъюнкция контрарных имен может быть представлена разными средствами. Это может быть, например, собственно конъюнкция — соединение имен сочинительным союзом *et*, часто с указанием на возможность одновременного применения имен (*à la fois*), ср.: *Il y avait, dans ce visage, quelque chose qui exprimait à la fois la détresse et le calme* (В. Clavel).

Другой способ — указание на равную возможность использования имен через парные союзы *moitié... moitié...* или *mi... mi...*: *C'était un immeuble bâtard, panaché, aussi bien en ce qui concernait sa construction que son utilisation et sa population. Moitié hôtel, moitié pas hôtel* (L. Malet). В данном примере приблизительность именованья подчеркивается предварительным указанием на неясность объекта (*immeuble bâtard, panaché*).

2. *Соположенность — конъюнкция*. Такие структуры связаны с представлением о гибридности объекта, который может быть одновременно включен в два или более соподчиненных класса: *Kyle Rote père fut ... l'une des principales vedettes du football américain, ce football mi-rugby, mi-catch (l'Humanité)*. В этом примере имена *rugby* и *catch* являются соположенными, так как обозначают разновидности спортивных игр.

3. *Тождественность — конъюнкция*. Многие номинации осуществляются как результат соединения более или менее синонимичных имен применительно к объекту. Прежде всего это касается предикатных имен (имен, обозначающих признаки, процессы и состояния), причем здесь это не просто перечисление, перебор близких по смыслу имен, а их сплав в единое наименование. На такую возможность указывала Н. Д. Арутюнова, говоря о том, что номинации могут рождаться как бы на стыке слов [5]. Ср.: *Je te remercie, petit. Ton affection me tou-*

che. Profondément. Ta *tendresse*. Le mot n'est pas trop fort? (A. Wurmser). В данном примере отмеченность именованья подчеркивается модально-метаязыковой конкретизацией в форме вопроса к слушающему. Следует отметить, что функционирование подобных номинаций связано с диффузностью, расплывчатостью самих обозначаемых объектов, среди которых на первом месте — явления психической жизни человека (настроения, состояния, чувства).

4. *Соположенность — дизъюнкция*. Соположенные имена могут соединяться при помощи разделительных союзов *ou* и *soit... soit...*. Обычно дизъюнкция не носит, говоря логическим языком, исключаящего характера, так как оба имени могут быть относительно истинными в применении к данному объекту. Ср.: *Pendant la minute qu'elle mit à enfiler ses gants, un plissement indécis, ébauche de grimace ou de sourire, ne cessa de taquiner ses lèvres* (R. Martin du Gard). Колебание в выборе наименования отмечается дополнительно указанием на неопределенность объекта (*plissement indécis, ébauche de...*). Значение приблизительности в таких структурах зависит, кроме того, от прагматики высказывания. Ср. высказывание *Apportez-moi un fauteuil ou une chaise*, которое можно понять как просьбу дать любой предмет мебели для сидения, и *C'est un fauteuil ou une chaise* — = что-то вроде кресла или стула.

5. *Тождественность — дизъюнкция*. В строгом смысле слова тождественные имена, т. е. имена индивидов, могут соединяться дизъюнктивно в том случае, когда говорящий не знает (или забыл) имя лица, о котором идет речь. На первый план здесь выступает безразличность имени для говорящего, ср. следующий пример: «*Tu habites ici, Toto? Toto, ou Pierre, ou Paul*». — «*Henri, m'sieur* (L. Malet).

Наоборот, выбор того или иного синонимического обозначения для любых других объектов часто небезразличен для субъекта речи: *Entre asphalte et bitume, on hésitait en haut lieu sur le terme qu'il convenait d'employer pour qualifier la cargaison engloutie (l'Humanité)*. Как видно из этого примера, где речь идет об очередном крушении нефтяного танкера, французские власти стремятся избежать возмущения общественности, обеспокоенной загрязнением побережья Франции нефтепродуктами. Отсюда выбор одного из данных имен (*asphalte — bitume*) оказывается весьма существенным с точки зрения воздействия данного речевого сообщения на аудиторию.

6. *Тождественность — эквиваленция*. Классический пример приравнивания абсолютно равнозначных имен — предложения типа *Paris est la capitale de la France*, где подлежащее и сказуемое указывают на один и тот же объект. Реже встречаются структуры со значением приблизительности, однако и они вполне возможны в реальной речи — обычно при условии модально-метаязыковой конкретизации. Ср.: «*Vous avez souvent vu des*

trucs comme ça dans le commerce?» — «Non». — «Alors, de deux choses l'une: ou c'est un joaillier, bijoutier, appelez ça comme vous voudrez, qui fabrique ça en assez grand nombre à l'usage d'une clientèle riche, et je ne trouverai rien. Ou c'est une idée, une fantaisie coûteuse de la bonne femme» (L. Malet). Приблизительный смысл наименования в этом примере заключается в том, что при всей смысловой близости синонимов *joaillier* и *bijoutier* их синонимия не абсолютна: *joaillier* обычно обозначает ювелира, изготавливающего более дорогие и изысканные вещи (что в приведенной ситуации — детективном поиске обладательницы золотого украшения — может оказаться существенным). Приравнивание имен отмечается выражением *appelez ça comme vous voudrez*, обращенным непосредственно к собеседнику.

7. *Контрарность — эквиваленция*. Этот парадоксальный тип рассматриваемых нами структур не редкость в естественном языке. В нем отражается сложность, диалектическая противоположность именуемых объектов действительности. Ср. в примере: *Pour Tout le monde, Marie Duvalle n'attendait rien, sauf le laitier. A son avis, au contraire, Marie attendait tout, sauf le laitier, car on attend seulement ce qu'on espère... Elle attendait tout, elle n'attendait rien, comme vous voudrez* (H. Bazin). Приравнивание противоположных имен *tout* и *rien* выражается при помощи модального *comme vous voudrez*. Данный тип близок к рассмотренному типу «контрарность — конъюнкция», но не сливается с ним, так как в этом случае наблюдается не возможность одновременного применения контрарных имен, а безразличность с точки зрения говорящего применения того или иного имени.

8. *Контрарность — отрицание*. Семантика высказываний с такими структурами представляет значительный интерес для лингвистов и логиков. В частности, Р. Мартен отмечает, что смысл высказывания *Pierre n'est ni heurieux ni malheureux* связан с промежуточной зоной, в которой пропозиции Р («Пьер счастлив») и Р' («Пьер несчастлив») являются ни истинными, ни ложными, а «никакими» (*nulles*) [6]. В языке распространен способ отрицания контрарных имен через двойное отрицание *ni... ni...* (в логике аналогичная операция называется также антидизъюнкцией). Характерно, что многие контрарные имена не могут быть соединены конъюнктивно, ср.: *ni grand ni petit* и невозможное **grand et petit à la fois*. Значение структур типа *ni grand ni petit* не сводимо к средней степени признака, к норме (*moyen*). Например, можно сказать *Il n'est ni grand ni petit mais d'une taille indéfinissable*, но нельзя **Il est d'une taille moyenne et indéfinissable*.

9. *Соположенность — эквиваленция*. В поисках наиболее точного наименования говорящий может ставить «знак равенства» между рядом соположенных (соподчиненных) имен, перебирая их. Как правило, в этом случае встречаются различные мета-

языковые и модальные указатели и уточнители (en quelque sorte, on peut dire, enfin), ср.: Eh bien, avec ce petit capital dont vous m'avez parlé, M. Antoine, je vais pouvoir réaliser une de mes idées. Oui, une idée à moi: le Comptoir. C'est un nom abrégé, en quelque sorte. Un comptoir. C'est un nom abrégé, en quelque sorte. Un comptoir. On peut dire aussi un office. Une boutique, enfin. Un magasin, dans une rue passagère de la localité. Mais la boutique, c'est l'extérieur. L'idée, elle est dedans (R. Martin du Gard). В этом примере перечисляемые имена соподчинены, поскольку они обозначают разновидности делового предприятия.

10. *Соположенность — импликация.* Импликация в наименованиях редко выступает в своем классическом логическом виде, т. е. как «если А, то В». Импликативные структуры обычно включают отрицание одного из имен (что сближает их с типами 12 и 13, рассматриваемыми ниже), иногда — модальные и метаязыковые уточнители. Наиболее распространены формы *sinon... du moins, sinon, pour ne pas dire*. Например, импликативная номинация с соположенными именами, обозначающими разновидности социального положения: *Je ne suis pas pauvre: je suis un démuné, pour ne pas dire un déclassé* (H. Bazin). Значение таких номинаций основано, как нам кажется, на следственной (импликативной) связи между двумя и более отношениями именованного применительно к одному и тому же объекту: «если это можно назвать... то можно назвать и ...», что порождает своеобразный модальный подтекст, благоприятный для формирования значения приблизительности.

11. *Тождественность — импликация.* Особенность этого типа состоит в том, что импликация реализуется иногда даже в своем классическом виде, а имена могут быть абсолютно эквивалентными, т. е. идентичными. Это приводит к внешне тавтологичным конструкциям типа «если А, то А»: «наша дружба, если это было дружбой (если это можно назвать дружбой), прекратилась». Ср.: *Toute intimité avait cessé entre nous, si tant est qu'il ait jamais existé quelque chose pouvant porter ce nom* (R. Grenier).

12. *Соположенность — отрицание.* В логике, как известно, отрицание рассматривается как операция, в результате которой вместо данного высказывания (А) получается новое высказывание (не-А) или вместо не-А образуется А [7]. В целом это соответствует характеру синтаксической связи в данных структурах. Операция отрицания может оформляться по-разному. Это может быть простое (несмягченное) отрицание «не А, а В», которое обычно сопровождается каким-нибудь метаязыковым комментарием типа *à proprement parler*. Например: *Un Rezeau valet de chambre, quel scandale! ... Au surplus, ne disons pas: valet de chambre. Mes fonctions ambiguës, en ce meublé chic de l'avenue de l'Observatoire, m'autorisaient à me parer du titre de*

maître d'hôtel (H. Bazin). В этом примере само отрицание оформлено как метаязыковой комментарий: *ne disons pas...; mes fonctions m'autorisaient à me parer du titre de...* Модальное (смягченное) отрицание проявляется в предпочтении одного имени другому и выражается обычно при помощи конструкции *plutôt... que...*: *Dans la pièce qui tient lieu de cabinet de consultations, plutôt carrée que rectangulaire, une lampe distribue une lumière dorée* (J. Champion).

13. *Тождественность — отрицание*. В этом типе отрицание носит, как правило, только модальный, смягченный характер, что объясняется близкой синонимией соединяемых имен. Ср. например, где синонимами являются слова *bruit* и *bruissement*: *Alors elle remarqua le tis-tac léger de la pendule et un autre petit bruit, ou, plutôt, un bruissement presque imperceptible* (G. de Maupassant). Приблизительность таких номинаций представлена часто неявно и находится на грани перехода к простому уточнению одного имени другим.

Рассмотренные соотношения между типом синтаксической связи и семантикой лексики в данных структурах позволяют говорить о сложном взаимодействии между этими двумя уровнями, в основе которого лежит глубинный параллелизм между основными синтаксическими и семантическими отношениями. С точки зрения логиков построение «если стол, то стул» бессмысленно, поскольку логический синтаксис требует, чтобы во фразе с «если... то...» стояли некоторые утверждения, а не имена [8]. Но в естественном языке это вполне возможно, и подобная структура широко используется для построения наименований. Это свидетельствует, в частности, об удивительной гибкости языка, способного обозначить даже то, для чего нет специального имени. Рассмотренные структуры являются частью особых номинативных механизмов языка, которые требуют внимательного изучения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Термин «имя» мы будем использовать в более широком, чем в логике, смысле (где, например, «идти» уже не рассматривается как имя), т. е. как обозначение любых фрагментов действительности.
2. См., например Гак В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова. М., 1971. С. 78—96.
3. Горский Д. П. Логика. М., 1963.
4. Батищев Г. С. Категория противоречия и ее мировоззренческая функция // Диалектическое противоречие. М., 1979. С. 52.
5. Арутюнова Н. Д. Номинация и текст // Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977. С. 332—340.
6. Martin R. *Inférence, antonymie et paraphrase: Eléments pour une théorie sémantique*. Paris, 1976. P. 60.
7. Ивин А. А. По законам логики. М., 1983. С. 100.
8. Там же. С. 109.

О. Н. ГРОНСКАЯ

Нижнетагильский пединститут

ФУНКЦИИ ИМЕННОГО СЛОВСОЧЕТАНИЯ С КОНСТИТУЕНТОМ — ИМЕНЕМ СОБСТВЕННЫМ ОККАЗИОНАЛЬНЫМ В ТЕКСТАХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СКАЗОК

Определяется семантическая и словообразовательная специфика конституентов — имен собственных, их референциальные функции в данном типе текста. Имя собственное рассматривается как репрезентант уникального объекта, имя же нарицательное отражает класс объектов реального мира.

Комплекс языковых средств, осуществляющих в целом тексте функции референциальной соотнесенности элементов этого текста с типичной моделью возможного мира (художественная изображенная коммуникация есть явление вторичной моделирующей системы), прежде всего представлен системой глагольных лично-временных форм, системой местоимений и локально-темпоральных указателей, а также системой собственных имен [1].

Тексты литературных сказок имеют сложную и во многом уникальную систему реализации задач художественной коммуникации, которые характерны для этого жанра литературы, сочетающего в себе элементы художественной коммуникации двух родственных, но не идентичных и во многом противопоставленных друг другу систем: фольклорной и собственно литературной. Эти планы, соответственно реализующие в литературно-сказочных текстах прагматику фантастики и реальности, т. е. репрезентирующие два типа возможных миров в пределах одного семантико-прагматического текстового целого, тесным образом связаны с планом субъекта, создающего текст, — автором, который выступает как творец и «переключатель» планов текста, связанных с типами коммуникаций — фольклорной и литературной. Наличие в таких текстах значительного количества окказиональных, часто антономасичных или намеренно «темной» семантики собственных имен, введенных в текст через речевой план образа автора, свидетельствует о том, что, с одной стороны, в текст возвращается древнейшая ситуация соответствия содержания имени денотата антропо-, зоотопонимической природы его действительным свойствам [2]. Такие имена (*Willwischchen*, *Prätexitatus*, *Schlurker*) содержат прозрачную свернутую предикацию, восстанавливаемую из самого слова, минимального контекста — словосочетания и из большего контекста — предложения, абзаца, текста. Окказиональные собственные имена универбального типа вводятся в текст предложением с мотивирую-

щими словесными элементами, соответствующими теме и реме этого предложения, которые затем тематизируются и сворачиваются в одно слово: «*Mein Kind will wissen*». — «*So soll die Prinzessin heißen*», sagte der König; «*sie soll Prinzess Willwischen heißen, weil die sterbende Mutter so angeredet*» (Cl. Brentano). Это явление, называемое нами синтактико-лексическим параллелизмом, описано у Л. В. Сахарного [3] и Н. Л. Гильченко [4]. Окказиональное имя собственное такого типа не только референциально, но и предикативно, так как оно не только номинирует в тексте некий денотат, связывая его с моделью действительности, но и содержит в компрессированном виде необходимую информацию об этом объекте, связанную с семантикой основ, составляющих окказиональное слово. Кроме того, такое имя собственное содержит информацию об отношении номинирующего субъекта, т. е. автора, творящего текст, к этому денотату. Природа денотата такова, что для его обозначения активизируется одна из двух тенденций, связанных с употреблением любого слова в речи (к воспроизводимости и конструируемости), в данном случае — тенденция к конструируемости слова. Доминирование тенденции к частой конструируемости слов в текстах литературных сказок выражается в морфологическом моделировании имен собственных и в образовании с ними специфичных именных словосочетаний: Herr von Pudelbeißmichnicht (Cl. Brentano), das Kraut Niesmitlust (W. Hauff), das Ländchen Mausolien (E. T. A. Hoffmann), что не соответствует положению вещей в системе узуальных собственных имен, для которых характерна как раз низкая степень конструируемости [5].

Затем, после того как окказиональное имя собственное было введено в текст через предложение, оно начинает функционировать в тексте в составе словосочетания, представленного группой имени нарицательного и окказионального имени собственного, актуального только для данного текста. Минимальная единица малого синтаксиса, двучленное именование словосочетание, представляет собой минимальный контекст, в котором реализуется значение и смысл окказионального слова. Словосочетанием завершается грамматическая «триада» существования окказионального имени собственного в тексте литературной сказки: предложение — слово — словосочетание. Вне словосочетания окказиональное имя собственное может потерять или полностью реализовать свой смысл, так как из-за причудливости формы и содержания невозможно соотнести его с каким-либо классом денотатов: Eilegia (Cl. Brentano), Sekakis (E. T. A. Hoffmann), Klapperschnabel (W. Hauff) — die Königin Eilegia, der König Sekakis, Frau Klapperschnabel. Вне словосочетаний невозможно декодировать ни значение, ни смысл, ни класс денотатов, обозначенных этими в разной степени «темными» словами.

Другой случай нормативного, необходимого употребления

окказиональных собственных имен в словосочетании с узуальным именем нарицательным связан с контекстуальным переводом имени нарицательного узуального в разряд окказиональных собственных имен: *der Zwerg Nase*, *die Prinzessin Nachteule* (W. Hauff), *der Teufelskerl von Nekromant*, *der Geisterfürst Phosphorus* (E. T. A. Hoffmann), *die Prinzessin Liebseelchen*, *die Prinzessin Trübseelchen* (Cl. Brentano). Много примеров такого рода связано с зоонимами — окказиональными именами зверей в текстах литературных сказок. Заметим, что зоонимы сказки, как народной, так и литературной, функционально и через речевой план приближены к антропонимам. Например, у Гауффа — имена (или фамилии) говорящих аистих: *Frau Klapperschnabel* и *Frau Langbein*; две антропонимизированные блохи в текстах Brentano и Гофмана соответственно названы *Baron von Hüpfenstich* и *Meister Floh*.

Из приведенных выше примеров очевидно, что словосочетания «имя существительное нарицательное узуальное + имя существительное собственное окказиональное» способны «...впитать в себя содержание, которое могло бы быть выражено в распространенном или даже сложном предложении» [6], т. е. к нему в полной мере применима характеристика, данная В. Г. Адмони субстантивным словосочетаниям. Рассматриваемые словосочетания образуют в тексте единство с актуальной семантико-прагматической структурой, в миниатюре отражающей общий принцип текстообразования литературной сказки: неустойчивое равновесие стихий реальности и фантастики. По форме и по содержанию эти словосочетания являются подчинительными. Наричательное имя играет роль целого, соответствует реальному классу денотатов, а собственное выступает как его часть. Атрибуция осуществляется по принципу «часть через целое», т. е. окказиональный, единичный, уникальный денотат, актуальный только в мире литературной сказки, реферруется через класс реальных узуальных объектов. Например, единичный и уникальный денотат имени *Willwüßchen* («нигде, ни в одном мире больше нет и не может быть таких принцесс») определяется через класс денотатов «принцесса» с его неограниченным количеством референтов во множестве возможных миров, т. е. с неограниченным экстенционалом; словосочетание *Prinzessin Willwüßchen* в рамках текста представляет экстенционал с единственно возможным единичным референтом. Тесная связь обоих конститuentов словосочетания, невозможность их введения в текст друг без друга, отношение атрибутивной партитивности — все это, кроме формальных признаков, характеризует их как словосочетания подчинительного типа.

Узуализовавшись в тексте в составе словосочетания, конститuentы его, однако, могут выступать и отдельно, как контекстуальные синонимы. Например, в тексте сказки К. Brentano «*Барон фон Хюпфенштих*», примеры из которого уже приводи-

лись,— ситуация ввода окказионального слова через предложение. Далее в этом же тексте находим: *Und so wuchs die Prinzessin und der Floh heran, ohne sich persönlich zu kennen; der Floh war schon so groß geworden wie ein Rind und Willwischen sechzehn Jahre alt...* В данном случае оба слова (гипероним и окказиональное собственное имя, входящее в данном контексте в его поле) употреблены в рамках одного сложного паратактического предложения; однако в составе двух дистантных (между ними два элементарных предложения) предложений, в каждом из которых слово, ранее встречавшееся в составе словосочетания с размытой границей между словом и словосочетанием, выступает как самостоятельный и семантически репрезентативный член данного предложения; в рамках же сложного предложения как целого являются контекстуальными синонимами, каждый из которых может быть соотнесен и заменен кореферентным местоимением *sie*: *Nun hätte sie längst gern gewußt, was der König nur immer in seiner Schlafkammer verborgen habe; denn nie wollte er sie niederlassen...* (Cl. Brentano). Возможность их функционирования в тексте как гипо-гиперонимических синонимов появляется только после: а) введения окказионального собственного имени через предложение и словосочетание, б) узуализации смысла словосочетания в тексте, в) распределения объема смыслового содержания словосочетания, обозначающего один денотат, между его обоими конститuentами. На эти словосочетания до некоторой степени распространяется тенденция к монофлексичности, отмеченная В. Г. Адмони для именных словосочетаний из народно-сказочных текстов [7], например: *die Prinzess..., Willwischen / Prinzessin Willwischen* (Cl. Brentano). Однако такого выраженного, тесного, гомогенного взаимопроникновения границ слова и словосочетания, которое отмечает в фольклорных текстах А. Т. Хроленко (типа гуси-лебеди, Калин-царь), проявляющегося в словоизменении группы из двух существительных, в наших примерах нет [8]. Это, как нам представляется, тоже определенным образом характеризует семантико-прагматическую структуру словосочетания и через него — весь текст.

Словосочетание рассматриваемого типа, характерное для текстов немецких литературных сказок, осуществляет еще одну важную функцию, связанную с антропонимизацией их персонажей — зверей и предметов. Форма словосочетания, в состав которого входит конститuent — нарицательное существительное с семой антропонимичности, играет значительную роль в процессе контекстуального перевода слова в разряд не только сказочных одушевленных, но и человекоподобных, говорящих персонажей. Словосочетание в данном случае компенсирует невозможность для немецкого языка передать сему антропоморфности денотата при помощи одних графических средств, как это делается в текстах русских, английских и прочих сказок, как

народных, так и литературных: «Вдруг поднялся сильный *вихрь* — и что боже мой! схватил царицу и унес неведомо куда. <...> ...Ищу свою матушку, пошла она в зеленом саду погулять, как поднялся *Вихрь* и унес ее неведомо куда...» (А. Н. Афанасьев) — пример из народной сказки; So she was considering, in her own mind... when suddenly a white *rabbit* with pink eyes ran close by her. There was nothing so very remarkable in that; nor did Alise think is so very much out of the way to hear the *Rabbit* say to itself ... (L. Carroll). Тематизируясь в тексте, имена персонажей, имеющих черты антропоморфности, пишутся с прописной буквы, переходят в разряд окказиональных имен собственных. Написание их с прописной буквы есть графический маркер нового их значения, который настраивает читателя на прагматику вымысла. В немецком языке, с его нормативным правописанием всех существительных с прописной буквы, графическая актуализация семы антропоморфности невозможна, ее осуществляет словосочетание за счет конституента — нарицательного с соответствующей антропоморфичной семантикой.

Итак, сама модель, конструируемость имени собственного окказионального, а также антропонимизирующее денотат имя нарицательное в составе словосочетания с окказиональным собственным — это языковые средства, без которых трудно представить себе целый текст литературной сказки. По данным средствам можно судить об основных законах ее текстообразования, связанных с передачей и переключением в рамках целого текста его блоков с прагматикой реальности и вымысла. Они представляют собой знаки, в которых просматривается соответствие плана выражения плану содержания, так как текст литературной сказки конструирует ситуацию, безусловно, игровую для художественных текстов XIX и XX веков, ситуацию, когда говорящий субъект должен описать ряд предметов известного ему мира и произвести акт номинации этих предметов. Субъект, создающий текст литературной сказки, предстает не только оперирующим готовыми узуальными словами и моделями слов, но и как творец, моделирующий новые образцы формально-семантических связей на уровне слов и словосочетаний. «Взрывоопасность» реального мира, изображенного в данных текстах, возможность вмешательства пространственно-временных законов фантастического мира, открытость жанра литературной сказки различным экспериментам и метаморфозам в миниатюре представлена системой окказиональных имен собственных и их словосочетаний, противопоставленных по способам образования и по семантике системе узуальных имен. Эти неузуальные элементы текстообразования выводят восприятие текста из привычного автоматизма. Так и можно определить их функцию в литературно-сказочном текстообразовании.

1. Падучева Е. В. Высказывание и его соотношенность с действительностью. М., 1985. С. 209—221; Арутюнова Н. А., Падучева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С. 17.
2. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981. С. 86—93; Fleischer W. Wortbildung der deutschen Sprache. Leipzig, 1969. S. 184.
3. Сахарный Л. В. Психолингвистические аспекты теории словообразования. Л., 1985. С. 37.
4. Gilčenok N. L. Textbildende Potenzen des Wortbildungsmodells im künstlerischen Text // Kommunikative Aspekte des Textes: Potsdamer Forschungen. Potsdam, 1986. Reihe A., H. 78. S. 70—77.
5. Fleischer W. Op. cit. S. 184.
6. Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка. Л., 1973. С. 211.
7. Там же. С. 217.
8. См.: Хроленко А. Т. Границы слова в фольклорном тексте // Проблемы структурной лингвистики — 1983. М., 1986. С. 215—227.

Структурные и функциональные особенности предложения и текста. Свердловск, 1989

И. И. КОВАЛЕВСКАЯ

Орехово-Зуевский пединститут

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ АДЪЕКТИВНО-
ИМЕННЫХ СОЧЕТАНИЙ**

(на материале французских прилагательных размера)

Описывается синтагматика прилагательных размера в их прямом номинативном значении. Сочетаемость прилагательных с именным компонентом позволяет уточнить и дополнить традиционные рубрикации имен существительных и их валентные связи.

Анализ синтагматических связей прилагательных размера в их прямых номинативных значениях позволяет уяснить некоторые условия реализации ими отдельных значений, а также особенности содержания последних. В ходе исследования обнаружилось, что признак «пространственная характеристика» в различных его модификациях не является элементом значения исключительно прилагательных. Напротив, как «качественная» характеристика объекта указанный признак входит также в содержание имени объекта, материального предмета [1]. Именно сами эти объекты мыслятся как большие или малые, длинные или широкие, плоские или объемные и т. д. В связи с этим анализ функционирования прилагательных размера на уровне синтагматики потребовал уточнения и дополнения традиционных классификаций имен существительных. В ходе нашей работы выяснилось, что прилагательные анализируемой ЛСГ реали-

зуют различные значения в сочетаниях с именами одного и того же тематического класса (по традиционной классификации). Так, *large* в сочетании с именами класса «элементы рельефа» реализует СВ₁ — «большой в ширину» — в синтагмах типа *un large fleuve*, но в СВ₄ — «большой по площади» — *un large plateau*. В сочетании с именами класса «строения, его части» прилагательное *mince* реализует либо СВ₁ — «тонкий» — *un bâtiment mince*, либо СВ₂ — «узкий» — *une embrasure / une fenêtre mince*. Ср. также сочетания имен указанного класса с *étroit*: *un escalier étroit* — «узкая лестница» или *un palier étroit* — «тесная, малая по площади лестничная площадка». Таким образом, указанные тематические группы делятся на подгруппы в соответствии с содержанием признака «ведущая пространственная характеристика» в значении членов тематических групп.

Многозначное прилагательное актуализирует в сочетании с именами соответствующих подгрупп именно то из своих значений, содержание которого наилучшим образом «согласуется» в данном контексте с пространственной характеристикой объекта, заключенной в его имени. Речь идет о взаимной детерминированности, обусловленности выбора прилагательного и имени, составляющих сочетание. Эта обоюдная детерминированность членов синтагмы, «основанная на логической или вещной основе» [2] слов, помогает выявить некоторые «скрытно присутствующие» в значении этих слов семы и тем самым позволяет уяснить дифференциацию отдельных значений прилагательных, а также уточнить принципы связи между единицами, входящими в анализируемую ЛСГ.

Анализ сочетаний прилагательного и существительного позволил выявить в структуре значения имен признак «ведущая пространственная характеристика», который отражает основные элементы пространственного образа объекта, каким он мыслится человеком. Указанные компоненты значений обнаруживают себя в итеративности сем у сочетающихся слов, т. е. в «согласованности» признаков в соответствии с законом построения правильных словосочетаний, предложенным В. Г. Гаком [3]. Материальные объекты мыслятся человеком прежде всего как линейные, плоскостные или объемные. Дифференциация имен объектов относительно указанного признака во многом объясняет дифференциацию различных значений *grand / petit*.

Далее выявилась необходимость выделения классов имен относительно ориентации объектов в пространстве: вертикально ориентированные [4] / горизонтально ориентированные / неориентированные в пространстве, которая позволяет объяснить, например, дифференциацию СВ₁ и СВ₃ прилагательного *court*: «короткий (в длину)» — *court₁* и «низкий» — *court₃*; семантический вариант *court₃* реализуется в сочетании с именами *вертикально ориентированных* объектов. Ср.: *une courte enceinte*.

Наши разыскания выявили также возможность более деталь-

но квалифицировать имена материальных объектов относительно следующих признаков: 1) плотный/полый (для объемных объектов), 2) единичный/множественный, т. е. состоящий из одного/многих однородных объектов.

Различие полых и плотных объектов позволяет уяснить условия функционирования прилагательного *fin* в основном и второстепенном значениях. В сочетании с именами класса плотных объемов *fin* реализует СВ₁ — «очень малого объема». Ср.: *du gravier fin*. А в сочетании с именами полых объемов, емкостей, указанное прилагательное реализует значение «тонкий» (о стенках), причем в значении имени актуализируется признак «имеющий стенки», «изготовленный из материала соответствующей толщины». Ср.: *une tasse fine*.

Дифференциация полых и плотных объектов способствует также уточнению содержания некоторых прилагательных размера относительно признака «точка восприятия объекта». А именно: *spacieux/vaste* — «просторный/обширный» включает признак «восприятие объекта *изнутри*». Ср.: (*une voiture*) *spacieuse* — «большой (по площади), просторный», *une vaste nef* — «очень большой (в трех измерениях)», в отличие от *large, gros, grand*, где этот признак либо не фиксируется: *un large vestibule* — «большой (по площади)», *une grande auto*, *un grand panier* — «вместительный, значительный по емкости», либо выступает в виде признака «восприятие объекта снаружи». Ср.: *une grosse voiture*, *un gros panier* — «объемный», «занимающий значительную часть трехмерного пространства».

Дифференциация объектов относительно признаков «единичный/множественный» позволяет уточнить структуру содержания *grand/petit* в их различных значениях, а именно место количественного признака в их содержании. *Grand/petit* в сочетании с именами множественных объектов актуализируют количественный компонент, т. е. не только указывают на величину объекта, но и на число его составляющих, причем второе обуславливает первое. Ср.: *une petite chaîne*, *un petit collier*, *un grand appartement*, *un grand bouquet*, *un petit tas/un large palier*, *une longue chaîne* etc. *Grand/petit* реализуют в указанных сочетаниях значения: «длинный/короткий». Ср.: *une petite chaîne*, «большой/малый (по площади)». Ср.: *un grand appartement*, «большой/малый (по объему)». Ср.: *un grand tas*. Но в отличие от соответствующих значений *long/court, large/étroit, gros* в аналогичных сочетаниях *grand/petit* реализуют оттенок множественности. Ср.: *un petit collier* — «малой длины + состоящий из малого количества единиц», *un grand appartement* — «большой площади + состоящий из нескольких комнат», *un petit paquet (de billets)* — «малый по объему + состоящий из малого количества единиц» и т. п. Таким образом, классификация имен материальных объектов с учетом признаков пространственной характеристики может быть представлена в виде таблицы.

Как было указано, признак пространственной характеристики в значении имени проявляется при поддержке его соответствующим элементом значения прилагательного — атрибутива или предикатива: из всего множества свойств объекта, зафик-

Т а б л и ц а

Материальные объекты (органические и неорганические)

Ориентация в пространстве	Линейные	Плоскостные	Объемные	
			полые	плотные
Вертикально единичные множественные	arbre, m —	porte, f grille, f	panier, m —	goutte, f tas, m
Горизонтально единичные множественные	fleuve, m —	cour, f parquet, m	— —	— —
Неориентированные единичные множественные	fil, m chaîne, f	feuille, f mosaïque, f	dé, m —	fruit, m grappe, f

сированных в значении его имени, актуализируются именно те, которые получают «опору» в семантике других членов контекста [5]. Однако условием реализации прилагательными размера того или иного значения является наличие соответствующего признака в содержании определяемого имени, т. е. подтверждение, повторение признака пространственности в значении существительного. Здесь можно добавить, что процесс актуализации содержания идет в двух направлениях: от определяемого к определяющему и обратно. Так, при употреблении в контексте многозначной единицы *grand* в качестве определяющего при имени материального объекта реализуется выбор одного из прямых значений прилагательного, где актуализируется признак пространственной характеристики. Указанный признак в значении прилагательного, в свою очередь, апеллирует к соответствующим признакам в значении имени: в зависимости от того, как мыслится объект (как линия, плоскость или объем и т. д.), такой дифференциальный признак в значении *grand/petit* и реализуется в конкретной синтагме.

Реализация прилагательными типа *long, lange, épais* их прямых номинативных значений в меньшей степени зависит от признака «ведущая пространственная характеристика» в значении определяемого имени. Более того, указанные прилагательные так называемых частных пространственных характеристик способствуют выявлению некоторых специфических пространственных признаков в значении определяемого имени. Ср.: в со-

четании un large fleuve прилагательное выявляет наличие протяженности в плоскости линейного объекта fleuve; также в сочетаниях un manteau mince, une bouteille épaisse в значении имени актуализируется признак «имеющий стенки, сделанный из материала (определенной толщины)».

Анализ словосочетаний указанных прилагательных с именами объектов различных категорий обнаруживает следующие закономерности: в сочетании «имя+прилагательное» прилагательное либо 1) реализует признак, идентичный признаку ведущей пространственной характеристики в значении определяемого имени. Ср.: long+N_{ln}: une longue; vaste+N_s: une vaste plaine; gros+N_v: une grosse pomme, где N_{ln} — имя линейного объекта, N_s — имя плоскостного объекта, N_v — имя объемного объекта (принадлежность имени к указанным категориям определяется содержанием признака «ведущая пространственная характеристика» в значении имени объекта); либо 2) дополняет эту характеристику, не противореча ей. Ср.: une large rue, une feuille mince, une haute maison и т. п. В этих случаях реализуется основное значение прилагательного.

Второстепенное значение прилагательного реализуется при частичном нарушении указанного согласования, например при употреблении линейного прилагательного в сочетании с именем плоскостного или объемного объекта, т. е. при совмещении в синтагме имени существительного и прилагательного качественно различных пространственных классов.

Например, large+N_s: une large tache, где имя обозначает объект, не имеющий выраженной ширины и длины. При этом происходит «затухание» признака «измерение поперек, в ширину» в значении прилагательного, которое реализует одно из своих второстепенных значений, а именно «большой по площади».

Характерно, что изменение категории определяемого имени иногда сопровождается частичной модификацией интегрального признака в значении прилагательного. Так, в сочетании A_{ln}(long)+N_v типа une longue robe прилагательное реализует второстепенное значение («длинный (об одежде)»), содержание которого определяется сложным пространственным признаком «сопоставление по величине объектов разных классов», в частности, long₃ — «длина платья относительно роста человека». Ср.: long₁ — «более длинный, чем остальные объекты того же класса» — une longue allée, un long ruban.

Таким образом, на уровне синтагматики происходит *взаимное* «высвечивание», проявление определенных семантических признаков в содержании значения обоих членов именного словосочетания, благодаря чему уточняется значение многозначного прилагательного и «развертывается» содержание значения определяемого имени.

Приведенное частное исследование еще раз подтверждает тезис о том, что «синтагматические лексические ... связи служат

основным условием актуализации и семантического развертывания содержания виртуальных знаков, средством их внутреннего смыслового разграничения» [6]. Анализ словосочетаний «прилагательное+существительное», а иногда и обращение к расширенному контексту [7] позволили уяснить специфику семантики выделенной ЛСГ в отношении содержания значения отдельных ее членов и связей между ними внутри ЛСГ.

Содержание значения анализируемых прилагательных — это не только те дифференциальные признаки, которые фиксируются словарями и противопоставляют лексемы друг другу внутри ЛСГ или внутри микрогруппировок, но и скрытые семантические компоненты, которые не фиксируются дефинициями словарей, но присутствуют в сознании носителей языка в качестве фоновых знаний и проявляются именно в контексте.

Задача адекватного описания единичных конкретных объектов реализуется благодаря сложной системе значений каждого из прилагательных и сложности структуры каждого из этих значений, благодаря способности прилагательных варьировать значение, сохраняя свое инвариантное существо, в нашем случае — указание на пространственную характеристику объекта. Именно на уровне синтагматики, при наложении семантики определяющего на систему признаков пространственной характеристики в значении определяемого имени оказывается возможным адекватное описание единичного, конкретного через общее.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ср. замечания Е. М. Вольф: «Толкования прилагательных должны тем или иным способом включать область денотатов, которым может быть приписан соответствующий признак» (Грамматика и семантика прилагательного. М., 1978. С. 5).

2. Телия В. Н. Семантический аспект сочетаемости слов и фразеологическая сочетаемость // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 250.

3. См.: «...для того чтобы два слова составили правильное сочетание, они должны иметь, помимо специфических, различающих их сем, общую сему, либо не иметь несовместимых сем» (Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977. С. 21).

4. Очевидно, все объемные объекты, фиксированные в пространстве относительно горизонтали / вертикали, должны рассматриваться именно как вертикально ориентированные, так как высота этих объектов входит в интенционал значения имени наряду с длиной, и шириной, в силу трехмерного представления объекта.

5. Ср.: например: *une grande table* ориентирует на пространственную характеристику — величину поверхности стола, а *une table de bois* — на признак материала, на то, что этот предмет изготовлен из дерева, *une table de travail* — на особенности его формы, структуры и т. д.

6. Уфимцева А. А. Семантика слова // Аспекты семантических исследований. М., 1980. С. 66.

7. Дело в том, что необходимое «подтверждение» о наличии того или иного признака в содержании слова иногда удастся обнаружить лишь в значении глагола или некоторых предлогов в пределах фразы.

Л. С. ДОНГАУЗЕР

Свердловский пединститут

ИНТОНАЦИОННОЕ ВЫРАЖЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ В СЛОЖНОПОДЧИНЕННОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ (на материале современного немецкого языка)

В основе решения проблемы лежит лингвистический анализ различных синтаксических конструкций, определяется характер соотношенности интонации и синтаксиса.

Под соотношенностью интонационной и синтаксической структур понимается способность интонации, «наряду с синтаксисом и во взаимосвязи с ним, служить для выражения смысловых отношений между элементами высказывания — синтагмами, частями сложного предложения, а также между предложениями в структуре связного текста» [1]. Существующая соотношенность не означает абсолютного параллелизма между этими структурами. Число интонационных моделей может не соответствовать числу синтаксических моделей в языке. Многочисленные экспериментальные работы, проводимые в области интонации синтаксиса, наглядно продемонстрировали несостоятельность принципа «каждой синтаксической конструкции — свой интонационный тип». Возможно как наличие нескольких интонационных вариантов для оформления одной синтаксической единицы, так и произнесение различных синтаксических единиц со сходной интонацией.

В настоящей статье проводятся результаты экспериментально-фонетического исследования интонационной структуры сложноподчиненного предложения с разными видами обстоятельственных придаточных (временным, причинным, уступительным и условным). Предполагалось выявить степень влияния вида синтаксической связи на фонетическое оформление стыка главной и придаточной частей. Необходимость исследования фонетических границ между единицами, относящимися к разным языковым уровням, «объясняется не только интересом, вызванным теорией фонологических разграничительных признаков Н. С. Трубецкого, но и огромным значением, которое имеет эта проблема для решения чисто практических задач разработки достаточно надежных и строгих критериев речевого потока, связанных с автоматическим распознаванием речи» [2].

Материалом послужили предложения, имеющие в основном одинаковый лексический состав, но передающие различные смысловые отношения. В поисках смысловозначительных при-

знаков интонации сопоставительный анализ таких предложений является вполне оправданным [3]. Исходные предложения, взятые из учебников по грамматике немецкого языка, трансформировались в связи с задачей эксперимента. Характер данной трансформации заключался в том, что в ходе замены одного союза другим менялся вид подчинительной связи, например: Ich bleibe hier, wenn ich die Uni auch absolviere (придаточное уступительное); Ich bleibe hier, bis ich die Uni absolviere (придаточное временное); Ich bleibe hier, weil ich die Uni absolviere (придаточное причинное); Ich bleibe hier, wenn ich die Uni gut absolviere (придаточное условное).

В числе методов исследования применялся слуховой и осциллографический анализ материала. Для определения достоверности результатов математических подсчетов использовался статистический метод критерия знака на пятипроцентном уровне значимости.

В процессе осциллографического анализа материала, в первую очередь, исследовалась степень влияния на длительность пауз смысловых отношений между частями сложноподчиненных предложений с разными видами придаточных. Пауза рассматривается как основное средство членения высказывания, пере-

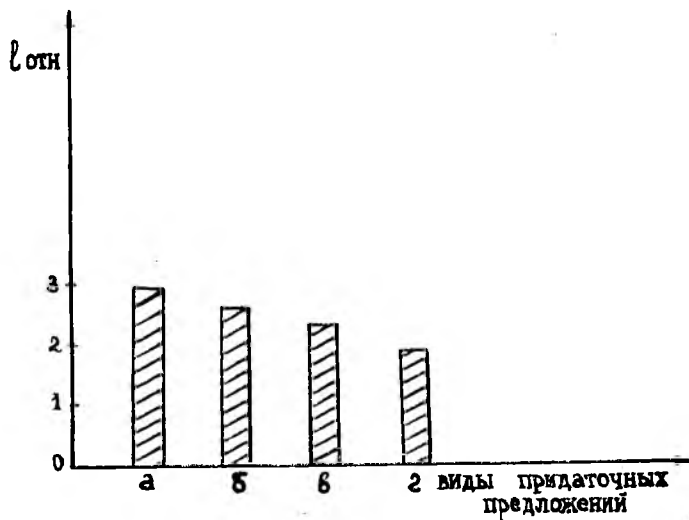

Рис. Средняя относительная длительность пауз в предложениях с придаточными: а — уступительным, б — условным, в — причинным, г — временным

дающее степень связанности синтагм, а также реагирующее на смысловые отношения между ними [4]. На диаграмме (рис.) приводятся данные средней относительной длительности пауз между главной и придаточной частями сложноподчиненных

предложений с разными видами придаточных. Из диаграммы следует, что средняя относительная длительность пауз колеблется в пределах от 2,1 до 2,9. Самая большая по длительности пауза отмечается в предложениях с придаточным уступительным, самая короткая — с придаточным временным.

Применение статистического метода заключалось в проверке достоверности двух предполагаемых гипотез. Согласно первой длительность паузы в предложениях с придаточным временным оказывается меньше, чем в предложениях с тремя видами связи. Согласно второй длительность паузы в предложениях с придаточным уступительным оказывается больше, чем в предложениях с остальными видами связи. Из всего материала были отобраны предложения с анализируемыми видами придаточных, преимущественно одинаковые по лексическому составу. Для каждого из видов придаточных предложений удалось подобрать по 24 таких случая (в произнесении трех дикторов). Применение статистического метода позволило прийти к выводу, что достоверной является лишь первая гипотеза. На 72 примера (по 24 на каждый из трех видов придаточных, с которыми сравнивалось придаточное временное) пришлось 54 случая, когда пауза в предложении с придаточным временным оказалась самой короткой. Согласно таблице знаков достаточно 44 случаев, чтобы разница считалась достоверной. Разница в длительности пауз в предложениях с придаточными уступительным, условным и причинным оказалась несущественной.

Далее было подсчитано количество случаев отсутствия пауз на стыках главного с придаточным предложений для каждого из видов придаточных. Результаты приводятся в табл. 1.

Способ подсчета процентного соотношения случаев отсутствия пауз на стыках был обусловлен различным количеством случаев, приходящихся на каждый из четырех* стыков главной и придаточной частей в каждом из видов придаточных предложений. Процентное соотношение высчитывалось путем отнесения количества случаев отсутствия пауз к общему числу стыков в предложениях с данным видом придаточного.

Из табл. 1 следует, что подавляющее число случаев беспausalного прочтения дикторами сложноподчиненных предложений приходится на варианты с временной связью.

Следующий этап анализа заключался в определении характера мелодического оформления частей сложного предложения, а также их стыков, который находится в прямой зависимости от смыслового фактора. Результаты анализа свидетельствуют о том, что незавершенная синтагма в большинстве примеров имеет восходящую мелодику (см. табл. 2).

* В работе рассматриваются четыре стыка главного предложения с придаточным. Последние находятся в следующих позициях по отношению друг к другу: ГП, ПГ и ГПГ, где Г — главное предложение, П — придаточное предложение.

Незначительное число случаев понижения частоты основного тона в конце предшествующей стыку синтагмы для каждого из видов придаточных распределяется следующим образом: в 24 % случаев конец синтагмы прочитан дикторами с понижающейся

Таблица 1

Соотношение случаев отсутствия пауз на стыках в предложениях с разными видами придаточных

Вид придаточных предложений	Относительные величины	%
Уступительное	0,7	12,4
Условное	0,9	15,1
Причинное	0,8	14,3
Временное	1,6	27,3

Таблица 2

Количественная характеристика случаев различного мелодического оформления неконечной синтагмы

Мелодика	Дикторы		
	первый	второй	третий
Восходящая	190	190	146
Нисходящая	35	35	80
Ровная	4	4	3

мелодикой в предложениях с придаточным уступительным, в 17 % случаев — с придаточным временным и в 18 % случаев — с придаточным причинным и условным.

Зависимости между видом связи и характером изменений в темпе и интенсивности на стыке главной и придаточной частями сложного предложения на данном материале не обнаружено.

Таким образом, результаты анализа, приведенные в настоящей статье, показали, что если грамматические средства (союзы, корреляты, порядок слов и т. д.) выражают тип синтаксической связи, то по одной только интонации невозможно определить, какой вид подчинения имеется в данном сложноподчиненном предложении. В ходе исследования не обнаружено особой, специфической интонации, способности сигнализировать о наличии того или иного вида придаточного. Интонация может лишь характеризовать степень зависимости частей сложного синтаксического целого. Полученные результаты дают основание предположить, что из всей группы проанализированных предложений с обстоятельственными придаточными тесная смысловая связь, характеризующаяся повышением мелодики в конце первой части сложноподчиненного предложения и небольшой по длительности паузой или ее отсутствием между частями, чаще обнаруживается в предложениях с придаточным временным и менее тесная, характеризующаяся завершенной мелодикой и большой по длительности паузой, — с придаточным уступительным. Очевидно, именно здесь уместно вспомнить тезис о неравенстве синтаксических конструкций, выдвинутый Т. М. Николаевой, который заключается в том, что «одни из них (синтаксических конструкций. — Л. Д.) более прямо отражают некоторые смысловые отношения и поэтому задают интонацию, другие же как будто

пусты и поэтому принципиально различаемы, хотя их «первичный» синтаксический смысл вполне ясен» [5]. Временные отношения сами по себе являются лишь развернутой характеристикой предиката, которая не нуждается в обособлении. Существование тесной смысловой связи между частями сложноподчиненного предложения, соединяемых союзами *bis* и *solange*, подчеркивает Е. В. Гулыга: «Союз *solange* показывает, что конец действия придаточного предложения обуславливает конец действия главного предложения, в смысловую структуру входит ограничительное значение. Связь между главным и придаточным предложением оказывается гораздо более тесной, чем в других случаях выражения одновременности... По степени взаимосвязи главного и придаточного предложения модель *bis* можно сравнить только с моделью *solange*...» [6]. Слабая связь элементов, проявляющаяся в отчетливой двучленности синтаксической модели, наблюдается в предложениях с уступительным придаточным, что особенно характерно для структуры с препозицией придаточной части.

Итак, интонация способна выражать лишь общий характер смысловых связей между частями сложного предложения, а не конкретные отношения между ними. Отмечено, что особенно чутко реагируют на изменения в смысловых отношениях такие компоненты интонации, как пауза и мелодика на стыке синтагм. Сопоставительные исследования синтаксических и фонетических моделей сложноподчиненных предложений с разными видами придаточных дают возможность выявить степень смысловой взаимосвязанности их частей. Результаты этих исследований могут быть использованы при обучении студентов факультета иностранных языков практической фонетике современного немецкого языка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Черемисина Н. В. Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь. М., 1982. С. 26.
2. Потапова Р. К. Сопоставительный анализ акустических признаков в потоке речи (на материале нем., англ. и рус. яз.) // Проблемы теоретической и прикладной фонетики и обучение произношению: Материалы межвузовской научно-методической конференции МГУ. М., 1973. С. 114—115.
3. Клычникова З. И. Интонация как средство связи частей сложного предложения // Интонация и звуковой состав: Материалы коллоквиума по эксперим. фонетике и психологии речи. М., 1965. С. 175.
4. Дубовский Ю. А. Типы и виды пауз в английском языке // Экспериментальная фонетика. Минск, 1976. С. 56—66; Николаева Т. М. Фразовая интонация славянских языков. М., 1977. С. 15 и др.
5. Николаева Т. М. Интонация сложного предложения в славянских языках. М., 1969. С. 230.
6. Гулыга Е. В. Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке. М., 1971. С. 95.

Л. Н. ХОРЕВ

Владимирский пединститут

НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМАЯ РЕЧЬ В РОМАНЕ

Г. КАНТА «АКТОВЫЙ ЗАЛ»

На примере одного художественного текста рассматриваются новые сущностные и функциональные виды несобственно-прямой речи, обсуждаются параметры, отличающие ее от внутреннего монолога.

Несобственно-прямая речь остается в центре внимания многих зарубежных и отечественных лингвистов в течение последних 30—40 лет [1]. Исследование несобственно-прямой речи (НПР) проводилось в области грамматики, лексикологии, стилистики, а также в историко-генетическом плане. Авторами почти единодушно было признано, что НПР «возникла в результате совершенствования способов чужого высказывания и приемов ведения авторского повествования» [2]. НПР является тончайшим инструментом передачи чужой речи и мысли [3], контактной площадкой голосов автора и героя. Принцип речевой совмещенности, возникнув и развиваясь в сложно разветвленных и постоянно модифицирующихся структурах НПР, не только определяет особенности этого художественного приема, но и способствует пониманию художественного текста. Не случайно НПР как самостоятельный способ изображения автономизировалась в «зрелой» художественной прозе второй половины XX в., привнесшей в «звучащий» эпос элементы сценических драматических законов развития действия. В XIX в. развивается жанр психологического романа, углубивший субъективную перспективу художественного повествования, усиливший полифонизм художественной речи, ее многоаспектность. Авторская речь с разной степенью слитности взаимодействует с речью персонажей, обеспечивая многоактурное, экспрессивно неоднородное художественное изложение.

Казалось бы, возможности НПР исчерпаны, однако по мере дальнейшего использования в речевой ткани постоянно развивающегося психологического романа это явление оказалось более образным, чем это представлялось некоторым ученым вначале. В последние годы появился ряд работ, в которых отмечаются новые сущностно-функциональные аспекты НПР [4].

По мнению современных исследователей НПР, в достаточной мере изучены генезис, грамматические признаки (функционирование местоимений, предложений, временных форм, синтаксическая организация структурно-семантических типов предложений), однако далеко не полностью освещены еще ее стилистические формы. В качестве обобщенной дефиниции мож-

но привести следующую формулировку: «...НПР в литературно-художественном произведении представляет собой лингвостилистический прием и способ репродукции речи (фактической или мысленной) персонажа посредством лингвистической или экстралингвистической контаминации субъектно-авторских планов, включения в авторскую речевую фактуру трансформированной прямой речи персонажей в ее различном количественно-качественном диапазоне и репрезентации» [5]. Вообще едва ли возможно осуществить исчерпывающее описание типологической структуры НПР ввиду ее огромного многообразия, наличия структурно-типологических видов, разновидностей, модифицированных подвидов, что прослеживается у многих авторов в различных произведениях. Это многообразие можно объяснить непрерывностью эволюции НПР и ее подсистем: вначале в повествовании доминируют одни типы, затем на первый план выдвигаются другие модификации, и, вполне очевидно, порождаются новые типологические структуры. Например, относительно недавно в художественной литературе стала продуктивной НПР с формой 2 л. ед. ч. Такая НПР характеризуется главным образом ее внутренним ведением, при котором действующее лицо обращается к своему «я», погружаясь в себя, анализируя, советуясь с самим собой, взвешивая, оценивая ситуацию.

В современной прозе писателей ГДР и ФРГ НПР стала чрезвычайно эффективным средством отражения индивидуального и типичного в речи персонажей, особенностей их языка. В примерах емкой, насыщенной НПР можно проследить все разновидности речевой характеристики: социальный, профессиональный, региональный, политический и другие параметры. Это помогает читателю составить собственное мнение о действующем лице, проникнуть в идейно-тематическое направление произведения. В художественной прозе ГДР последних тридцати лет мы встречаемся с примерами НПР как средством создания иронического, сатирического и юмористического эффекта, причем вариации каждого из них чрезвычайно богаты: грусть может быть окрашена в светлые и мрачные тона, ирония — легкой или едкой, насмешливой или дружелюбной, юмор — мрачным или добродушным. Другими словами, стилистическая палитра НПР чрезвычайно разнообразна, что позволяет говорить о больших потенциальных возможностях этого явления, обогащающего художественную прозу XX века и находящегося в постоянном развитии, а потому представляющего несомненный интерес для исследователя. В рамках данной статьи мы не можем рассмотреть НПР в разных произведениях, поэтому остановимся лишь на романе Г. Канта «Актный зал». Роман — одно из самых примечательных произведений в социалистической немецкой литературе послевоенных лет — характеризуется особой творческой манерой повествования. Это выражается в своеобразном композиционном принципе его построения, которое с первых же

страниц вовлекает читателя в ход мыслей героев, создавая впечатление достоверности описываемых событий. При этом одним из главных способов передачи чужой речи выступает НПР. Обратимся к следующему примеру:

Robert ließ ihn in Ruh. Die Geschichte des Alten war zum Heulen, aber Reporter heulen nicht. Ärzte heulen ja auch nicht. Heulen Ärzte wirklich nicht? Ärzte vielleicht, aber Reporter hören, sehen und berichten, und ihre Leser besorgen dann das Heulen für sie mit.

Und das glaubst du nun? Das willst du mich nun glauben machen? Du doch nicht, Robert Iswall, du doch nicht! Wer starrt denn da auf die Bilderserie vom Selbstmord einer New Yorkerin und wer auf die vom Mord an einem ungarischen Polizisten? Wer versucht denn immer, das mitzudenken: Entfernung unendlich, aber wenn ich das Teleobjektiv nehme, wirkt die Frau nicht so einsam wie jetzt da oben auf dem Fenstersims, das Licht ist knapp, ein Hoch auf die Feuerwehr und ihre Scheinwerfer, einmal, zweimal mit dem Tele kann nicht schaden, die wollen doch die Angst sehen von der, aber die kriegt es fertig und springt ausgerechnet, wenn ich die Objektive wechsele, einen Augenblick, Madame, seien Sie so freundlich... Die wollen den wirklich umlegen, und ich die einzige Kamera weit und breit, Kinder, ich bin ein As, der dort weiß, daß er dran ist, dem zittern die Lippen, drei Meter, drei Meter ist richtig, und wie lange belichten, wie schnell fällt denn so einer um, schneller als ein Fußballtorwart, schneller bestimmt nicht, eine Zweihundert fünfzigstell genügt, die machen aber lange, au, das war Sache, wie er die Hand eben vor den Augen hatte, Schnellaufzug, zack, wieviel hab ich denn noch drauf, sechs Galgen, zweimal Freudentränen, dann der Zert-rampelte, den hab ich fünfmal, und dreimal die Fahne der Freiheit, macht sechzehn, das langt dicke, wenn ich das raufkriege, wenn die Kugeln gerade bei ihm ankommen, dann mach Urlaub, dann kriegt Liz ein Telegramm, mach dich fertig, Süße, Big Boy hat was im Kasten, da liegt er schon, hab ich ihn, ja, ich hab ihn, wo ist hier die Post... [6].

Данный пример НПР типичен с точки зрения ее ввода в речевую ситуацию: сначала следуют слова автора; они подводят читателя к специфике работы репортера, фотокорреспондента, который подчас должен за считанные секунды зафиксировать происходящее на его глазах, «остановить мгновение», да так, чтобы это было эффектно, чтобы с минимумом пояснительного текста фото «говорило» само за себя.

По структуре данный пример не очень вписывается в существующую типологию НПР: в данном случае размышления героя автономны, сначала они ведутся от второго лица, затем от третьего и далее — от первого. По коммуникативной заданности эта НПР характеризуется профессионально-политической направленностью — показать специфику работы репортера и со-

циально-политический стержень сюжета. Автор описывает, насколько сложной и опасной бывает работа репортера, фотокорреспондента, но делает это с юмором, хотя и не без горечи.

По некоторым грамматико-синтаксическим свойствам данный пример НПР отвечает установленным принципам ее использования: рыхлость синтаксических конструкций, восклицательные, вопросительные предложения с усеченной формой, эллипсис, апозиопезис и другие признаки, указывающие на то, что это персональная НПР. С другой стороны, в ткань повествования вкраплены элементы внутреннего монолога, ведущегося от первого лица и имеющего свои закономерности. Возможно, перед нами случай, когда НПР ведется от первого лица; кроме того, НПР может передаваться с помощью местоимения *тап*. Так или иначе, автор, стоящий за действующим лицом, подводит итог, делает обобщение: *...Und manchmal sehnte er sich nach seinem alten, seinem ersten Beruf.*

Таких примеров можно привести много [7]. В романе мы наблюдаем часто случайное чередование и следование времен, произвольный временной центр. Вероятно, переходы от одной временной плоскости к другой обусловлены тем, что это роман, построенный на воспоминаниях. Поэтому повествование носит зигзагообразный характер и изобилует НПР. Вряд ли другой вид речи позволил бы так информативно передать ретроспективу судеб героев, воспоминания которых и образуют канву произведения. Это подтверждает вывод исследователей о широком спектре модификаций НПР, ее гибкости, экспрессивно-стилистическом богатстве.

В заключение хотелось бы отметить, что НПР, находясь в непрерывном развитии, продуцируя новые и новые структурно-типологические виды, обнаруживая скрытые ранее стилистико-функциональные свойства, все же сохраняет свои лингвистические параметры, обусловленные ее происхождением. Утверждения же о том, что внутренний монолог — один из видов или подвидов НПР, не способствуют определению статуса НПР, а лишь размывают ее границы. Действительно, по способу передачи невысказанной речи НПР сближается с внутренним монологом, но не тождественна ему, ибо, как бы ни была модифицирована НПР, она все равно представляет собой особую информационную модель [8].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Winkler E. Aus dem Denksystem des Französischen // Zeitschrift für französische Sprache und Literatur, 1935. Bd. IV; Lorck E. Die Erlebte Rede. Heidelberg, 1921; Seidler H. A. Allgemeine Stilistik. Göttingen, 1953; Walzel O. Das Wortkunstwerk. Leipzig, 1924; Гончарова Е. А. Несобственно-прямая речь в современной художественной прозе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1969; Мартынюк Т. Ф. Несобственно-прямая речь в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Киев, 1954; Инфантова Г. Г. К вопросу о несобственно-прямой речи: Таганрог, 1958. Вып. 6.

2. **Кодухов В. И.** Способы передачи чужой речи в русском языке второй половины XVII—XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1953. С. 8.

3. **Строева Т. В.** Модальность косвенной речи в немецком языке: Дис. ... докт. филол. наук. Л., 1950. С. 444.

4. **Кузько Е. Я.** Несобственно-прямая речь в современной немецкой литературе: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Киев, 1981; **Дронова Н. П.** Несобственно-косвенная речь в немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1975.

5. **Кузько Е. Я.** Указ. соч. С. 10.

6. Цит. по: **Kant H.** Die Aula: Roman. Rutten; Loening; Berlin, 1975. S. 120.

7. Ibid. S. 135, 167, 186.

8. **Хорев Л. Н.** Относительное употребление и согласование времен в косвенной и несобственно-прямой речи в современном немецком языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1970. С. 112.

Структурные и функциональные особенности предложения и текста. Свердловск, 1989

М. В. ЛУКИЧЕВА

Свердловский пединститут

ОСОБЕННОСТИ КОЛЛОКВИАЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Рассматриваются особенности появления у нейтральных единиц разговорных синонимов различными словообразовательными способами, сопровождающимися пересмыслением, сменой семантических ролей компонентов, неомотивацией. Описываются некоторые коллоквиально отмеченные словообразовательные элементы и модели.

Словообразование как «образование новых слов путем соединения друг с другом корневых и аффиксальных морфем, а также основ (баз) данного языка в разных комбинациях по определенным моделям» [1] — достаточно изученный и описанный, наряду с семантической деривацией и заимствованием, путь создания лексики (В. А. Заречнева, И. В. Козырева, Е. С. Кубрякова, В. Кан, М. Д. Степанова, И. И. Чернышева, O. Behaghel, W. Fleischer, W. Henzen, Th. Schippan). При образовании коллоквиализмов этот путь характеризуется рядом особенностей, рассматриваемых в данной статье. Словообразовательные процессы, как правило, сопровождаются переосмыслением участвующих компонентов. Существуют и коллоквиально окрашенные элементы и модели — «словообразовательные средства, прочно прикрепленные своим значением и стилистическим колоритом к определенным видам речи» [2]. Степень разговорности зависит от маркированности/немаркированности элементов и моделей словообразования: участие коллоквиальных средств соответствующим образом окрашивает новую единицу.

При *словосложении* моделью коллоквиализма может стать исходный нейтральный синоним: *Konservenmusik — Schallplattenmusik, Pustematratze — Luftmatratze, saumäßig — mäßig, Pferdearbeit — Schwerarbeit, Bratkartoffelverhältnis — Liebesverhältnis: von seiner B. zu seiner Nachbarin wußte die ganze Stadt außer der Frau.* Дополнительный смысл в разговорную единицу вводится элементом, метонимически, метафорически или ассоциативно связанным с нейтральной единицей. Если этот элемент конкретнее семантики нейтрального слова, то, помимо уточнения, в семантему вносится некоторая примитивизация, обусловленная отрицательной оценкой объекта: *Kochlöffelschülerin — Frauenoberschülerin, Sofafahrer — Langsamfahrer: Guck mal, dieser S. da vorne, der hält den ganzen Verkehr auf; Nervenköstüm — Nervensystem: Wenn ich meiner Mutter das erzähle, dreht sie durch, sie hat ein sehr schwaches N.* В качестве оценочного компонента используются разговорные корни, вносящие в значение определенную окраску: *Bummelzug — Personenzug, Kraftprotz — Kraftmensch: Ein K. ist er ja, aber sonst — wie ein Elefant im Porzellanladen.* Уточняющий атрибутивный компонент обыгрывает омонимию: *Linksanwalt — Rechtsanwalt.* В качестве атрибутивного компонента может выступать разговорный синоним соответствующей части исходной нейтральной единицы: *Schmiermittel — Bestechungsmittel;* в качестве определяемого элемента — гипоним, гипероним, эквоним: *Wohnsilo — Wohnhaus: Diese Häuser sind richtige Wohnsilos.* При сохранении в коллоквиализме атрибутивного элемента нейтральной единицы разговорная отмеченность возникает благодаря второму компоненту: *Hilfsbremser — Hilfslehrer, Büropalme — Büroangestellte.* Словосложение может осуществляться с участием парадигматических партнеров нейтрального слова и его компонентов — синонимов, антонимов, омонимов и т. п. Эти партнеры могут быть как нейтральными: *todschild — elegant, Maulsperrig — Redeverbot,* так и разговорными: *Heidenkrach — Auseinandersetzung, Zugtippse — Eisenbahnsekretärin, Wimmerzahn — Sängerin: Schallt doch endlich diesen W. aus!* Атрибутивный элемент обычно более конкретен и менее престижен, что ведет к пейоративизации единицы: *Gänsehautstreifen — Grusefilm, Knochentaxe — Körper-schadenbewertung.* Синонимическими отношениями разговорный и нейтральный синонимы иногда связаны покомпонентно: *Gripsmassage — Scharfsinnigymnastik.* Добавляемый атрибутивный элемент нередко не сообщает ничего дополнительного, кроме оценки, теряя при этом свои денотативные семы: *Idiotenkamera — Photobox, Erzgauner — Betrüger.* Теми или иными парадигматическими связями разговорно-нейтральные корреляты объединены и покомпонентно, тогда коллоквиализм — своего рода перевод нейтрального содержания разговорными средствами: *Schnauzenfiedel — Mundharmonika, Gripstester — Irrenarzt, Krüppelkarte — Schwerbeschädigtenausweis.* Компоненты такого

коллоквиализма сами по себе могут быть нейтральными, но, коррелируя с принципиально несовместимыми сферами действительности, объединяются в одном слове, что способствует возникновению комической коннотации и экспрессивности: *Benzindialekt* — *Kraftfahrersprache*, *Kilometerkunst* — *Panoramagemälde*.

Особую роль словосложение играет в универбации. В универбе [3] может сохраняться опорное слово нейтрального словосочетания, которое в коллоквиализме становится носителем категориального значения. Остальная информация свертывается в атрибутивный компонент метонимической, метафорической или ассоциативной семантики: *Trümmerfrau* — *ältliche Frau*, *Katerfrühstück* — *Frühstück nach durchzechter Nacht*, *Temperamentbolzen* — *temperamentvolle Frau*. В других универбах все значение словосочетания представлено переосмысленными компонентами, трансформирующими его семантику по линии конкретное/абстрактное: *Badeliebe* — *Flirt am Strand*, *sacharinsüß* — *geheuchelt freundlich*; *Sonnenbeter* — *Anhänger der Freikörperkultur*. Разрыв между формой и содержанием здесь больше, поэтому такой коллоквиализм более отвлечен, чем исходное словосочетание. Иногда связь между семантикой элементов словосочетания и коллоквиализма настолько эфемерна или, наоборот, имеет самый общий вид, что для понимания требуются значительные умственные усилия или предельная однозначность речевого акта: *Papiergespenst* — 'starke Vermehrung der im Umlauf befindlichen Geldscheine'.

Аффиксация как морфологический процесс присоединения аффиксов к корням или основам в разговорном словотворчестве отмечена некоторыми особенностями. Для большинства производных коллоквиализмов характерна смена семантических ролей компонентов: аффикс выражает основное понятие, а корень — видовое, модифицирующее, происходит «переключение логического центра» [4]. По составу аффиксы разговорного словопроизводства существенно не отличаются от аналогичного нейтрального процесса, но некоторые из них здесь более продуктивны, имеют меньше ограничений в присоединении к основам. Есть и собственно разговорные аффиксы и модели.

У разговорного и нейтрального синонимов может совпадать суффикс, обеспечивая тем самым формальную связь их значений: *Pinscher* — *Kleinlicher*, *Tüftler* — *Bastler*, *Kaltschnäuzigkeit* — *Gefühllosigkeit*. Корень коллоквиализма связан с нейтральной единицей метафорически, метонимически, ассоциативно. Особенно активны суффиксы существительных *-er* и *-e*, способные образовывать разговорные слова от любой части речи, удобные для свертывания информации в более компактную форму по сравнению с нейтральной лексемой: *Knaller* — *Publikumsliebbling*, *Heuler* — *Beifallruf*, *Tippse* — *Maschinenschreiberin*; *Penne*, *Bleibe* — *Schlafstelle*: «Nun, hasta du endlich eine neue Bleibe gefun-

den?» — fragt die Frau ihren geschiedenen Mann. Многие коллоквиализмы, образованные с помощью этих суффиксов, многозначны из-за полисемии самих суффиксов. Такие единицы могут неоднократно семантизироваться, соотноситься с разными референтами. По отношению к корню коллоквиализма референт является то субъектом, то объектом, то обстоятельством, т. е. готовая структура соотносится с разными мотивирующими основаниями: Knaller, Heuler, Riecher, Halte, Penne. Универсален суффикс -e, популярность которого в настоящее время несколько снизилась в сравнении с пиком его продуктивности в 60-е годы. Он дал немало разговорных слов, частично уже утративших экспрессивность, и продолжает образовывать окказионализмы: Abgewöhne, Verlade, Anschmeiße, Anschleiche, Verhaue, Abkoche, Anschaffe, Telefoniere, Spaziere, Bediene, Abzähle: Für die nächste Abzähle laß ich dir ein bißchen Zeit [5]. К собственно разговорным относится также суффикс -us: Schnabus — Schnaps; Pickus — Essen; Luftikus, Pffikus — Leichtlebiger. Среди коллоквиальных словообразовательных моделей продуктивна, например, такая основа существительного (кроме имен женского рода) + суффикс -rich: Gatterich, Quizerich, Bräuterrich, Demagogerich. Суффикс -itis, служащий в нейтральном словообразовании для создания номинаций заболеваний, образует коллоквиализмы с общим значением «чрезмерное увлечение чем-либо» от основ существительных [6]: Manageritis, Flitzeritis, Dichteritis, Substantivitis, Telefonitis usw.

Многие коллоквиализмы, образованные путем префиксации, сохраняют префикс исходного нейтрального синонима: Un-Fan — Jazzunkundiger, Beschub — Beschuß, berappen — bezahlen, Anraupzer — Anherrsung. Префиксы с обобщенным лексико-грамматическим значением вместе с разговорным корнем создают мотивированность единицы, беря на себя функцию передачи основного содержания и оставляя корню выражение качественной, оценочно-экспрессивной его характеристики; корень таких коллоквиализмов связан с нейтральной единицей семантически: abknutschen — liebkosen, aussaufen — leertrinken, Unhahn — Nörgler. Вокруг исходного нейтрального слова возникают целые ряды разговорных синонимов: например, значение беспрефиксного глагола schgörfen в разговорной речи облекается в форму, состоящую из типичного префикса и разговорного корня, благодаря чему в коллоквиализме эксплицируются скрытые смыслы нейтральной единицы: abdrücken, abgaunern, abknöpfen, ablauen, abluchsen, abservieren, abzapfen, abzwecken, ausmisten, abflöhen, absahnen, abstauben, abrahmen, vernaschen, ausschlachten, abgaulen, abzwacken, ablotsen, abschwätzen, abhandeln [7]. Большинство этих слов имеет конкретные нейтральные, нередко терминологические ЛСВ, которые с нейтральным синонимом объединяет сам характер обозначаемого действия (при несовпадении их объектов, предметов, целей, результатов). Дру-

гие созданы по готовой модели: префикс, информирующий о характере действия, + корень со значением оценки этого действия: *abgaunern*. Подобное явление наблюдается и в ряду *einbleuen, einochsen, einpauken, eintrichtern* — 'lehren'.

В суффиксально-префиксальной модели аффиксальная рамка заполняется коллоквиальным лексическим материалом: *Anreizer — Kundenfänger, Anreizerin — Bardame, Anreißer — Jahrmarkt — schreier, Verbauerung — Abstumpfung*. Аффиксальная рамка нейтральной единицы заполняется парадигматически связанной с ней лексемой (синонимом, гипонимом, метонимом и т. п.): *durchpennen — durchschlafen, auspowern — ausbeuten, Berieselung — Beeinflussung: Diese ständige Berieselung mit dem gleichen kann man nicht mehr ertragen.*

По модели *безаффиксного словопроизводства* путем конверсии образуются существительные от разговорных глаголов [8]. Синонимия существительных производна от синонимии соответствующих глаголов: *Dreh — Betrug (drehen); Graps — Handvoll (grapschen, grapsen); Busserl, Knutsch — Kuß (busserln, knutschen); Klöhn — Geplauder (dial. klöhnen); Pump — Borg (pumpen)*. Продуктивно и образование глаголов от разговорных существительных: *spektakeln — lärmern; koksen, torfen, pelzen, filzen — schlafen; nikotinen — rauchen; kilometern — marschieren; tigern — lange und weit laufen: Söhn! tigerte wieder im Zimmer auf und ab*. Некоторые коллоквиальные глаголы возникли по аналогии от существительных, входящих в фразеологические обороты: *kalendern — grübeln (Kalender machen); löchern — ausfragen (im ein Loch in den Bauch fragen): Mutter zum kleinen Kind: «Nun löcher mich doch nicht mit deinen ewigen Fragen» (по аналогии с löchern то же значение приобрел его заимствованный синоним по первичному нейтральному ЛСВ — *perforieren*); *asten, buckeln — schultern (из одномодельных равнозначных фразеологических синонимов: auf die Schulter, auf den Buckel, auf den Ast nehmen): Wir haben schon alle Säcke reingeästet*. Продуктивен такой путь для образования универбов: *buttern — Butterbrote essen; schnapsen — Schnaps trinken*. Корень нейтрального синонима по типичной модели включается в разговорный: *Geküsse — Küssen, Erblondung — Blondfärbung, einheimsen — heimholen*.*

Продуктивна модель с *полуаффиксами*, т. е. с серийными частотными элементами, среди которых выделяются полупрефиксы и полусуффиксы. К собственно аффиксам эти единицы не позволяют отнести их лексическое значение, которое не перестает ощущаться в суммарном значении коллоквиализма. Частотность, с которой они образуют новые единицы, сближает их с аффиксами. Нередко их семантическая роль ограничена экспликацией родовой семы: *одушевленное / неодушевленное, человек / нечеловек, мужской / женский пол* и т. п. Корень коллоквиализма представляет собой единицу, семантически, репре-

зентативно или тематически связанную с исходной единицей. Ряд полуаффиксов способен образовывать не только разговорные, но и нейтральные единицы: *-mann*: Flügelmann — Klavier-spieler; *-bruder*: Radaubruder — Lärm-macher; *-kind*: Teekind — Liebling; *-tante*: Storchentante — Hebamme; *-macher*: Mies-macher — Pessimist usw. Этимологически полусуффиксы являются номинациями животных (*Benzinhase* — Kraftfahrer, *Grasaffe* — Lebensun-erfahrener, *Murrkater* — Nörgler, *Brumbär* — Mürrischer, *Landratte* — Nichtseemann), именами собственными: (*Schmuspeter* — Schmeichler, *Begrüßaugust* — Empfangs-schef, *Papierfritze* — Schreibwaren-händler usw.), номинациями частей тела, регулярно метонимизирующимися для коллоквиальных обозначений человека (*Wendehals* — Opportunist, *Hasenfuß* — Ängstlicher, *Schlitzohr* — Betrüger, *Kindskopf* — Lebensun-erfahrener), номинациями помещений (*Affenstall* — Schulgebäude; *Flimmerbude* — Filmtheater), номинациями материала (*Wimmerholz* — Gitarre, Klavier, Mandoline; *Faulpelz* — Arbeitsscheuer), номинациями предметов одежды. (*Radaumütze* — Lärm-macher, *Blaujacke* — Seemann). Инвентарь серийных элементов пополняют новые, многие из которых коллоквиальны и неологичны: *-bulle*, *-kerl*, *-bursche*, *-girl*, *-star*, *-boß*, *-arsch*, *-bestie*, *-fresser*, *-bremse*, *-zahn*. Иногда сразу несколько частотных элементов создают в сочетании с различными атрибутивными компонентами целый синонимический ряд для обозначения одного референта: *Affenkasten*, *Klappmühle*, *Rappelkasten*, *Klapsdude*, *Klappkasten*, *Klappkiste* — *Nerven-klinik*. Коллоквиальные серийные элементы участвуют в семантизации заимствований, мотивируя их средствами немецкого языка: *Judenfresser* — Antisemit; *Pfaffenfresser* — Antiklerikaler (происходит покомпонентный перевод заимствования разговорными средствами: *-fresser* — 'Antei—', *Jude* — 'Semit', *Pfaffe* — 'Klerikaler'). Серийные элементы участвуют в создании коллоквиализмов, прикрепляясь к основе исходного нейтрального слова: *Nörgelpeter* — *Nörgler*, *Schlaupopf* — *Schlauer*, *Judebengel* — *Jude*, *Angstmeier* (-hase) — *Ängstlicher*, *Franzmann* — *Franzose*; *Lügenhaut* — *Lügner*: *Sie haben eine richtige Lügenhaut erzogen* — *Lügner bringen eben nichts anderes fertig*; или заменяя его определяемый компонент: *Ortsbulle* — *Ortsbürgermeister*, *Filmzicke* — *Filmschauspielerin*, *Büronixe* — *Büroangestellte*: *Der Chef hat eine neue Büronixe* — *höchstens 30*. Антономазийный элемент *-fritz* приобрел значение *Händler*, присоединяется к названиям различных объектов: *Kohlenfritze*, *Gemüsefritze*, *Apfelfritze*, *Kuchenfritze*. Частотные полупрефиксы большей частью служат потенцированию — выражают высокую степень какого-либо признака объекта, информируют об уровне экспрессивно-оценочного отношения и эмоционально не нейтральном состоянии говорящего: *Endskal-er* (*Mords-*) — *Großwüchsiger*, *Bombenapplaus* — *starker Beifall*, *Bierruhe* — *Geduld*, *Straßenstrauß* — *Blumenstrauß*, *knallge-*

sund — absolut gesund, Mordsärger — starker Ärger: Ich hatte mit dieser Arbeit nur Nordsärgen. Коллоквиализмы, значение которых строится на диссонансе разностильных морфем, обладают иронией [9]: superdoof — sehr dumm: Wenn er diese Aufgabe nicht rauskriegt, ist er superdoof. Возникают окказионализмы: Es gibt kein weiderlicheres Produkt der begabten, aber fehlgeleiteten menschlichen Hirne, als das künstliche Element, den *Superdreck*, namens Plutonium [10]. Использование большинства частотных элементов способствует пейоративной модификации значения исходной нейтральной единицы. Тенденция к пейорации вообще свойственна коллоквиализмам. Тем ярче из общей массы выделяются номинации типа: Schienenfee — Eisenbahnserketärin; Windsbraut, Wolkenbraut — Stewardess, Schaubox — Fernsehgerät; Praxisfee — Arzthelferin; Landstraßenkapitän — Lastwagenfahrer: Die Kapitäne der Landstraße sind wenigstens richtige Männer. Вполне вероятно и ироничное употребление таких предположительно позитивно заряженных коллоквиализмов.

Деформация нейтральных единиц как способ образования их разговорных параллелей сопровождается осложнением семантики исходной лексемы и достигается какого-либо рода ее сокращением или (реже) удлинением. Метонимическому сокращению в ряде случаев подвергается атрибутивный компонент исходного слова, в то время как определяемый компонент заменяется частотным серийным элементом, вносящим в семантику общекатегориальную сему: Eisbombe — Eiskunstläuferin, Lochmädchen — Lochmädchenstanzerin; Rollerbraut, Motorbraut — Motorroller-Motorradmitfahrer: Sie fahren zur Disco, und alle mit Motorbräuten. Сокращение иногда специально ориентировано на звуковой облик какой-либо лексемы, причем наличие семантической общности в этом случае не является определяющим: funken — funktionieren. Значения исходной и созвучной ей единиц могут быть достаточно далекими друг от друга, содержать контрастные семы. Такие коллоквиализмы звучат кощунственно, цинично: Konzertlager — Konzentrationslager, Kozi — Kommunist (структурно-семантические посредники последнего коллоквиализма — слово Kommunist, сокращения Nazi, Sozi, по образцу которых создана разговорная единица; существенно и созвучие с морфемой kotz-, вызывающее целый ряд негативных ассоциаций). Часть сокращений осуществляется по метонимическому типу: Blei — Bleistiit; Hand — Handschlag, Leder — Lederball. Сокращение на базе видового компонента позволяет коллоквиализму соотноситься с разными родовыми понятиями: Krimi — Kriminalroman и Kriminalfilm; Ami — amerikanischer Soldat, amerikanische Zigarette и amerikanisches Auto. Сокращение может привести к двусмысленности, которая снимается лишь контекстом: «Herr Oberleutnant...» — «Ober schon, aber Obermeister», fiel K. ihm ins Wort [11]. Возможны усеечения начальной части (аферезис): kanisch — amerikanisch, Schnitt — Durchschnitt: «Im Schnitt

fahre ich in der Stadt 60», sagt A. B.: «Das liegt schon etwas über dem Durchschnitt»; срединного компонента (синкопа): Unität — Universität, exen — extrinken, exmatrikulieren: Aus dem. 3. Studienjahr wurden 6 Studenten geext. Распространены буквенные сокращения с их слоговым вариантом: KZ, Kazett — Konzentrationslager; BH, Büha — Büstenhalter. Коллоквиализм может возникать в результате одновременного сокращения и перестановки элементов нейтрального синонима: Klem — Kilometer. Сокращенный вариант часто оформляется суффиксом: Lyze — Lyzeumädchen, Japs — Japaner, Konfer — Konfirmandenunterricht, Laster — Lastauto; Gebeimer — Geheimpolizeibeamter, Emanze — Emanzipierte: Seine Frau hat sich richtig zur Emanze entwickelt.

В отличие от сокращений структурное расширение единицы встречается нечасто (эпентеза) носит фонетический характер, используется с каламбурным намерением: kakademisch — akademisch, Kakademiker — Akademiker (ср. русск.: здря, страм, кумпол и пр.). В юмористических целях осуществляется перестановка и асемантическая замена компонентов, звуков: Urine — Ruine, Nokixel — Lexikon, prinzipipel, prinzipipisch — prinzipiell; ent oder weder — entweder oder: Na mußt du endlich entscheiden: ent oder weder? Суммарное значение фразеологизма может стягиваться в субстантивную форму. Ключевое слово становится обобщением всего значения: nackt — ohne Orden (из nackt im Kropfloch); Pudel — Fehlschluß. Понимание обеспечивается знанием целого фразеологизма. К усечениям примыкают случаи лексикализации единиц, относящихся к незначительным частям речи, которые становятся носителями смысла, выражаемого в нормативных условиях знаменательными частями речи или словосочетаниями: mit — Flasche mit etwas (Alkohol, Limonade); ohne — ohne Badeanzug, Badehose, Büstenhalter; es haben — krank sein; in sein — aktuell sein; Die Frage ist jetzt in; an — angezündet sein; daran sein — an der Reihe sein. Лексикализироваться могут аффиксы: an, durch, los, hin, aus, auf, istmus (суффиксы реже, чем префиксы). Лексикализованные отделяемые приставки становятся носителями смысла, присоединяясь к многозначным или диффузным глаголам: hinsein — hingegangen sein, aus sein — entkleidet sein, durchhaben — durchgelesen haben.

Синхронно не мотивированные единицы, соответствующие моделям корневого и производного слов в диахроническом плане, являются, скорее всего, результатом каких-либо семантических, словообразовательных, звукоподражательных или иных процессов, что в современном состоянии языка не ощутимо. В синхронии их внешняя форма воспринимается нейтрально, связана в сознании с разговорным стилем, с экспрессивно-оценочными свойствами единицы: Quanten — Füße, Fimmel — Geisteszerstörtheit, Posemuckel — Kleinstadt, Panz, Matz — Kind, Pfusch — Betrug; Hekmeck, Schmonzes, Kokores — Geschwätz.

Своеобразие при образовании разговорной лексики характеризует также два других общелексических пути: переосмысление и заимствование. Кроме этого, коллоквиализмы создаются и особыми, сугубо разговорными способами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. М., 1969. С. 424.
2. Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды МИФЛИ: Сб. статей по языкознанию. М., 1939. Т. 5. С. 124.
3. Беляева Т. М., Хомяков В. А. Нестандартная лексика английского языка. Л., 1985. С. 86—87.
4. Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. М., 1979. С. 158.
5. Mager H. Mord im Hotel. Halle; Leipzig, 1986. S. 232.
6. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / Под ред. М. Д. Степановой. М., 1979. С. 248.
7. Duden. Sinn- und sacherwandte Wörter und Wendungen / Bearb. von W. Müller. Bd. 8. Mannheim etc., 1972. S. 21.
8. Добрица А. Т. Семантические факторы словообразования безаффиксных отсубстантивных глаголов в немецкой разговорной речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Львов, 1983. С. 3—30.
9. Девкин В. Д. Указ. соч. С. 222.
10. Spiegel. 1986. N 28. S. 7.
11. Mager H. Op. cit. S. 169.

Структурные и функциональные особенности предложения и текста. Свердловск, 1989

В. М. МИНИНА

Архангельский пединститут

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОПИСАТЕЛЬНЫХ И ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ КОНТЕКСТОВ (на материале романа Г. Флобера «Мадам Бовари»)

Обсуждаются сущностные характеристики двух типов композиционно-речевых форм, описания и повествования, с учетом их логико-семантических, собственно лингвистических и композиционно-стилистических функций.

Проблема композиционно-речевых форм (КРФ), выступающих в художественном произведении в виде описания, повествования, рассуждения, издавна находилась в поле зрения лингвистов. Появившиеся в последнее время статьи, исследования, монографии, затрагивающие эту проблему, свидетельствуют о том, что интерес к данному вопросу возрос [1]. Определяющим фактором этих исследований является текстовый подход, сущность которого заключается в выяснении роли каждой КРФ в текстообразовании художественного произведения.

Современными лингвистами текст рассматривается как целостный комплекс языковых, речевых и интеллектуальных фактов в их связи и взаимодействии [2]. Именно с таких позиций следует подходить к изучению композиционно-речевой структуры художественного текста. КРФ определяются как семантические категории, как наиболее общие формы, отражающие структуру процесса мышления и регулирующие использование тех или иных языковых средств организации текста. Ведущим принципом организации языковых единиц выступает их структурное содержание, т. е. те глубинные логико-семантические отношения между элементами структуры КРФ, которые находят свое выражение в определенном расположении синтаксических единиц. Другими словами, КРФ выступают моделями типового лингвистического, прежде всего синтаксического, оформления [3].

В данной статье делается попытка выявить существенные характеристики двух типов КРФ с учетом их логико-семантических, собственно-лингвистических и композиционно-стилистических функций. Материалом исследования послужила V глава романа Г. Флобера «Мадам Бовари», повествующая о первых днях супружеской жизни Эммы и Шарля Бовари. Флоберовский текст дает возможность выделить в чистом виде описание и повествование, выступающие как целостные единицы и образующие отдельные абзацы главы. Обратимся к примерам.

Le jardin, plus long que large, allait, entre deux murs de bauge couverts d'abricots en espalier, jusqu'à une haie d'épine qui le séparait des champs. Il y avait, au milieu, un cadran solaire en ardoise, sur un piédestal de maçonnerie; quatre plates-bandes garnies d'églantiers maigres entouraient symétriquement le carré plus utile des végétations sérieuses. Tout au fond, sous les sapinettes, un curé de plâtre lisait son bréviaire [4].

Перед нами описание как самостоятельная целостная речевая структура со своим денотативным содержанием и логико-семантическими отношениями элементов. Разделяя мнение А. Б. Баранова, мы склонны считать, что описание есть вербализованное средство семантического фрейма «картина». Фрейм «картина» выступает как результат сенсорного восприятия статической ситуации. Ситуация в этом смысле — пространственно-временное соположение объектов, симультанно воспринимаемых индивидом [5]. На основании этого можно утверждать, что типовым содержанием КРФ «описание» выступает объект, предмет (в данном случае сад) со всеми ему присущими статичными признаками. Развертывание контекста заключается в перечне этих признаков, данных в определенной последовательности (un cadran solaire en ardoise, quatre plates-bandes, un curé de plâtre). Грамматическими реализаторами такой семантической зависимости являются соположенные самостоятельные синтаксически упорядоченные предложения. Синхронное расположение предметов в пространстве выражено локальными предикатами статальной

семантики (*il y avait, entouraient*) и обстоятельственными словами с предлогами локального значения (*entre deux murs, au milieu, tout au fond, sous les sapinettes*). В основе таких логических единств лежит параллельность связи (охват) [6], когда точная пространственная локализация доминирует над временным континуумом. Временная одноплановость (абсолютное употребление имперфекта) способствует симультанной цельности восприятия. Описание, выражающее статические признаки предметов, не допускает смещения временных планов. Цельная картина сада создается всей совокупностью перечисленных качественно-количественных признаков без раскрытия их внутренней связи.

Но в художественном тексте нельзя ограничиться раскрытием лишь логико-семантической сущности описания. Функционально-стилистическая значимость каждой КРФ представляет наибольший интерес для исследования. Соотношение различных точек зрения в плане пространственно-временных, психологических, идеологических, собственно-лингвистических отношений всегда выражает определенную оценку изображенного, образует то, что Б. А. Успенский называет «глубинной композиционной структурой» произведения [7]. Точка зрения определяет структуру всего текста как в плане содержания, так и в плане выражения [8].

Ключевым, определяющим моментом композиционно-стилистической структуры, «упаковки» данного фрагмента является то, что с первой же строки (см.: *Le jardin, plus long que large, allait...*) в описание включена субъектная сфера персонажа. Причем в авторской речи нет речевых примет героини, но предметы описываются в той последовательности, как их видит идущая по саду Эмма. Заметим также, что присутствие героини в контексте эксплицитно не выражено, нет ни прямой, ни косвенной номинации персонажа типа *Emma allait, elle voyait*. Конкретность, точность, рельефность в расположении предметов «как они есть» и составляет суть «объективированной прозы» Флобера. Персонафикация предметов (неодушевленные предметы выступают в роли грамматических субъектов: *le jardin allait..., un curé de plâtre lisait...*) приводит к так называемому «анимизму», образному оживлению синтаксиса и этим самым «выдает» присутствие героини. Сегментированные фразы, акцентированные обстоятельства создают особый ритм, соответствующий медленному продвижению вперед. Флобер «заставляет увидеть» описываемое глазами персонажа-рефрактора [9]. Автору важно обратить внимание читателя не столько на описываемый объект, сколько на ощущения, переживания, в целом на восприятие увиденного персонажем. Одновременно автор преследует и другую цель — поставить читателя на место героини, заставить его войти во внутреннее пространство художественного мира романа, взглянуть на окружающее глазами Эммы, проникнуться ее ощущениями, мыслями. Другими словами, читатель должен почувствовать

реальность как нечто, существующее независимо от автора.

Описание как особый тип изложения соотносится с *показом*. Показ есть пошаговое изображение действительности, позволяющее расчленить, представить ее со множеством подробностей. Главное назначение его — «остановить кадр», показать описываемое как можно конкретнее и приближеннее к реальной действительности [10]. Именно к такому отображению действительности и стремится Флобер, выразив свое эстетическое кредо словами: «Надо писать картины, изображать натуру как она есть...» [11]. Строгая конкретность в обозначении предметов по их цвету, форме, фактуре, назначению вплоть до количественных характеристик (*quatre plates-bandes*), их дискретное, детальное описание крупным планом способствует зрительной наглядности, чтобы вызвать у читателя чувство непосредственной сопричастности. Читатель как бы сам создает общую картину сада, становясь спутником героини.

Особенности описательного контекста выявляются с большей очевидностью при сравнении его с другим абзацем главы:

Elle s'occupe, les premiers jours à méditer des changements dans sa maison. Elle retira les globes des flambeaux, fit coller des papiers neufs, repeindre l'escalier et faire des bancs dans le jardin, tout autour du cadran solaire; elle demanda même comment s'y prendre pour avoir un bassin à jet d'eau avec des poissons. Enfin son mari, sachant qu'elle aimait à se promener en voiture, trouva un BOC d'occasion, qui, ayant une fois des lanternes neuves et des garde-crotte en cuir piqué, ressembla presque à un tilbury.

Можно сопоставить данный контекст с предыдущим по всем параметрам, как логико-семантическим, так и собственно-лингвистическим, стилистическим. Фрейм «картина» описания уступает место фрейму «сцена». Фрейм «сцена» соотносится с событиями, процессами, действиями, характеризующимися динамической сменой фаз, признаков. В основе таких логических единств лежит последовательность (цепь). Грамматическими реализаторами такой последовательности выступают глаголы в *Passé simple* (*s'occupe, retira, fit coller, demanda, trouva, ressembla*). Предметно-качественная доминанта описательного контекста заменена глагольно-предикативной тематической цепью, которая и образует его денотативное содержание.

Повествование — это *рассказ* как особый тип изложения. Он противопоставлен показу прежде всего по способу подачи материала — как бы общим планом, результативно. Результативность выражена видовременными оттенками *Passé simple*. Повествовательная глагольная форма *Passé simple* противопоставлена описательному *Impréfait* с целью контрастного изображения временного плана. Замедленное течение времени в первом контексте контрастирует с быстрым его протеканием во втором. Почти равные отрезки текста (9—11 строк) вмещают разные проме-

жутки фабульного времени. События второго контекста происходят в течение нескольких дней, тогда как знакомство героини с садом занимает несколько минут. Флобер как бы «раздвигает» временные рамки для передачи более значительных моментов в жизни персонажа. В данном случае речь идет о первых впечатлениях Эммы. Поэтому в первом контексте писатель стремится к такому идеальному отображению реальной действительности, когда реальное время и художественное почти совпадают. Рассказ выполняет сюжеторазвивающую функцию, т. е. в целом определяет сюжетное развитие эпического текста, переданного в *Passé simple*.

По мнению Р. Барта, значение *Passé simple* в художественном произведении не ограничивается временными параметрами. Его назначение — установление динамики, иерархии между фактами, событиями (*Le passé simple «vise à maintenir une hiérarchie dans l'empire des faits...»*) [12]. Более того, это время всезнающего и всевидящего повествователя-демиурга («*Derrière le passé simple se cache toujours un démiurge...*») [13], который и осуществляет поиск опорных точек сюжета, выбор подлежащих изображению событий, введение и первоначальное наименование объектов художественного изображения — персонажей. В этом смысле можно говорить о монологическом характере повествовательных контекстов, принадлежащих лишь одному субъекту речи — повествователю, занимающему особое положение (в данном случае чисто внешнее) в пространственно-временном континууме художественной действительности. Флобер старается всячески избежать данной формы изложения, вскрывающей наиболее явно присутствие некоего динамичного повествователя. Автор и в рассказе пытается «вклинить» отголоски речи персонажа (см. графически выделенное автором слово *vos*, принадлежащее идиолекту Шарля). Флобер и здесь держит читателя в поле зрения и постоянно стремится активизировать его внимание. Присутствие таких слов, как *même*, *enfin* способствует установлению контакта между рассказчиком и читателем. Но в целом рассказ противостоит показу по функции воздействия. Картинное изображение предметов объективно производит на читателя более сильное впечатление, чем итоговый рассказ. Поэтому, поскольку Флобер строит свой роман не на драматическом сюжетном развитии, а на последовательной смене картин, не исключено, что он осознавал или чувствовал это различие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Проблеме композиционно-речевой структуры текста посвящены исследования М. П. Брандес, И. Р. Гальперина, О. А. Нечаевой, В. В. Одинцова, З. И. Хованской и др.
2. Новиков А. И. Семантика текста и ее формализация. М., 1983. С. 4.
3. Рымжанова З. М. Лингвистические особенности повествования в художественном тексте (на материале немецкоязычной импрессионистской прозы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986.

4. Flaubert G. Madame Bovary. М., 1974. С. 69—70.
5. Баранов А. Г. Когнитивный компонент высказывания и текста // Актуализация лингвистических единиц разных уровней. Краснодар, 1985. С. 22—28.
6. Одинцов В. В. Стилистика текста. М., 1980. С. 95.
7. Успенский Б. А. Поэтика композиции. М., 1970. С. 16.
8. Тураева З. Я. Опыт описания категории текста // Анализ стилей зарубежной литературы. Л., 1982. С. 5.
9. Лихачева Л. Н. Особенности лингвистической структуры текста в связи с образом рефрактора // Текст и его компоненты как объект комплексного анализа. Л., 1986. С. 62.
10. Ильенко С. Г. Предложение в текстовом аспекте // Предложение в текстовом аспекте. Вологда, 1985. С. 11.
11. Флорбер Г. О литературе, искусстве, писательском труде. Письма. Статьи. М., 1984. Т. 1. С. 262.
12. Barthes R. Le passé simple dans la langue des belles-lettres // Stylistique française: Хрестоматия по французской стилистике / Сост. Э. М. Береговская. М., 1986. С. 109—111.
13. Loc cit.

Структурные и функциональные особенности предложения и текста. Свердловск, 1989

Н. В. ПЕСТОВА

Свердловский пединститут

**СИСТЕМНОСТЬ И НОРМАТИВНОСТЬ
ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА**

(на примере транзитивации непереходных глаголов
в немецком языке)

На примере транзитивации непереходных глаголов в немецком языке показывается, каким образом стандартный язык может быть использован в такой сложной и своеобразной функции, как поэтическое повествование. Поэтический язык рассматривается как язык с установкой на эстетически значимое творчество, что позволяет оценивать окказиональные явления в сфере грамматики, как проявление множественности и гибкости нормы, а не как отклонение от общеязыковой литературной нормы.

Как известно, единой и всесторонне аргументированной теории поэтического текста в лингвистике до сих пор не существует, однако прослеживается тенденция отхода от популярного прежде представления о поэтическом языке как аномальной структуре [1], предпринимаются исследования, направленные на выявление системности поэтического языка, установление стандартности, регулярности и намеренности использования различных средств и приемов.

Существование текстовых норм, признанное в коммуникативной лингвистике и стилистике, позволяет в значительной степени сбалансировать различные точки зрения на системность и нормативность тех или иных языковых явлений [2]. Будучи нормативным в определенном типе текста, языковое явление

может не входить в общеязыковую литературную норму или быть только потенциально отнесенным к ней. В то же время оно признается системным, так как может быть создано по продуктивной языковой модели, характеризующейся для данного языка регулярной воспроизводимостью, обладающей «прозрачной» грамматической и лексической семантикой, т. е. полностью отвечает критерию понятности.

В данной статье отстаивается тезис о системности средств поэтического языка и на примере транзитивации непереходных глаголов немецкого языка демонстрируется возможность использования *стандартного* языка в такой сложной и своеобразной функции, как поэтическое повествование.

Поэтический язык (стихотворный и прозаический) определяется как язык с установкой на эстетически значимое творчество, хотя бы и самое минимальное, ограниченное рамками одного только слова [3]. Это творчество осуществляется главным образом посредством семантических и функциональных преобразований языковых средств, а не путем несложных формальных изменений. Лингвисты все более склоняются к мнению, что поэтические средства не образуют специальной системы, а опираются на системные отношения языка внехудожественных областей. Различные семантические переосмысления, возникновение окказиональных поэтических эмфатических смыслов, приращение семантической информации, дающие увеличение общего объема поэтического высказывания, осуществляются путем творческого использования всех формальных и смысловых потенций литературного языка. По мнению В. В. Виноградова, «любое языковое явление может приобрести характер поэтического в определенных творчески функциональных условиях» [4].

Таковыми условиями становятся, во-первых, поэтический «возможный мир» (по определению Я. Мукаржовского), созданный воображением поэта, и, во-вторых, читатель, настроенный на создание и понимание этого вымышленного мира, отличающегося от мира реального. Читатель должен произвести ряд «истолковывающих» операций, которые помогают вскрыть все потенциальные возможности языка, не используемые в стандартном употреблении. В этом процессе более значительная роль отводится его креативной (творческой) компетенции, чем просто языковой, которой оказывается недостаточно для восприятия деавтоматизированных поэтических текстов. Анализ поэтического текста показывает, что одним из механизмов его эстетического воздействия является взаимодействие или столкновение языковой компетенции и компетенции креативной; наложение привычного, автоматизированного на нестандартное, не укладывающееся в рамки обычных знаний и представлений о языке.

Грамматические знания отличаются систематизированностью, жесткостью, единообразием и составляют ядро языковой ком-

петенции, поэтому наибольшего эффекта воздействия можно ожидать там, где творчески переосмысливается и обыгрывается грамматическая семантика как наиболее привычная и устоявшаяся. Так называемая «игра грамматических сем» в большей степени, чем лексических, ведет к деавтоматизации языкового кода, так как в этом случае размываются рамки самых категорических нормативных предписаний. Выход языкового явления за рамки языковой компетенции и включение компетенции творческой, а значит сотворчество, и становится, по сути дела, самой большой ценностью при воздействии поэтического текста.

При анализе того или иного поэтического окказионализма нередко говорят о «навязывании» автором своего видения мира, образа мышления, поэтического отношения к слову. Действительно, сам поэтический текст *организует* его восприятие, часто заставляет принять мир, находящийся в противоречии с объективным миром. Одно из средств такой организации и «навязывания» восприятия — грамматическая семантика, что прекрасно иллюстрирует явление транзитивации непереходных глаголов. Приведем несколько примеров:

*Es schweigt die Seele den blauen Frühling...
Es schweigt der versteinerte Mund
Das dunkle Lied der Schmerzen.
Die alten Wässer gurgeln ein blaues Lachen...
Laß, wenn deine Stirne leise blutet
uralte Legenden
und dunkle Deutung des Vogelsflugs.
Näher rauscht der blaue Quell
die Klage der Frauen.*

(G. Trakl)

Как известно, все переходные глаголы обладают семей «направленность действия» (исключение составляют глаголы, в силу своего управления относящиеся к транзитивным, но не обозначающие действия: haben, enthalten, erhalten, fassen, besitzen, bekommen), которая прочно закреплена в нашем сознании. Вовлекая читателя в свой поэтический мир, автор опирается на эти знания и создает конфликт между грамматической и лексической семантикой. Транспозиция глаголов из сферы непереходных в сферу переходных автоматически сообщает им дополнительное значение целенаправленного действия:

*Es schweigt der versteinerte Mund
Das dunkle Lied der Schmerzen...*

Употребление глагола *schweigen* может быть оправдано такой, например, интерпретацией: «окаменевший от горя рот молчит, но молчание его красноречивее всяких слов говорит о боли и страданиях». Использование его как переходного позволяет лаконично и глубоко раскрыть художественный замысел. Такую же функцию он выполняет и в следующем поэтическом отрывке: —

Du schweigst uns die Vergänglichkeit,

Es blüht aus dir nur die Gebärde.
Aus aufgeworfener Ewigkeit
Bist du nur Sandkorn unserer Erde.

(H. Wohlgemut) —

«ты не говоришь о бренном, но о нем говорит весь твой облик, каждый твой жест».

В другом фрагменте впечатление осмысленности и направленности действия создается транзитивацией глагола в результате присоединения к нему переходного префикса:

Rose

Was flammt dein Purpur
in den weiten Tag hinein?

(G. Schramm)

Необыкновенная поэтичность отличает следующий стихотворный пример, в котором нетрадиционное употребление глагола *fließen* приковывает внимание читателя:

Ich fließe Silbertöne der Etüde
Und bin nicht mehr und doch vertausendfacht.
und breite über unsere Erde: Friede.

(E. Laskner-Schuler)

Глагол *lachen* как транзитивный может выступать только в словосочетаниях типа *Tränen lachen*. Расширение его валентности составляет ту скрытую информацию, которая оказывается самой существенной для интерпретации словосочетания в стихотворении в целом.

Ach du. Ein Mensch, der mir sein Leben lacht,
das meine lockt aus mir heraus.

(U. Berger)

— возникает образ человека, несущего свою жизнь в дар другому и испытывающего от этого величайшие радость и счастье. Аналогично построено следующее необычное словосочетание:

Vor Kerzen

Ihr Leuchten zitterte Antwort herbei.
Ich konnte nur ahnen, nicht fassen.

(G. Schramm)

Пламя свечи, с которым лирический герой ведет диалог, трепещет, кажется живым, и в его дрожании чудятся ответы на самые сокровенные вопросы. Таков примерно контекст, в котором возможно появление глагола *herbeizittern*. Семантика слова полностью перестраивается с возникновением дополнительного грамматического значения, которое сообщается непереходному глаголу *zittern* с помощью префикса *herbei-*, имеющего значение «приближение к говорящему».

Все приведенные примеры свидетельствуют об обостренном внимании поэзии к слову со всеми его выразительными возможностями, включая и потенциальные, которые могут быть наведены грамматической семантикой, не присущей данному слову. Намеренное добавление к слову или классу слов формально-

грамматических показателей, им не свойственных, с опорой на ассоциативные возможности мышления и четкие представления о традиционной закрепленности за этими показателями совершенно конкретной семантики (иными словами, наша языковая компетенция) способствует значительному приращению смысла, порождает процедуру семантического развертывания, домысливания, включает нашу креативную компетенцию. Так, различной может быть читательская трактовка проанализированного явления в следующих поэтических отрывках:

Dieses Lachen

nun *deine Klagen hinweglacht...*

(K. Michel)

Sie *prügeln in nus hinein das Böse...*

(J. R. Becher)

Sanfte Glocken *durchzittern die Brust.*

(G. Trakl)

Abendsonnenstrahlen *zittern*

Gold auf stille Wiesen hin...

(E. v. Feuchtersleben)

...und ich möchte *horchen herein und hinaus*

in dich, in die Welt, in den Wald.

(R. M. Rilke)

Очевидно, что семантика приставок *hinweg-*, *hinein-*, *hin-*, *herein-*, *hinaus-* переходит на семантику глагола в целом и сообщает ему новое значение направленности действия. Это новое грамматическое значение богато сложными ассоциациями и несет существенную функциональную нагрузку. Новообразования такого типа иллюстрируют возможности языкового и поэтического творчества в минимальном контексте — в рамках слова.

Каково место подобных новообразований в системе и норме языка? Базируется ли необычность таких конструкций на их «выпадении» из системы и нормы языка? На первый взгляд, их можно представить как отклоняющиеся от кодифицированной литературной нормы, как не зафиксированные в словаре современного немецкого языка. Однако традиционность поэтического приема, в результате которого они возникают, продуктивность модели и ее регулярная воспроизводимость, абсолютная понятность новообразований говорят о том, что их можно рассматривать как потенциальные по отношению к системе и норме литературного языка. Отклоняются они лишь от простых, легко воспринимаемых структур. Но ведь структурная и семантическая сложность — норма для поэтического текста; «она как бы встроена в его каркас как один из его признаков, не обязательный, но довольно часто проявляющийся» [5]. Такая сложность не перечеркивает диалогической сущности поэтического текста, «остраненная» форма не уничтожает двусторонности коммуникативного акта, а расширяет его возможности, обогащает его языковую и смысловую палитру.

1. **Структура** и функционирование поэтического текста. Очерки лингвистической поэтики. М., 1985; **Пестова Н. В.** Множественность грамматической нормы в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.

2. **Пестова Н. В.** Поэтические окказионализмы в свете проблемы соотношения системы и нормы языка: Сб. научн. тр. М., 1986. Вып. 268. С. 118—123.

3. **Григорьев В. П.** Поэтика слова. М., 1979; **Ковтунова И. И.** Поэтический синтаксис. М., 1986.

4. **Виноградов В. В.** Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963. С. 170.

5. **Гальперин И. Р.** О принципах семантического анализа стилистически маркированных отрезков текста // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 274.

Структурные и функциональные особенности предложения и текста. Свердловск, 1989

И. К. ШМИДТ

Свердловский пединститут

**ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ГРАНИЦ ТЕКСТА**

Исследуются вопросы композиции словесного художественного произведения. Основопологающим свойством текста признается наличие у него начала и конца, их зависимость от смысла произведения, от общих культурных моделей. Модели культуры, с высокой отмеченностью начала определенным образом связаны с текстами, ограниченными только с одной начальной точки. С понятием конца связываются определенные сюжетные ситуации, основной замысел автора.

Вопросы лингвистических исследований текста занимают в настоящее время одно из ведущих мест в науке о языке. Это не случайно. В некоторых областях, например в функциональной стилистике и лингвистике текста, накоплен значительный объем наблюдений над частными вопросами организации сверхфразового единства — тема-рематическая организация СФЕ, различные способы и средства его связности [1], большой материал, относящийся к различным грамматическим категориям текста — обязательным и факультативным [2]. Вместе с тем ряд определений текста вызывает многочисленные дискуссии. Одно из них признает существование некоего речевого произведения, не имеющего границ. Естественно, это положение вызывает возражения. В противовес ему более верным нам представляется утверждение: «...в своем правильно оформленном виде текст имеет начало и конец. Текст без начала и конца может существовать лишь как отклонение от типологически установленного образца текста» [3].

Наличие начала и конца текста часто связано с его протя-

женностью. «По мере увеличения длины высказывания,— пишет Ю. С. Степанов,— для говорящего возрастает свобода выбора форм. Поэтому степень выражения индивидуальности личности ... является функцией текста» [4]. Свобода выбора формы и выражение индивидуальности взаимозависимы. Эти же понятия оказываются определяющими при попытке объяснить отличие прозы от поэзии как особых типов речи.

«Стихи пишутся затем, чтобы сказать больше, чем можно в прозе» [5]. Это кажущееся парадоксальным высказывание В. Я. Брюсова перекликается со словами Л. Н. Толстого: «Пришло бы место, где моя мысль потребовала бы больше сжатости, силы, законченности, и вышли бы стихи» [6]. Подобные мысли присущи многим прозаикам и поэтам.

Большинство лингвистов, придавая существенное значение графике при различении стихов и прозы, считают прозу как художественное явление более сложной структурой, чем поэзия. «В иерархии движения от простоты к сложности расположение жанров другое,— пишет Ю. М. Лотман,— разговорная речь — песня (текст+мотив) — классическая поэзия — художественная проза. Разумеется, схема эта имеет характер лишь грубого приближения» [7]. Данная проблема также связана с отношением текста к ожиданию читателя, эстетическим нормам эпохи, привычным сюжетным и иным штампам, к жанровым закономерностям. Рассматривая прозу Пушкина в ее динамике, Н. Н. Петрунина замечает, что «в ходе эволюции Пушкина-прозаика расширялся охват изображаемого им предметного мира, формировались и совершенствовались способы его воспроизведения и интерпретации, сменялись культурно-психологические типы героев и — соответственно — фабульные коллизии и сюжетная архитектура, происходили обновление и модификации жанровых форм» [8].

Как утверждали Б. М. Эйхенбаум, Ю. Н. Тынянов, С. М. Бонди, В. В. Виноградов, Б. В. Томашевский, а позднее — Д. Д. Благой, С. Г. Бочаров, Л. С. Сидяков, несмотря на устойчивое противопоставление стихов и прозы как своего рода противоположных полюсов художественного творчества, требующих от автора принципиально разного подхода и стилевых установок, между стихами и прозой существует определенное взаимодействие. «Естественнее и плодотворнее рассматривать стих и прозу не как две области с твердой границей, а как два полюса, два центра тяготения, вокруг которых исторически расположились реальные факты... Законно говорить о более или менее прозаических, более или менее стихотворных явлениях», — к такому выводу пришел Б. В. Томашевский [9].

Как видим, стихи или проза — это не только материальная выраженность структурного построения какого-либо текста, но и определенная всем типом культуры функция текста. Функция, которую выполняет текст, является существенным фактором,

формирующим его протяженность, форму, структуру и мысль. Как возникает ассоциативный образ? Автор соединяет в своем творчестве, казалось бы, несоединимые стилистические пласты, как, например, у Б. Пастернака высокие поэтизмы, научная терминология сосуществуют с разговорными выражениями и оборотами, профессионализмами.

Остановимся на функции текста и его протяженности. Например, «Быть знаменитым некрасиво...» — начало известного стихотворения Б. Пастернака — представляет собой вполне законченный текст, в котором мысль выражена кратко, сжато, ясно и вполне определено. Читателями это высказывание воспринимается как афоризм, но, чтобы стать им, оно должно было получить объяснение из-за своей парадоксальности. Поэтому оно включается в особый коммуникативный контекст, который комментирует, объясняет, подкрепляет мысль, высказанную в первом стихе. Очевидно, что цель автора заключается не столько в простой декларации мысли, сколько в перечислении тех этических принципов, согласно которым «быть знаменитым некрасиво». И протяженность текста составляет семь строф. Другой пример. Простое английское *Time flies* воспринимается как законченный текст. Однако это предложение становится частью другого текста большей протяженности, где выражена совершенно иная мысль: «*Time flies*». — «*You can't. They fly too fast*». *Time flies* в этом контексте может рассматриваться как пример синтаксической омонимии и тогда *Time flies* приобретает другое значение. Юмор же в том, что эта реплика понята неверно, отсюда и новый контекст.

И первый, и второй примеры приводят к мысли о том, что «текст» обладает свойством амбивалентности. Он может выступать, с одной стороны, самостоятельно, представляя собой законченный текст, с другой стороны, быть частью другого текста, выполняя второстепенную, подчиненную роль. В этом свойстве заключена одна из трудностей его определения. Другой вывод, к которому мы приходим, заключается в том, что возможны два случая продуцирования текста: 1) включение законченного текста (половицы, поговорки, афоризмы, универсальные высказывания) в новый текст в зависимости от коммуникативной установки; 2) вычленение части текста и превращение ее в самостоятельный текст. Примером тому могут служить *familiar questions*.

Известно, что в законченном тексте все его части подчинены главной мысли независимо от его протяженности. Он может состоять из любого количества предложений, СФЕ, абзацев, глав и т. д. Думается, что, устанавливая границы текста, особое внимание следует обратить на заглавие, начало и конец текста, т. е. на части текста, находящиеся в сильной позиции. Недаром одно из требований, предъявляемых к сочинениям, это требование правильной композиции.

Вот перед нами сочинение учащегося из книги американской писательницы Бэл Кауфман «Up the Down Staircase»: Life, Be Not Proud Life, be not proud, thou hast made many mistakes tho thou hast had a chance to be beautiful, yet thou hadst fouled it up. Why is there suffering and troubles galore? Why is there man's inhumanity to man? Why is there prejudice between all the races? Why is there Jails and hoor houses and lynchies and unemploy-ment? Why is there death? Life, be not proud!

В нем много ошибок, но с композиционной точки зрения оно безукоризненно и может быть примером того, как должен быть оформлен текст. Сочинение это отвечает всем требованиям, предъявляемым к законченному тексту. Заглавие, первое и последнее предложения, образующие кольцо (framing), не только заключают в себе главную мысль, но и делают ее особенно выразительной благодаря трехкратному повтору life, be not proud. Почти все предложения-вопросы: Why is there suffering and troubles galore? Why is there man's inhumanity to man? Why is there prejudice between all the races? Why is there jails and hoor houses and lynchies and unempolyment? — могут рассматриваться как риторические не потому, что не требуют ответа, а потому, что ответить на них практически невозможно, особенно подростку. Каждый из этих вопросов, таким образом, в экспрессивной форме выражает законченную мысль о той или иной несправедливости жизни и может быть воспринят самостоятельно, независимо от своего окружения. Однако, будучи включенными в текст большей протяженности, риторические вопросы теряют свою самостоятельность и выполняют в нем подчиненную роль. Перечисление всех страданий, несправедливостей жизни делает мысль, заключенную в предложении Life, be not proud, логически завершенной, эмоционально выраженной, предельно искренней. Отсюда и восклицательный знак в конце текста.

Рамка литературного произведения состоит из двух элементов — начала и конца. Начало имеет определенную моделирующую функцию. Оно свидетельствует о существовании факта, объясняет и оценивает этот факт. Интерес читателя прежде всего обращен к началу — кто есть кто? откуда что повелось? Функция конца тоже очень значительна. Всем известно стремление заглянуть в конец книги, узнать, чем дело кончилось. Поэтому традиционно правильными считаются тексты с синтагматически организованными сюжетными элементами. Известны конкурсы на создание рассказа, имеющего начало, середину, конец и соответствующий заголовок. Примером этому может служить конкурс, проведенный журналом «Sunday Telegraph» в 1982 г. Лучшими признаны тексты с ярко выраженными рамками. Вот один из таких рассказов.

The Cocksure Chicken

«I came first», declared the chicken. Her psychiatrist was very

pleased: «We have so many cases of eggomania; pulloprimacy makes a nice change». One night the fox came. Passing the eggs without a second glance, he seized the chicken and made off. «With me chickens always come first», he said.

Несмотря на значимость начала и конца в тексте, на практике мы встречаемся с текстами, не имеющими границ. Точнее, их начало и конец не всегда представлены формально и выражены эксплицитно. Функциональный стиль разговорной речи является ярким примером этого явления. Как в музыке паузы между частями, кажущееся отсутствие начала и конца легко восполняется содержательно. Произведениям художественной литературы прием компрессии также не чужд. Примеров тому множество. В летописях, например, конец принципиально исключается, так как они требуют продолжения. Среди текстов, которые не имеют традиционного завершения, известны такие, как «Сентиментальное путешествие» Л. Стерна, пьесы Л. Пиранделло, стихи Э. Диккинсон, различные серии новелл, романов, продолжающихся потому, что автор не «знает», как поступить с полюбившимся ему или читателям героем. Известны также и «безначальные» произведения. Вспомним сонет У. Шекспира с началом, более похожим на продолжение:

My mistress's eyes are nothing like the sun.

Corals are far more red than her lips red...

Многие произведения Э. Хемингуэя начинаются как бы с середины (*in medias res*), что, по мнению автора, сразу вовлекает читателя в повествование, способствует быстрому установлению контакта с ним. Преподавателям аналитического чтения часто приходится на занятиях иметь дело с отрывками из того или иного произведения, которые относительно самостоятельны и одновременно являются частью какого-либо романа, повести, рассказа. Именно это свойство текста — быть самостоятельным и подчиненным одновременно — позволяет анализировать в качестве текста отрывки из произведений. Одной из трудностей при анализе является вычленение частей из целого текста. Ведь для того, чтобы понять целое, важно правильно вычленить части, из которых оно состоит.

There are two essentials in public speaking, beyond the power of expression in clear and simple language. The first is sincerity, without which one must be a mighty good actor to convince one's hearers whether it be in the classroom or on the public platform: and the second is the mentality of one's audience, which often has to be gauged on the spot. Take as a classical example the two great speeches in «Julius Ceasar». Brutus speaks from his heart. He weighs his arguments logically and philosophically. «As Ceasar loved me, I weep for him; as he was fortunate, I rejoice at it; as he was valiant, I honour him; but as he was ambitious, I seew him». But he speaks to the Roman citizens as though they were his intellectual equals and his arguments do not carry

lasting conviction. Mark Antony, on the other hand, knows his audience. He plays upon them — their pride, their affection, their simplicity, their selfishness — and his speech gets home.

(Guy N. Pecoock, Modern Prose)

В отличие от текста, взятого из романа «Up the Down Staircase», данный текст состоит из нескольких частей, точнее из трех, с нечетко выраженными границами, в каждой из которых заключена отдельная мысль. Все эти части, заключающие в себе обособленную мысль, служат раскрытию главного предмета обсуждения (what the two essentials of public speaking are). Связь между начальным и конечным предложениями не столь очевидна, как в тексте из «Up the Down Staircas», но без особого труда ее можно представить следующим образом: If you know the essentials in public speaking, your speech will get home. Предложения внутри текста, т. е. стоящие между первым и последним предложениями предлагаемого отрывка, раскрывают эту идею, помогают читателю в трудном «искусстве быть читателем». Данный текст интересен и с методической точки зрения, так как может служить иллюстрацией того, как следует логически правильно и ясно строить текст. Главные достоинства приведенного текста — точность, краткость и ясность выражения мысли. Достигается это внутренней связностью мысли, точностью слов и выражений, соблюдением логической последовательности и неразрывностью мысли. Классический пример из «Юлия Цезаря» как нельзя лучше подкрепляет аргументацию автора отрывка и делает ее убедительной.

Известно, что один и тот же текст отличается способностью выдавать разным читателям различную информацию — каждому в меру его понимания. Объясняется это тем, что художественный текст обладает свойством концентрировать огромную информацию на небольшой «площади». С этим связана множественность возможных прочтений художественного текста. Чтобы проникнуть в подлинный смысл произведения, необходимо помимо лингвистических исследований привлекать литературоведческие данные о художественном направлении, к которому принадлежит произведение, эпохе создания произведения, мировоззрению автора и т. д. Следовательно, текст — это та область исследования, где лингвистика и литературоведение пересекаются и обогащают друг друга. Существует немало текстов, которые не могут быть поняты без литературоведческих данных. Приведем пример такого текста, вернее, отрывок из него.

В. Л. Давыдову

Меж тем как генерал Орлов,
Обритый рекрут Гименея,
Священной страстью пламенея,
Под меру подойти готов;

Меж тем как ты, проказник умный,
Проводишь ночь в беседе шумной,
И за бутылками аи
Сидят *Раевские* мои —
Когда везде весна младая
С улыбкой распустила грязь,
И с горя на берегах Дуная
Бунтует наш *безрукий князь*...
Тебя, *Раевских* и *Орлова*,
И память *Каменки* любя,
Хочу сказать тебе два слова
Про Кишинев и про себя.
На этих днях, *среди собора*,
Митрополит, седой обжора,
Перед обедом невзначай
Велел жить долго всей России
И с *сыном птички* и *Марии*
Пошел христосоваться в рай...
Я стал умен, я лицемерю —
Пощусь, молюсь и твердо верю,
Что бог простит мои грехи,
Как государь мои стихи.

(А. С. Пушкин)

Для понимания стихотворения необходимо знать значение слов и выражений, особенно тех, которые подчеркнуты, а также людей, чьи имена упомянуты в тексте. Незнание идиом, исторических и библейских аллюзий, фактов из жизни поэта, его политических и религиозных взглядов препятствует пониманию текста. Большую роль при анализе этого стихотворения должно сыграть литературоведение.

Определение понятия «текст» затруднительно. Но вышеизложенное позволяет нам сделать следующий вывод. Текст — это связанное произведение речи, имеющее границы, имплицитно или эксплицитно выраженные, обладающее свойством амбивалентности. Протяженность текста зависит от его функции, типа речи, жанра, литературного направления, индивидуальных особенностей, писательской манеры. Выбор писателем определенного жанра, стиля или художественного направления есть выбор языка. В этой связи интересно замечание Оскара Уайльда о Тургеневе и Толстом в его эссе «A Batch of Novels»: «...by taking existence at its most fiery coloured moments, he (Tougenieff) can distil into a few pages of perfect prose the moods and passions of many lives. Count Tolstoi's method is much larger and his vision more extended. He reminds us sometimes of Paul Veronese, and like that great painter, can crowd without over-crowding the giant canvas on which he works. We may not at first gain from his works that artistic unity of impression which is Tourge-

nieff's chief charm, but once that we have mastered the details the whole seems to have the grandeur and the simplicity of an epic» [10].

Вопросы, затронутые в статье, постепенно входят во все современные курсы преподавания иностранных языков. Вместе с тем ощущается настоятельная необходимость дальнейшего их изучения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981; Он же. Интерпретация и завершенность текста // Изв. АН СССР. 1980. № 6. С. 517. (Сер. лит. и язык); Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970. С. 120; Новое в зарубежной лингвистике // Лингвистика текста. М., 1978. Вып. 8.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект...
3. Он же. Интерпретация и завершенность текста.
4. Петрунина Н. Н. Проза Пушкина. Л., 1987. С. 3.
5. Брюсов В. Верхарье на Прокрустовом ложе // Печать и революция. Кн. 3. Л., 1923. С. 25.
6. Л. Н. Толстой о литературе. М., 1955. С. 227.
7. Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 120.
8. Петрунина Н. Н. Указ. соч. С. 3.
9. Томашевский В. В. Стих и язык. М.; Л., 1959. С. 4.
10. Wilde Os. Selections. M., 1979. P. 339.

Структурные и функциональные особенности предложения и текста. Свердловск, 1989

Е. М. ЧЕКАЛИНА

Ленинградский университет

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ МНОЖЕСТВЕННОСТИ НОРМ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Лингвистическая категория нормы воплощается в совокупности норм, допускающих вариативность современного французского языка в зависимости от функционально-коммуникативной разновидности речевой деятельности. Для обучения множественности норм преподавателю необходимо использовать материалы средств массовой информации.

Характер эволюции французского языка на протяжении последних десятилетий во многом определяется ростом масштабов коммуникативных процессов в обществе, связанным с расширением сфер общественной жизни и развитием разнообразных средств массовой информации. Неизбежная при этом ломка языковых барьеров, проникновение в письменную форму языковых средств, принадлежащих к разным языковым регистрам, делают все более очевидным расхождение между представлением о норме как о литературном стандарте, ориентированным на нацио-

нальные традиции культуры речи (le bon usage), и языковой реальностью (речевым узусом).

В связи с этим во французской лингвистике наблюдается отход от традиционно преобладавшего признания единой нормы преимущественно предписывающего характера и все более завоевывает позиции представление о том, что лингвистическая категория нормы находит свое воплощение в совокупности норм, совмещающих объективный и субъективный (количественный и качественный) аспекты и допускающих вариативность в зависимости от того, какую функционально-коммуникативную разновидность речевой деятельности они регулируют. Так, Ф. Эльгорски выделяет три типа норм: объективную языковую норму, включающую регулярно воспроизводимые и количественно преобладающие языковые явления; социальную прескриптивную норму; норму-образец [1]. Объективная норма не содержит оценочных суждений; в реальном узусе она представлена множеством частных объективных норм, действующих в пределах той или иной разновидности французского языка: официального, неофициального, регионального и т. п. Относимые к объективной норме языковые явления могут быть охарактеризованы как «нормальные» (le français normal). Социальная прескриптивная норма производит отбор языковых фактов с точки зрения их правильности; критерии правильности могут быть различными. Под действием ее создается литературный стандарт, который «предписывается» носителям языка как наилучший способ выражения (le français normatif). Норма-образец представляет собой некую методологическую абстракцию, «идеальный» язык, на фоне которого ярко проявляются разного рода отклонения (le français normaliste) [2].

Это широкое понимание нормы в теории находит отражение в практике преподавания французского языка в средней и высшей школе: в качестве дидактического материала наряду с традиционными литературными используются тексты массовой коммуникации (радио, телевидения, прессы). Разнообразные газетные материалы (статьи, реклама, комиксы) включаются в учебные пособия. Вопросам теоретического описания и методического освоения для целей преподавания так называемых «не — литературных» текстов посвящен специальный выпуск лингвистического журнала [3]. При разнообразии освещаемого материала (язык рекламы, интонация при обзоре газет по радио, речь персонажей комиксов, синтаксис телевизионной речи и т. п.) авторов выпуска объединяет убежденность в языковой ценности исследуемого, мысль о необходимости выхода за пределы литературно обработанных текстов на разные виды речи и особенно на те из них, которые связаны со средствами массовой информации (СМИ).

Наряду с системой образования СМИ являются орудием распространения литературной нормы. В основе газетной, радио-

и телевизионной речи лежит языковой стандарт, признанный наилучшим образцом национального языка. Вместе с тем, эта речь содержит нечто, заставляющее лингвистов говорить о «*chambardement des médias*» — перевороте, производимом в языке СМИ, нарушающем равновесие форм и условий коммуникации [4]. Призванные внедрять литературную норму, СМИ выступают как действенный фактор ее эволюции. В поисках точного и выразительного слова журналист нарушает привычную сочетаемость лексической единицы, употребляет ее с несвойственным ей новым оттенком значения, создает потенциальное слово, выходит за рамки синтаксических правил и т. п. Если эти новшества не погибнут сразу же под карандашом редактора, весьма возможно, что со временем они попадут в нормативные грамматики, словари неологизмов или переиздания общезыковых словарей. Конечно, далеко не все «журналистские находки» ждет такая счастливая судьба. Социализация, закрепление в языке новообразования происходят лишь в том случае, если в данном коллективе существует социально осознанная потребность в новом средстве выражения. Участь новообразований тоже регулируется нормой. В. Г. Гак выделяет наряду с нормой языка норму речи — узус, огражающий специфику языка не в плане его внутреннего устройства (как система и норма), но в аспекте функционирования [5]. З. И. Хованская в этом же смысле говорит об общезыковой норме, включающей все функционально значимые явления языковой системы [6]. Язык СМИ в большей степени ориентирован на узус или общезыковую норму, так как постоянно стремится к обновлению выразительных средств, повышению воздействующей силы высказывания. Включение языковых элементов, находящихся за пределами литературной нормы, создает подвижность языкового состава текстов массовой информации и обуславливает постоянную динамику в развитии этой функциональной разновидности речи, динамику, которая в конечном счете отражается и на литературной норме. Более того, в связи с огромным расширением возможностей устной коммуникации в условиях научно-технической революции усилилось проникновение речевых явлений, принадлежащих к сугубо разговорным формам, в те области и на те уровни, которые традиционно отводились кодифицированным «престижным» формам. Элементы разговорной речи используются в публичных выступлениях, транслируемых по радио и телевидению, текст выступления может быть изложен в газете. Так речевые разговорные элементы попадают в письменную речь. Подобные ситуации повторяются достаточно часто и создают предпосылки для стратификационных сдвигов в функционально-стилевом расслоении языка. Таким образом, СМИ играют активную роль в формировании языковых норм, во многом определяя облик французского языка наших дней — *le français contemporain*.

Специалист по иностранному языку должен владеть всем арсеналом языковых средств, имеющих функциональную значимость для носителей данного языка. Представляется, что в преподавании французского языка следует в большей степени учитывать *le français normal* (пока в педагогической модели преобладает *le français normatif, voire normaliste*). На старших курсах, когда учащиеся уже владеют литературным стандартом, полезно дать им представление о «многоликости» современного французского языка, опираясь на понятие регистра — типа речи, определяемого целью и условиями коммуникации, а также отношениями между участниками акта коммуникации и их языковой компетенцией. Своеобразие французского языка наших дней, на наш взгляд, наиболее ярко отражает язык газеты, поскольку он содержит не только обработанный литературный стандарт, но и такие социально-функциональные модификации французской речи, которые допускают включение некоторых элементов, лежащих за пределами нормы сегодня, но являющихся прообразом нормы будущего. В газете осуществляется взаимодействие письменной и устной форм существования языка: близки по регистру информационные материалы в газете и обзор новостей по радио, письменный текст интервью содержит элементы спонтанной разговорной речи и т. п.

Анализ лексических и синтаксических особенностей речевых регистров, представленных в языке газеты, совершенствует представление будущего специалиста о богатстве выразительных возможностей современного французского языка, помогает лучше ориентироваться при выборе адекватных языковых средств в зависимости от коммуникативной ситуации и дает наглядное представление о варьировании норм в функционально многомерной системе языка. Кроме того, материалы прессы содержат обширную социокультурную информацию, овладение которой формирует фоновые знания учащихся.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Helgorsky F. La notion de norme en linguistique // *Le Français Moderne*. 1982. N 1. P. 1—14.
2. Термин *le français normaliste* заимствован нами у Ж. Селара: Cellard J. Les normes de la communication informative // *Le français dans le monde*. 1982. N 169. P. 44.
3. Textes et discours non-littéraires // *Langue française*. 1975. N 28.
4. Les normes de français // *Le français dans le monde*. 1982. N 169. P. 15.
5. Гак В. Г. К эволюции способов речевой номинации // *Вопр. языкозн.* 1985. № 4. С. 28.
6. Хованская З. И. Стилистика французского языка. М., 1984. С. 68.

СОДЕРЖАНИЕ

Абрамов Б. А. Внутритекстовые функции предложений	3
Гаврилова Н. В. Причинно-результативные отношения в предложении и тексте	9
Томашпольский В. И. Отрицательно-побудительные предложения: в поисках общероманских прототипов	14
Баталова И. К. Коммуникативная, семантико-грамматическая и стилистическая организация связного высказывания	19
Филонова Н. К. Коммуникативная организация парцеллированных высказываний	31
Турбин А. Г. Соотношение активной и пассивной форм репрезентации предложения	38
Пирогов Н. А. Синонимия сложных предложений, выражающих атрибутивные отношения в нижненемецких диалектах	44
Постникова Н. А. Текстовая актуализация прагматической информации форм английского глагола длительного вида	48
Новоселова Г. Л., Сеянина В. Л. Прагматические и структурные особенности газетных заголовков (на материале современного немецкого языка)	55
Семенюк М. П., Постникова Н. А. Синтаксическая вариативность английских реквесивных высказываний	63
Петрова Н. Н. Роль синтаксической структуры предложения в организации художественного хронотопа поэтического текста	69
Сахно С. Л. Параллелизм семантических и синтаксических отношений в структурах со значением приблизительности	78
Гронская О. Н. Функции именного словосочетания с конститuentом — именем собственным окказиональным в текстах литературных сказок	85
Ковалевская И. И. Структурно-семантические характеристики адъективно-именных сочетаний (на материале французских прилагательных размера)	90
Донгаузер Л. С. Интонационное выражение синтаксических связей в сложноподчиненном предложении (на материале современного немецкого языка)	96
Хорев Л. Н. Несобственно-прямая речь в романе Г. Канта «Актовый зал»	101
Лукичева В. М. Особенности коллоквиального словообразования	105
Минина В. М. Лингвистическая организация описательных и повествовательных контекстов (на материале романа Г. Флобера «Мадам Бовари»)	113
Пестова Н. В. Системность и нормативность поэтического текста (на примере транзитивации непереходных глаголов в немецком языке)	118
Шмидт И. К. Прагматические аспекты границ текста	123
Чекалина Е. М. Лингводидактические аспекты проблемы множественности норм современного французского языка	130

**СТРУКТУРНЫЕ
И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ТЕКСТА**

Редактор Л. В. Драгицкая
Технический редактор Н. Н. Заузолкова

Свод. тем. пл. № 20

Сдано в набор 16.12.88. Подписано в печать 21.03.89.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага книжно-журн. Гарнитура
литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,5. Усл.
кр.-отг. 8,7. Уч.-изд. л. 8,0. Тираж 800 экз. Заказ 628.
Цена 90 к.

Свердловский ордена «Знак Почета»
государственный педагогический институт.
620219 Свердловск, ГСП-135, просп. Космонавтов, 26.
Типография изд-ва «Уральский рабочий».
620015 Свердловск, пр. Ленина, 49.